ISSN 2345-1734 (Print)
e-ISSN 2345-1742 (PDF)

Rusin

Journal Library

Библиотека журнала «Русин»

2015, Nr 3

Association Rus'
Tomsk State University

Rusin

Journal Library

Библиотека журнала

«Русин»

2015, Nr 3

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинев, Молдавия)
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

Библиотека журнала
Русин
Основана в 2015 г.

Редакционная коллегия:

главный редактор
кандидат исторических наук С. Суляк (Молдавия)

кандидат исторических наук Н. Бабилунга (Молдавия, Приднестровье)
доктор исторических наук В. Зиновьев (Россия)
кандидат филологических наук Д. Катунин (Россия)
доктор исторических наук М. Чучко (Украина)

Адрес редакции: Республика Молдова, MD 2001, г. Кишинев, ул. М. Когэлничану, 24, кв. 1 А. Республиканская общественная ассоциация «Русь».
Тел.: (+373 22) 28-75-59
E-mail: journalrusyn@rambler.ru

© Общественная ассоциация «Русь», 2015

Rusin

Journal Library

Established in 2015

Editorial Board:

Editor-in-Chief
S. Sulyak, PhD in History (Moldova)

N. Babilunga, PhD in History (Moldova, Transnistria)
V. Zinovyev, Doctor of History (Russia)
D. Katunin, PhD in Philology (Russia)
M. Chuchko, Doctor of History (Ukraine)

Editor's adress: Association «Rus'». ap. 1A, 24, M. Kogalniceanu7 Str., Chisinau, MD 2001, Moldova.

Tel.: (+373 22) 28-75-59
E-mail: journalrusyn@rambler.ru

© Association «Rus'», 2015

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

От редактора выпуска / From the Editor of the Issue 6

Всероссийская конференция с международным участием «Славянские языки в условиях современных вызовов» / International scientific conference «Slavic Lanquages: Responding to New Challenges»

СЛАВЯНСКАЯ КОНЦЕПТОСФЕРА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОТРАЖЕНИИ / SLAVIC CONCEPTOSPHERE IN ARTISTIC REFLECTION

И.А. Айзикова. Дунайская армия и Отечественная война 1812 г. в интерпретации авторов «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» (М., 1814): исторические факты и социальная мифология 8

I.A. Ayzikova. The Danube army and the War of 1812 as interpreted by the authors of the Collection of Verses Related to Unforgettable 1812 (M., 1814): Historical facts and social mythology 9

Н.Ф. Алефиренко, И.И. Чумак-Жунь. Языковая личность «слобожанского русича» XIX в. (на материале словесного творчества П.Я. Барвинского) 26

N.F. Alefirenko, I.I. Chumak-Zhun. The linguistic identity of the Sloboda Ukrainian in the 19th century (in works by P. Barvinsky) 27

В.Ю. Баль. Идея национального возрождения в романе В. Шарова «Возвращение в Египет»: диалог с Гоголем 41

V.Y. Bal. The idea of national revival in *Return to Egypt by* V. Sharov: A dialogue with Gogol 42

О.В. Седельникова. Россия и славянский мир в творческом сознании А.Н. Майкова 55

O.V. Sedelnikova. Russia and the Slavic World in creative consciousness of A. Maykov 55

ПРОБЛЕМЫ СЛАВЯНСКОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ: ЯЗЫКОВАЯ И ТЕКСТОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КЛЮЧЕВЫХ / КОНЦЕПТОВ PROBLEMS OF SLAVIC COMPARATIVE STUDIES: LINGUISTIC AND TEXTUAL REPRESENTATION OF KEY CONCEPTS

С. Корычанкова, Л.Б. Крюкова. Перцептивность как идиостилевая характеристика поэтического творчества чешских и русских символистов (на материале стихотворений О. Бржезины и К. Бальмонта) 69

S. Korychankova, L. Kryukova. Perceptivity as the author's individual style of an author in the poetry of Czech and Russian symbolists (a case study of O. Březina and K. Balmont) 70

М. Калита, Н.А. Мишанкина. «ЛЮБОВЬ / MIŁOŚĆ» в менталитете поляков и русских (на материале психолингвистического эксперимента) 85

M. Kalita, N.A. Mishankina. "Love / miłość" in the mentality of Poles and Russians (based on the psycholinguistic experiment) 86

Е.А. Оглезнева. О динамике языковых ситуаций с участием славянских языков в XX в. (на материале Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая) **102**
E.A. Oglezneva. The dynamics of linguistic situations with the participation of Slavic languages in the 20th century (a case study of the Russian Far East and Northeastern China) **103**

И.В. Садыкова. Славянские соответствия русскому *чуять*: к вопросу семантической эволюции **121**
I.V. Sadykova. The Slavic equivalents of the Russian chujat' (чуять): to the semantic evolution **122**

С.А. Толстик. История формирования лексико-семантического поля 'гордость' в польском литературном языке **133**
S.A. Tolstik. The history of the lexico-semantic field 'pride' in the literary Polish **134**

Ю.В. Филь. Об особенностях номинации действия в русском и чешском языках **147**
Y.V. Fil. On the denotation of action in Russian and Czech **148**

КОНЦЕПТЫ КУЛЬТУРЫ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ И МЕТАЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ / CONCEPTS OF CULTURE IN RUSSIAN LANGUAGE AND METALANGUAGE CONSCIOUSNESS

Т.А. Винникова. Восприятие русского кинотекста русским и инокультурным реципиентами **159**
T. A. Vinnikova. The perception of Russian cinematext by Russian and non-Russian recipients **160**

Г.В. Калиткина. Трансляция традиции в диалектном дискурсе **167**
G.V. Kalitkina. Translation of the tradition in the dialect discourse **168**

Е.В. Кишина. Русская паремиология в аспекте отражения обыденного языкового сознания **183**
E.V. Kishina. Russian paroemiology in terms of ordinary language consciousness **184**

DOI: 10.17223/23451734/3/1

ОТ РЕДАКТОРА ВЫПУСКА

15–16 мая 2105 г. в Томском государственном университете прошла Всероссийская конференция с международным участием «Славянские языки в условиях современных вызовов», соучредителем и организатором которой выступила редакция международного исторического журнала «Русин». Роль редколлегии журнала заключалась не только в информационной поддержке конференции, но была значительной на всех этапах подготовки, включая разработку общей концепции конференции, «входное рецензирование» представляемых докладов, определение направленности работы секций и их состава. Эти и другие вопросы решались в ходе совместных обсуждений редколлегии журнала и оргкомитета конференции, что было вполне закономерно, так как программный комитет конференции возглавил главный редактор журнала С.Г. Суляк, а оргкомитет конференции – члены редколлегии З.И. Резанова и Д.А. Катунин.

Научная программа конференции охватила широкий круг аспектов языкового существования современных славянских культур в его исторической проекции, в широком социальном и культурном контексте.

Материалы выступлений участников конференции были опубликованы в третьем номере журнала «Русин» за 2015 г. В этом выпуске Библиотеки журнала «Русин» продолжается публикация материалов данной конференции. Здесь представлены статьи, основная направленность которых связана реконструкцией истоков современной концептосферы славянского мира и, в меньшей мере, с их современным профилированием.

Рубрикация статей проведена с учетом различий методологии анализа – литературоведческого и лингвистического, а также с учетом ограничений предмета описания: обращается автор к материалам одного славянского языка или к сравнительному анализу двух и более языков.

В статьях рубрики «Славянская концептосфера в художественном отражении» представлены анализ художественных рефлексий различных аспектов идеи славянства, славянского единства и актуализации особой национальной идентичности в пределах славянского мира, осмысления грандиозных исторических событий в индивидуальном художественном сознании в творчестве писателей XIX в., история зарождения и формирования особых образов мира, позволяющая осмыслить иерархию славянских этнокультткультурных ценностей.

Рубрика «Проблемы славянской компаративистики: языковая и текстовая репрезентация ключевых концептов» включает статьи, предметом обсуждения в которых стали значимые культурные концепты, их историческое и этнокультурное варьирование.

В данный раздел включена также статья Е.А. Оглезневой, посвященная социолингвистическому анализу языковых ситуаций, которая в контексте других статей рубрики высвечивает социальные истоки исторической и культурной динамики концептосферы.

Статьи рубрики «Концепты культуры в русском языковом и метаязыковом сознании» объединяет обращение их авторов к проблемам отражения концептов, образов, стереотипов в русском языковом и метаязыковом сознании.

Редколлегия журнала «Русин» и оргкомитет конференции «Славянские языки в условиях современных вызовов» приглашает к сотрудничеству исследователей, изучающих языковые аспекты славянского мира.

З.И. Резанова,
профессор, председатель оргкомитета конференции,
член редколлегии журнала «Русин»

УДК 821.161.1; 93/94
UDC
DOI: 10.17223/23451734/3/2

ДУНАЙСКАЯ АРМИЯ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 Г. В ИНТЕРПРЕТАЦИИ АВТОРОВ «СОБРАНИЯ СТИХОТВОРЕНИЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ К НЕЗАБВЕННОМУ 1812 ГОДУ» (М., 1814): ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТЫ И СОЦИАЛЬНАЯ МИФОЛОГИЯ

И.А. Айзикова

Томский государственный университет
Россия, 634004, г. Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: wand2004@mail.ru

Авторское резюме

Рассматривается интерпретация вопроса об участии Дунайской армии в войне 1812 г. авторами уникального издания, вышедшего из печати в Москве в 1814 г. и включающего в себя почти все написанные в 1812 – начале 1814 г. русские стихотворения об Отечественной войне. Художественно-идеологическое осмысление исторических событий и его участников, представленное в антологии, отличается документальной точностью и вместе с тем осуществляется в русле нациостроительства и социальной мифологии. Вводя исследуемый материал в систему многих контекстов, автор статьи приходит к выводу о том, что издание теснее всего связано с идеологическим контекстом, демонстрирующим внедрение в общественное сознание россиянина представлений о русской нации как гражданской, в духе которых и трактуется роль Дунайской армии в Отечественной войне 1812 г. На страницах «Собрания…» последовательно создается коллективный образ мощной и непобедимой российской армии, единой в своем порыве с монархом и народом, на этом фоне выделяются конкретные исторические детали действий Дунайской армии, индивидуальные портреты ее представителей, которые в конечном итоге органично входят в славную историю войны 1812 г. и национальный пантеон героев, отражая черты общей судьбы России и национального характера росса.

Ключевые слова: Дунайская армия, Отечественная война 1812 г., нациостроительство, социальная мифология, история, литература.

THE DANUBE ARMY AND THE WAR OF 1812 AS INTERPRETED BY THE AUTHORS OF *THE COLLECTION OF VERSES RELATED TO UNFORGETTABLE 1812* (M., 1814): HISTORICAL FACTS AND SOCIAL MYTHOLOGY

I.A. Ayzikova

Tomsk State University
36, Lenin Avenue, Tomsk, 634004, Russia E-mail: wand2004@mail.ru

Abstract

Discusses the interpretation of the question about the participation of the Danube army in the war of 1812 of the authors of the edition published in Moscow in 1814 and includes almost everything that is written in 1812 – early 1814 Russian verses about the war of 1812. Artistic and ideological understanding of historical events and parties represented in the anthology, different documentary precision and yet is part of the nationbuilding and social mythology. Introducing the material into the system in many contexts, the author comes to the conclusion that the edition most closely associated with the ideological context, showing implementations in the public consciousness of the Russian perceptions of the Russian nation as a civilian, in connection with that role of the Danube army in the war of 1812 is interpreted. In the pages of "Collection..." occurs a collective image of powerful and invincible Russian army, united in their effort with the monarch and the people, against this background, highlighted with specific historical details of the actions of the Danube army, individual portraits of its representatives, eventually organically included in the glorious history of the war of 1812 and the national Pantheon of heroes, reflecting the features of a common destiny of Russia and the national character of Ross.

Keywords: Danube army, the war of 1812, nationbuilding, social mythology, history, literature.

«Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году», вышедшее из печати в Москве в 1814 г., явилось непосредственным откликом на события Отечественной войны 1812 г., получило известность у его современников, представляя и в наше время значительный историко-литературный интерес, так как это – единственный сборник, содержащий почти все написанные в 1812 – начале 1814 г. русские стихотворения, имеющие отношения

к теме Отечественной войны 1812 г. Рассмотрение собранных под одной обложкой поэтических текстов как единого метатекста позволяет создать целостную картину, составленную между тем из многих представленных в творениях авторов начала XIX в. образов и идей, связанных с военными событиями 1812–1814 гг., и одновременно осмыслить отдельные вопросы в контексте целого – в частности, оно дает возможность понять, как и почему именно так представлено в издании место Дунайской армии в истории войны с Наполеоном.

Издание было подготовлено к печати князем Н.М. Кугушевым (1777–1825, не ранее октября)[1], участником итальянского похода А.В. Суворова, автором одного из первых подражаний «Слову о полку Игореве», а также ряда литературных произведений разных жанров, творческая деятельность которого пришлась на два первых десятилетия XIX в. и который сегодня относится к числу забытых писателей второго ряда[2]. Составленную им антологию, по справедливому замечанию В.С. Киселева, трудно «причислять к продуманным и тщательно организованным… призванным донести до читателя лучшее и наиболее показательное в отечественной словесности. <…> Для Н.М. Кугушева главным при составлении «Собрания стихотворений» были не чисто эстетические мотивы, которые определяли композицию и отбор в антологиях В.А. Жуковского и, позднее, А.Ф. Воейкова. Поэт-солдат и поэт-патриот желал в первую очередь сохранить в памяти читателя образ «незабвенного 1812 года», еще вполне живой и порождавший множество ассоциаций» (Киселев 2012: 36–37) и, позволим себе продолжить мысль автора, определявший целостность издания. Подчеркнем также, что целостность, а также ценность и значение рассматриваемого памятника культуры и литературы в большой степени определяются важностью и тематической связанностью представляемых в ней исторических событий и их участников, а также формированием их уникального художественно-идеологического осмысления, происходившего, с одной стороны, в духе летописания, осуществляемого с документальной точностью, а с другой – в русле нациостроительства и социальной мифологии. Дунайской армии и ее роли в ходе Отечественной войны 1812 г. в концепции «Собрания…» отводится весьма показательное место.

Выстраивая историю политических и военных столкновений России и Франции, предшествующую войне 1812 г., антология не раз обращает читателей к итальянскому и швейцарскому походам Суво-

рова 1799 г. и к более приближенным к 1812 г. событиям. Например, неоднократно, прямо или косвенно, упоминается Тильзитский мир, заключенный в 1807 г. между Александром I и Наполеоном, к которому в России отнеслись как к национальному позору, делающему войну с Францией неизбежной:

Неаполь, Рим сбирают легионы,
Богемец, венгр, саксон ополчены,
И стали в строй изменники сарматы!
Им нет числа! Дружины их крылаты!
И норд и юг поток сей наводнил!
Вождю вослед, а вождь их за звездою,
Идут, летят – уж всё под их стопою!
Уж росс главу под низкий мир склонил!..
О, замыслы! О, Неба суд ужасной!
О, хищный враг!..

(В.А. Жуковский. Князю Смоленскому) (Собрание 1: 83).

Но этим договором «царь обеспечил себе свободу действий на севере Европы и на Балканах», «передышку, отвоеванную им для подготовки отпора покорителю Европы, и использовал ее для разрушения антироссийского фронта, создаваемого на западных и южных рубежах России дипломатией не только Франции, но и ее противницы Англии» (Шорников 2012: 12).

О русско-шведской войне 1808–1809 гг., закончившейся мирным договором и обеспечением безопасности второй столицы России – Петербурга, читателям напоминают через последовательное введение в произведения знаковых имен: командующего дивизией, а затем корпусом П.И. Багратиона, руководившего Аландской экспедицией 1809 г. (в «Собрании…» ему посвящен ряд стихотворений: «Лирическая песнь при известии о кончине генерала от инфантерии князя Петра Ивановича Багратиона» Н.Ф. Остолопова, «Память князю Багратиону» Н.Д. Иванчина-Писарева, «К портрету князя Петра Ивановича Багратиона» П.И. Шаликова), Я.П. Кульнева, который во время русско-шведской войны 1808–1809 гг. командовал отдельным отрядом корпуса Багратиона и совершил героический переход по льду Ботнического залива, овладев Гриссельгамом (в стихотворении Жуковского «Певец во стане русских воинов» он назван «свирепым пламенем брани», «рушителем сил», «незабвенным героем») и др.

В этот ряд встает и Бухарестский мир, положивший конец русско-турецкой войне 1806–1812 г. и обеспечивший вхождение Молдавской (Дунайской) армии, всех ее корпусов и резервов, в состав Российской армии, что также было направлено на «нейтрализацию вероятных противников» (Шорников 2012: 12) России накануне грядущей войны с Наполеоном. События этой войны представлены в «Собрании…», кроме упомянутых выше имен Багратиона, который был главнокомандующим Молдавской армии до марта 1810 г. (армия переименована в Дунайскую в 1812 г.), и Кульнева, в 1810 г. командовавшего авангардом Молдавской армии, рядом образов других военачальников, также ставших в дальнейшем героями Отечественной войны 1812 г., символами ее побед. Среди них – М.И. Кутузов, который в марте 1811 г. был назначен главнокомандующим Молдавской армии и благодаря которому был заключен Бухарестский мир (ратифицированный буквально накануне вторжения наполеоновский войск в Россию). В результате этого договора России и Турции Наполеон потерял союзника в практически уже начавшейся войне с Россией. Образ Кутузова можно считать одним из центральных в антологии, о его заслугах и заслугах руководимой им Молдавской армии в русско-турецкой войне 1811 г., о роли заключения Бухарестского мира пишет С.А. Ширинский-Шихматов в стихотворении «На кончину генерал-фельдмаршала князя Смоленского»:

Вижу героя в подвигах ратных:
Благом Отчизны дышущ и движим,
Благу Отчизны жизнь посвятив,
Выше и выше славой взносился.
Лавром дунайским, свежим, ветвистым,
Блеск заслоняя гордой луны,
Орлим полетом с жаждой стремится
Гнать от России скопища тигров,
Гнать от престола хищника царств (Собрание 2: 147).

Неоднократно называется в «Собрании…» имя еще одного героя войны 1812 г. – генерала М.А. Милорадовича, который с 1806 г. являлся командиром 10-й дивизии Молдавской армии, отличился в сражении при Бухаресте, был награжден за это золотой шпагой (Победы Милорадовича в ходе русско-турецкой войны 1806–1812 гг., в том числе освобождение Бухареста 13 декабря 1806 г., прославляются в «Авангардной песне» Ф.Н. Глинки:

Над дунайскими брегами
Слава дел его гремит;
Где ни встретится с врагами,
Вступит в бой, врагов разит.
Вязьма, Красный, Ней разбитый[3]
Будут век греметь у нас;
Лавром меч его обвитый
Бухарест от бедствий спас (Собрание 1: 184).

В ряде стихотворений увековечивается имя героя Отечественной войны 1812 г., генерала от кавалерии Н.Н. Раевского, судьба которого также была связана с Молдавской армией, где он служил во время Русско-турецкой войны 1806–1812 г.: командовал пехотной дивизией армии («Гимн лиро-эпический на прогнание французов из отечества 1812 года, во славу всемогущего бога, великого государя, верного народа, мудрого вождя и храброго воинства российского» Г.Р. Державина, «Певец во стане русских воинов» В.А. Жуковского, «Ода на Новый 1813 год» М. Виноградова, «Ода победам российского воинства» Н.П. Николева и др.).

В галерею героев отечества в «Собрании…» встали образы и ряда высших офицеров, чьи судьбы связались с Дунайской армией во время событий 1812–1814 гг. Это – адмирал П.В. Чичагов, назначенный главнокомандующим Дунайской армией, вместо Кутузова, 29 мая 1812 г. (получил бессрочный отпуск по болезни в феврале 1813 г.), генерал-майор М.С. Воронцов, командовавший отдельным летучим отрядом в армии Чичагова, генерал-майор Л.А. Денисьев, отличившийся в сражениях при Бресте и Борисове, генерал от кавалерии А.П. Тормасов – находившаяся под его командованием 3-я армия воевала бок о бок с армией Чичагова, и др. («Певец во стане русских воинов» В.А. Жуковского, «Сражение при Бородине. Эпическая песнь, посвященная храброму российскому воинству» Д.П. Глебова, «Песнь отечеству на победы над французами» В.В. Измайлова).

Движение Дунайской армии в период 1812 г. отражено в антологии с большой степенью точности. Например, в стихотворении, открывающем первую часть издания – «Гимн лиро-эпический на прогнание французов из отечества 1812 года во славу всемогущего Бога, великого государя, верного народа, мудрого вождя и храброго воинства российского *посвящает Державин»*, в авторских примечаниях упоминается «реляция от 23 августа» 1812 г., т. е. «Донесение М.И. Голенищева-Кутузова от 23 августа (4 сентября) 1812 г.», в ко-

тором Главнокомандующий всеми действующими армиями генерал от инфантерии князь Голенищев-Кутузов из главной квартиры при селе *Бородине* доносил Его императорскому величеству за 3 дня до Бородинского сражения следующее: «Позиция, в которой я остановился при деревне *Бородине* в 12 верстах впереди Можайска, одна из наилучших, какую только на плоских местах найти можно. Слабое место сей позиции, которое находится с левого фланга, постараюсь я исправить посредством искусства. Желательно, чтобы неприятель атаковал нас в сей позиции, в таком случае имею я большую надежду к победе, но ежели он найдя мою позицию крепкою, маневрировать будет по дорогам, ведущим к Москве; тогда должен буду идти и стать позади Можайска, где все сии дороги сходятся» (Прибавление 1812; Северная почта 1).

В «Донесении М.И. Голенищева-Кутузова от 4 (16) сентября 1812 г.», т. е. уже после Бородинской битвы, Главнокомандующий армиями подробнее раскрывал предусмотренный ранее план отступления от занятой французами Москвы, в котором он рассчитывает на взаимодействие с армией Чичагова, уже выдвинувшейся в северном направлении на соединение с 3-й армией генерала Тормасова (которое произошло 7 (18) сентября в Волынской губернии): «Осмеливаюсь всеподданнейше донести ВАМ, ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ ГОСУДАРЬ, что вступление неприятеля в Москву не есть еще покорение России. Напротив того с армиею делаю я движение на Тульской дороге. Сие приведет меня в состояние прикрывать пособия, в обильнейших наших Губерниях заготовляемые. Всякое другое направление пресекло бы мне оные равно и связь с армиями Тормасова и Чичагова. Хотя не отвергаю того, чтобы занятие Столицы не было раною чувствительнейшею, но не колеблясь между сим происшествием и теми событиями, могущими последовать в пользу нашу с сохранением армии, я принимаю теперь в операцию со всеми силами линию, посредством которой начиная с дорог Тульской и Калужской, партиями моими буду пресекать всю линию неприятельскую, растянутую от Смоленска до Москвы, и тем самым отвращая всякое пособие, которое бы неприятельская армия с тылу своего иметь могла, и обратив на себя внимание неприятеля надеюсь принудить его оставить Москву и переменить всю свою операционную линию» (Северная почта 2).

Органично вошедшее, наряду с множеством документов и специальных бюллетеней, публиковавшихся в периодике военной поры, в российское информационное пространство «Собрание…»,

с одной стороны, изображает события войны 1812 г. предельно конкретно, исторически достоверно, чуть ли не документально, а с другой, параллельно, в нем творится миф о войне 1812 г. в целом и об отдельных его событиях и участниках. Появление издания было смоделировано как средство объединения нации и одновременно вызвано объективной, естественной потребностью ответа русской литературы и культуры на грозные вызовы реальности. Оно само строилось по законам национального единства, демонстрируя русскую историю, культуру, литературу как органичный элемент единого национального целого.

В этой связи показателен авторский состав издания, красноречиво передающий образ России в ситуации всенародной войны за ее освобождение. В издании опубликованы стихотворения более ста авторов, среди которых представители чуть ли не всех социальных групп России, принимавших или не принимавших непосредственное участие в боевых действиях 1812 г.: московский священник Матфей Аврамов, командир егерского полка Московского ополчения А.В. Аргамаков, можайский дворянин Б.К. Бланк, член ополчения, бригад-майор сычевской дружины С.Н. Глинка, его брат Ф.Н. Глинка, будущий декабрист, П.В. Голенищев-Кутузов, государственный деятель, генерал-адъютант, А. Прожика, житель Харькова, И.А. Кованько, поэт, родом из малороссийских дворян, И.И. Нечаев, воронежский купец, Г. Окулов, учитель Санкт-Петербургской духовной семинарии, писатель, П.И. Шаликов, писатель, из грузинского княжеского рода и мн. др. Кроме того, в «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» вошла и мужская, и женская поэзия. Последняя представлена произведениями широко известных в свое время поэтесс А.П. Буниной, А.А. Волковой.

Примечательно и то, что под одной обложкой издания объединились в патриотическом и нациостроительском порыве творчества сторонники классицизма, сентиментализма и зарождающегося в русской литературе романтизма. Так что при всем разнообразии авторского состава «Собрания…», которое может произвести даже впечатление пестроты и отсутствия принципов отбора, в издании постепенно вырастает образ автора с единой целостной позицией по отношению к читателю, изображаемым событиям и их участникам. Его можно охарактеризовать такими чертами, как патриотизм, безусловная вера в победу над врагом и столь же безусловная вера в царя, армию и народ Российской империи.

Телеология издания, безусловно, вытекала из историко-культурной ситуации 1812–1814 гг. и в то же время была связана с установкой на то, чтобы влиять на нее в таких важнейших аспектах, как сохранение народного духа, формирование национального сознания, культурное самовоспроизведение в тяжелейших обстоятельствах войны. Показательно в связи с этим осмысление авторами антологии военных событий и их участников в тесной связи с концептом родной земли и ее границ, за сохранение которых бьются не жалея живота своего все россияне, независимо от их национальной принадлежности, социального положения и отношения к той или иной армии, входящей в состав единых вооруженных сил Российской империи. Ни одна из четырех ее армий в «Собрании…» не выделяется как ведущая, основная, действующая наиболее результативно и т. п. Все военные действия освещаются в рамках идеологической концепции антологии, направленной на нациостроительство и активно использующей в этих целях средства социальной мифологии.

Важнейшей концептульной составляющей антологии является также идея добровольного вхождения бурят, калмыков и др. в общество «российский народ», добровольного объединения представителей всех национальностей, проживающих на территории России, для победы над общим врагом. Напомним, что Пруто-Днестровская область вошла в состав России, в соответствии с Бухарестским миром, незадолго до военных действий 1812 г., в надежде освободиться таким образом от турецкого ига и получить возможность осуществить «молдавский проект окончательного устройства национальной судьбы» молдаван (Шорников 2012: 11).

Родная земля ассоциируется во всех стихотворениях «Собрания…» с древнейшим культурным понятием «матери», ее судьба затрагивает самые глубины чувства всего населения Российской империи, и ведущим в антологии оказывается мотив сильного потрясения всех россиян фактом оккупации их земли (а одним из ведущих жанров – «чувствования», выносимый в заглавие стихотворения: «Чувствования Россиянки, возбужденные победами Российских войск над бегущим врагом Отечества» А.А. Волковой, «Чувствования русского в Кремле» Д.П. Глебова, «Чувствования верноподданного, возродившиеся по прочтении призывания к защите Отечества, обнародованного в 10 день июля 1812 года» И.И. Ламанского и др.). Понятие «росс» (одно из самых частотных в «Собрании…» – употреблено около 600 раз (включая слова с корнем «росс»; срав.: «русский» употребле-

но около 150 раз)) интерпретируется как некая общность народов, проживающих на территории России, все они – дети матери-России и отца-монарха. Поведение россиян (россов) диктуется идеей коллективного спасения, общим чувством долга перед Родиной и царем, общей этикой и верой, единым типом отношения к врагу и ведущейся войне и единым настроем на победу:

> Различно племя, в разны латы
> Облекшись, росский род
> Как исполин встает! <…>
> «Полна нечестья галлов мера,
> Спасает россов тепла вера»
> (Г.Р. Державин. Гимн лиро-эпический…) (Собрание 1: 5).

> Скажи Европе изумленной,
> Что росс, победой возвышенный,
> Хранит судьбу ее в руках!
> (П.И. Голенищев-Кутузов. Ода на истребление врагов и изгнание их из пределов любезного отечества) (Собрание 1: 28).

> К Нему возопием, о россы!
> Падут пред нами все колоссы;
> Бог с нами, коль мы будем с Ним!
> (М.И. Невзоров. Ода на случай войны с французами 1812 года) (Собрание 1: 34).

Примеры можно продолжать.

В этом плане показательна и поэтика заглавий вошедших в антологию текстов, в которых подчеркивается идея коллективного чувства, единого патриотического порыва россов – воинов и гражданского населения: «Гимн лиро-эпический, на прогнание французов из отечества 1812 года во славу Всемогущего Бога, Великого Государя, верного народа, мудрого Вождя и храброго воинства российского» Державина, «Ода на истребление врагов и изгнание их из пределов любезного отечества» Голенищева-Кутузова, «Ода на освобождение Москвы» Ламанского, «Ода на бегство Наполеона от Малоярославца чрез Можайск, Гжатск и Вязьму, беспрерывными поражениями его армии сопровождаемое» Кованько, «Глас московского жителя на освобождение России от врагов» Глебова и т. д. Этот миф о многонациональном мирном и воюющем населении России как целостности, корнями своими уходящий в идеи соборности, крестьянской общины, очень многое определяет в содержании и отдельных стихотворений,

и издания в целом. Он становится механизмом толкования грозных событий, упорядочивая изображение суровой реальности войны, указывая авторам и читателям на должное: россы сливаются в единую армию, в единое воинство, чтобы защитить отечество. Это было недалеко от исторических фактов: в частности, интересующая нас Молдавская армия, как было сказано выше, благодаря Бухарестскому миру, прославляемому в «Собрании…», вошла в состав вооруженных сил Российской империи и была специально «высвобождена для войны против французов» (Шорников 2012: 17).

Звучание рассматриваемого издания в целом и интерпретация его авторами участия той или иной армии в Отечественной войне 1812 г. связаны также с трактовкой понятий своей и чужой земли, их оппозиции, с одной стороны, тоже складывающейся в логике мифологического сознания, а с другой – вытекающей из конкретного, давнего, исторического противостояния «россы» – «галлы». Обратим внимание на то, что главным признаком врага россов является его принадлежность к чужому роду, чужой земле. Столкновение «своего» и «чужого» в форме войны, изображенное в антологии, создает не только образ общего врага (галла), но и систему координат для самоопределения россиян как некой целостности, четкого осознания ими специфики «своего», по сравнению с «чужим», находящимся за границами России. Решение проблемы национальной идентификации неизменно связывается с идеей угрозы размывания и даже уничтожения независимости государства российского, против чего выступают единым фронтом все российские армии: три Западных и Дунайская. Наиболее очевидна эта идея внешнего, «чужого» вызова, на который дает достойный ответ Россия и ее многосоставная, многонациональная армия, в оппозициях Кутузов – Наполеон и Александр I – Наполеон, символизирующих в «Собрании…» модели глобального, сущностного противостояния «Восток – Запад», «сохранение своего на своей земле – экспансия своего на чужие земли»:

Цари Европы и народы!
Как бурны вы стремились воды,
Чтоб поглотить край росса весь
(Г.Р. Державин. Гимн лиро-эпический…) (Собрание 1: 13).

…россов царь,
Подвигнув Север за собою,
Разил надменного врага;

Что росс злочестие земли
Рукою сильной исторгает
(Д.И. Хвостов. Освобождение Москвы) (Собрание 2: 2).

Необходимость сопротивления вызову, брошенному российскому народу, т. е. необходимость боевых действий всех армий интерпретируется как общероссийское дело и даже предпосылка к ускорению процесса нациостроительства, всеобщего объединения, которое в ситуации Отечественной войны приобретает форму единения народов, проживающих на территории России, и народного единения в виде ополчения, о чем написан ряд стихотворений, вошедших в издание («Военная песнь при получении высочайшего манифеста в Нижегородской губернии об ополчении на защиту отечества июля 15 дня 1812 года» Шаликова, «На пожертвование в пользу нового ополчения, учиненное Всеавгустейшею материю государя императора» С. Глинки, «На возвращение ополчения» Хвостова и др.). Причем «собирание» россиян и российской армии в единое целое описывается как процесс, производимый сознательно и сверху, и снизу – властью и рядовыми гражданами.

В связи с этим обратимся к еще одной идее, поддерживающей конструкцию «Собрания…» – к идее государственной и государевой военной политики, которая интерпретируется как неразрывно связанная с интересами всего российского народа. Народ, государство, государь, армия понимаются как единое целое, они призваны служить друг другу, защищать друг друга и действовать во благо друг друга:

ЦАРЬ россов! ЦАРЬ сердец полсвета!
ТЫ наших радостей вина:
Не ТЫ ли мудростью совета
Прославил наши знамена?
Всех благ ТЫ красная денница!
(П.И. Голенищев-Кутузов. Ода на истребление врагов и изгнание их из пределов любезного отечества) (Собрание 1: 5).

Колико страшен россов гнев:
Когда Отечество страдает,
То и младенец – духом лев.
Чего нам ждать? Мы ополчимся!
Допустим ли закон попрать?
За веру, за царя сразимся!
Долг русских – край родной спасать.
(И.И. Ламанский. Чувствования верноподданного, возродившиеся по прочтении призывания к защите отечества, обнародованного в 10 день июля 1812 года) (Собрание 2: 7).

и т. д.

Попутно отметим и еще один нюанс: антология, мифологизировавшая многие социально-исторические проблемы современности и их решения, по сути, сама является мифом об отношениях политики, в том числе военной, и искусства, литературы, в частности. Поэт, царь и его военная политика, народ и его «чувствования» в рамках издания выступают в завидном единстве взглядов и устремлений.

Этот миф, как и другие, о которых шла речь выше, создавал не столько ложные, сколько идеальные представления о должных решениях вечных проблем войны и мира, национальных отношений в многонациональном государстве, государственной власти и общества. В стихотворениях «Собрания…» образы государства и монарха, опирающегося на военную мощь армии и единство с ней, ассоциируются с идеей упорядочивания бытия на всех уровнях даже в трагической ситуации войны. Образ Александра – это образ вождя единой российской армии, ведущей справедливую войну за мир, он – надежный защитник всех народов, проживающих на российской земле, победитель их общего врага, освободитель России и Европы от власти Наполеона и идеологии наполеонизма. Руководимая им российская армия поддерживает распространяемые им ценности, проливает за них кровь. Сражения, проводившиеся в ходе войны всеми армейскими корпусами и дивизиями, а также народным ополчением, велись из любви к Отечеству, за мир, справедливость, сохранение границ родной земли и т. д. – идеология, явно противопоставляемая наполеонизму с его установками на насилие, индивидуализм, экспансию.

Ключевой статус в «Собрании…» придается вопросу о роли религии в трагической ситуации войны. Какую бы большую роль в ней не играли народ или отдельные личности, армия в целом или конкретные ее части и воины, в конечном итоге все, что происходит с Россией в 1812–1814 гг. (и во все остальные времена), происходит по воле Бога – такова концепция антологии, вполне соотносящаяся с раннеромантическим пониманием законов и двигателей истории. В сфере христианского чувства находятся представления авторов «Собрания…» о родной земле и ее границах, о россах и их царе, о российской армии, ее действиях и конкретных представителях. Вера понимается как основа единства России (государя, армии, народа, о чем уже говорилось выше), воплощение патриотического духа российского воинства, с благословения Божьего идущего к победе.

Этот пафос издания свидетельствует об органичном слиянии идеологии и религии в нациостроительстве начала XIX в., направленном, как уже было отмечено, в сторону превращения многонационального народа в единую гражданскую нацию, поддерживаемую единой российской армией. Уже в начале XX в. и по сегодняшний день на этой почве в России возникают сложнейшие проблемы, попытка разрешения которых чаще всего приводила к весьма трагическим последствиям, вплоть до военных столкновений.

Не менее мощной нациостроительной силой в «Собрании…» очевидно наделяется история, которая тоже активно мифологизируется. Из поколения в поколения передающиеся имена национальных героев, транслируются в нем, переходя из одного стихотворения в другое. События и герои войны 1812 г. рассматриваются в этом контексте, раскрывая свой мифогенный потенциал в традиционных художественных формах оды, песни, гимна, молитвы, гласа и др. Историко-мифологический пантеон издания, в котором достойное место заняли представители Дунайской армии, включен также в контекст активно и программно используемых в антологии библейских образов (например, образы Давида, Соломона, агнца, Моисея и др.), а также образов античной мифологии и «примеров» или «образцов» из русской и европейской истории (наиболее часто упоминаются имена Аттилы, Герострата, Нерона, Карла XII, Мамая, Батыя, а с другой стороны – Суворова, Петра I, Кутузова, Александра I, Багратиона, Д.М. Пожарского, П.А. Румянцева-Задунайского). В русле такого понимания истории создается и само «Собрание…», переплетающее историческую достоверность с социальной мифологией.

Не случайно столь последовательно через всё издание проводится идея непобедимости армии, народа, монархов и военачальников России. В этой связи показательно замалчивание в «Собрании…» сражения при Березине, особенно заметное на фоне общего принципа детального летописания истории войны 1812 г., согласно которому в антологии отражены все значительные сражения 1812–1814 гг.

Напомним, что 30 августа (11 сентября) Александр I направил Кутузову план военных действий, согласно которому следовало использовать во благо России вторжение Наполеона в Москву и искоренить оставленные им в тылу корпуса усилиями четырех российских армий, в число которых входила и Дунайская армия. Императором был отдан приказ адмиралу Чичагову выдвинуть Дунайскую армию, шедшую

в Россию после заключения Бухарестского мира, к реке Березина, принять под свое командование армию генерала Тормасова и, объединившись также с корпусом генерала П.Х. Витгенштейна, преградить наполеоновским войскам путь к отступлению. Аналогичный приказ был получен Чичаговым и от Кутузова. Уже 9 (21 ноября) корпус генерала К.О. Ламберта, находившегося в авангарде армии Тормасова, прибыл в Борисов для захвата переправы через Березину, а 10 (22 ноября) в Борисов прибыл Чичагов со своим штабом. Однако без поддержки войск Витгенштейна авангард Чичагова был выбит из Борисова корпусом маршала Н. Удино. Дунайская армия отступила за Березину, хотя уверенность в возможности взять в плен Наполеона у Чичагова оставалась. Но Наполеону удалось отвлечь внимание русского командующего на Борисов и организовать 26–27 ноября переправу через Березину, проходившую с боями на обеих берегах реки. Против Чичагова выступил корпус Удино, а потом маршала М. Нея. Шанс уничтожить Наполеона был упущен. Основную вину за это современники возложили на командующего Дунайской армией[3], что и объясняет пробел, образовавшийся вокруг сражения при Березине в изображаемой авторами «Собрания…» истории войны 1812 г. В антологии эти события и их участники нашли отражение лишь в упоминании отдельных деталей в стихотворениях С. Глинки «Побег Наполеона Карловича из земли русской. Шутливое стихотворение», «На новую победу российских войск, одержанную под начальством графа Витгенштейна», в «Песни отечеству на победы над французами» Измайлова.

Подводя итог, подчеркнем, что «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году», по-видимому, имело своей главной миссией идеологическую, которую оно и содержанием, и художественной формой успешно выполнило[4]. В издании ярко выражается процесс нациостроительства возможностями литературы, характерный для России начала XIX в. и перекликающийся с современностью как в достижениях, так и в проблемах. Поэтому создание и публикацию антологии, ее состав и пафос необходимо рассматривать в системе многих контекстов: исторического, идеологического, историко-философского, историко-культурного, историко-литературного, тесно связанных с проблемами национальной идентичности, в духе которых его авторами интерпретируется и рассмотренная нами роль Дунайской армии в Отечественной войне 1812 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Имя составителя «Собрания…» установлено А.С. Бодровой на основании документов из Центрального исторического архива Москвы. См.: Бодрова 2012: 159. О датировке работы Кугушева над составлением антологии см.: Айзикова 2013.

2. О Н.М. Кугушеве см.: Кочеткова 1994: 197–198; Кочеткова 1999: 163–165.

3. См., например, басню И.А. Крылова «Щука и Кот». Сегодня эта версия активно пересматривается историками, см.: Мазинг 1991; Постникова 2012; Постникова 2013; Шорников 2012: 18–26 и др.

4. Не случайно «Собрание…» после 1814 г. ни разу не переиздавалось и оказалось практически забытым, несмотря на своё историко-культурное и литературное значение. В настоящее время, при грантовой поддержке РГНФ, коллективом томских филологов (И.А. Айзикова, В.С. Киселев, Н.Е. Никонова) готовится научное издание этого памятника русской словесности, с атрибуцией и точной датировкой почти всех стихотворений, научным комментарием текстов, вводимых в широкий историко-литературный и социокультурный контекст эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

Айзикова 2013 - *Айзикова И.А.* Историко-литературное значение «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» // Сибирский филологический журнал. 2013. № 1. С. 24–30.

Бодрова 2012 - *Бодрова А.С.* Кто же был составителем «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году»? // Новое литературное обозрение. 2012. № 118 (6). С. 158–167.

Киселев 2012 - *Киселев В.С.* Идеологический контекст «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» // Текст. Книга. Книгоиздание. 2012. № 1. С. 35–51.

Кочеткова 1994 - *Кочеткова Н.Д.* Кугушев Николай Михайлович // Русские писатели. 1800–1917. Т. 3: К–М / Гл. ред. П.А. Николаев. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. 593 с.

Кочеткова 1999 - *Кочеткова Н.Д.* Кугушев Николай Михайлович // Словарь русских писателей XVIII в. Вып. 2: К–П. СПб.: Наука, 1999. 508 с.

Мазинг 1991 - *Мазинг Г.Ю.* Березина, год 1812-й. Минск: Полымя, 1991. 125 с.

Постникова 2012 - *Постникова Е.А.* Сражение при Березине в исторической памяти Франции // Новая и новейшая история. 2012. № 2. С. 53–63.

Постникова 2013 - *Постникова Е.А.* Великая армия Наполеона на Березине: событие – память: автореф. дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2013. 22 с.

Прибавление 1812 - Прибавление к «Санкт-Петербургским ведомостям». 1812. № 70 (от 30 августа).

Северная почта 1 - Северная почта. 1812. № 70 (от 31 августа).

Северная почта 2 - Северная почта. 1812. №75 (от 18 сентября).

Собрание 1 - Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году: В 2 ч. Ч. 1. М.: Университетская типография, 1814.

Собрание 2 - Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году: В 2 ч. Ч. 2. М.: Университетская типография, 1814.

Шорников 2012 - *Шорников П.* Бухарестский мир и участие Дунайской армии в Отечественной войне 1812 года // Русин. 2012. № 4 (30). С. 11–28.

REFERENCES

Ayzikova, I.A. (2013) The historical and literary significance of "Collection of Verses Related to Unforgettable 1812". *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 24-30. (In Russian).

Bodrova, A.S. (2012) Kto zhe byl sostavitelem "Sobraniya stikhotvoreniy, otnosyashchikhsya k nezabvennomu 1812 godu"? [Who compiled "Collection of Verses Related to Unforgettable 1812»?]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 118(6). pp. 158-167. (In Russian).

Kiselev, V.S. (2012) Ideological Context of "Collection of Verses Related to Unforgettable1812"]. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 1. pp. 35-51. (In Russian).

Kochetkova, N.D. (1994) Kugushev Nikolay Mikhaylovich [Kugushev Nikolay Mikhailovich]. In: Nikolaev, P.A. (ed.) *Russkie pisateli. 1800–1917. T. 3: K–M* [Russian writers. 1800–1917. Vol. 3: K–M]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya.

Kochetkova, N.D. (1999) Kugushev Nikolay Mikhaylovich [Kugushev Nikolay Mikhailovich]. In: Kochetkova, N.D. & Panchenko, A.M. (eds) *Slovar' russkikh pisateley XVIII v. Vyp. 2: K–P* [Dictionary of Russian writers of the 18th century. Vol. 2: K–P]. St. Petersburg: Nauka.

Mazing, G.Yu. (1991) *Berezina, god 1812-y* [Berezina, 1812]. Minsk: Polymya.

Postnikova, E.A. (2012) Srazhenie pri Berezine v istoricheskoy pamyati Frantsii [The battle of Berezina in the historical memory of France]. *Novaya i noveyshaya istoriya*. 2. pp. 53-63.

Postnikova, E.A. (2003) *Velikaya armiya Napoleona na Berezine: sobytie – pamyat'* [The Grand army of Napoleon at the Berezina: event – memory]. Abstract of History Cand. Diss., Ekaterinburg.

St. Petersburg Vedomosti. (1812) Pribavlenie [The Addition]. 70.

Severnaya pochta. (1812) 70.

Severnaya pochta. (1812a) 75.

Zhukovskiy, V.A. et al. (1814) *Sobranie stikhotvoreniy, otnosyashchikhsya k nezabvennomu 1812 godu*. [Collection of Verses Related to Unforgettable 1812.]. Part 1. Moscow: University Typography.

Zhukovskiy, V.A. et al. (1814) *Sobranie stikhotvoreniy, otnosyashchikhsya k nezabvennomu 1812 godu*. [Collection of Verses Related to Unforgettable 1812.]. Part 2. Moscow: University Typography.

Shornikov, P. (2012) The Peace of Bucharest and the Participation of the Danubian Army in the War of 1812. *Rusin. International Historical Journal*. 4(30). pp. 11-28. (In Russian).

Айзикова Ирина Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего литературоведения, издательского дела и редактирования филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета.

Ayzikova Irina – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of General literary studies, publishing and editing of the faculty of Philology of National Research Tomsk State University.

E-mail: wand2004@mail.ru

УДК 81’42
UDC
DOI: 10.17223/23451734/3/3

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ «СЛОБОЖАНСКОГО РУСИЧА» XIX В. (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВЕСНОГО ТВОРЧЕСТВА П.Я. БАРВИНСКОГО)

Н.Ф. Алефиренко, И.И. Чумак-Жунь

Белгородский государственный университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: n-alrfirenko@rambler.ru; chumak@bsu.edu.ru

Авторское резюме

Изучение языковой личности малоизвестного украинского драматурга XIX в. Павла Яковлевича Барвинского дает возможность интерпретировать индивидуально-авторскую картину мира культурного деятеля (писателя, актера) Слобожанщины и восстановить ценностно-смысловую палитру слобожанской этнокультуры. Рассматриваются базовые уровни репрезентации языковой личности: 1) вербально-семантический, открывающий степень владения Барвинским украинской лингвокультурой; 2) когнитивный, позволяющий осмыслить иерархию слобожанских этнокульткурных ценностей; 3) прагматический, отображающий интенциональную стратегию Барвинского как культурного деятеля (его цели, мотивы, интересы, установки).

Ключевые слова: языковая личность, лексикон, тезаурус, прагматикон, этнокультура, драматургический дискурс, эмоциональный концепт.

THE LINGUISTIC IDENTITY OF THE SLOBODA UKRAINIAN IN THE 19TH CENTURY (IN WORKS BY P. BARVINSKY)

N.F. Alefirenko, I.I. Chumak-Zhun

Belgorod State University
85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: n-alrfirenko@rambler.ru; chumak@bsu.edu.ru

Abstract

Inreconstruction of the verbal portrait of a representative of an elite communication identity, in the focus of our attention is the concept of "linguistic identity", as well as the three-level system which includes lexis, thesaurus and pragmatic competence. The study of the language identity of an unrenowned Ukrainian XIX century playwright, Pavel Yakovlevich Barvinsky, enables to interpret the signature worldview of the author, who is a cultural figure of Sloboda Ukraine, and to restore the axiological variety of Sloboda Ukraine ethnic culture. This implies the study of three basic levels which comprise a linguistic identity, including: 1) the verbal and semantic level, which reveals Barvisky's competence in Ukrainian linguistic culture; 2) the cognitive level made up of concepts which create a more or less organized worldview, i.e., a hierarchy of ethnic and cultural values of Sloboda Ukraine; 3) the pragmatic level, which defines the intentional strategy of an artist (his or her objectives, motives, interests, attitudes).

Keywords: Linguistic identity, lexis, thesaurus, pragmatic competence, ethnic culture, drama discourse, emotion concept.

Обращение к языковой личности Павла Яковлевича Барвинского обусловлено тем, что этот драматург является типичным представителем украинского интеллигента конца XIX в. Он был одним из тех, кто «жил в двух культурах», – в том ценностно-смысловом пространстве, которое, цементируя восточнославянскую общность, было естественной средой словесного творчества для многих слобожанских писателей того времени. Это была многогранная языковая личность, реализовавшая себя в трёх ипостасях: как критик, актер и драматург. Примечательно, что он был близок и понятен как деятелям украинской, так и российской культуры: состоял в переписке с А.П. Чеховым, был известен как популяризатор творчества Т.Г. Шевченко. Пьесы Барвинского, написанные на украинском языке, достаточно

ярко отображают украинскую этнокультурную картину мира. Они и сегодня звучат чрезвычайно актуально (Барвинський 2015). Моделирование языковой личности Барвинского позволяет восстановить ту историко-генетическую общность восточноукраинского этноса, которая в наше непростое время некоторыми авторами отрицается, трансформируется или сознательно искажается (предается).

Методологические возможности современной лингвистики позволяют реконструировать языковую личность через созданные ею тексты, осмыслить те базовые ценности, которые лежат в основе её концептосферы: жизненные цели, мотивы поведения и мировоззренческие установки (Богин 1984, Ляпон 1995, Корнилов 2003, Караулов 2014, Кошарная 2014, Струганец 2013, Єрмоленко 2010, Hagege 1996). Реконструкцией языковой личности Барвинского решаются, как минимум две проблемы: 1) интерпретируется индивидуально-авторская картина мира культурного деятеля слобожанщины и 2) восстанавливается ценностно-смысловая палитра слобожанской этнокультуры. Обе задачи особенно актуальны сегодня, в *эпоху глобальных вызовов*.

На первый взгляд кажется, что когнитивной основой идиомы *глобальные вызовы* служат представления о тех экономических и экологических опасностях, которые таят в себе, с одной стороны, интеграция и глобализация, а с другой – деинтеграция восточнославянского единства. Однако не менее трагичен личностный паралич, когда разрушается создаваемая веками гармония целостного лингвокультурного пространства, а вместе с ней и принципы этносоциальной самоидентификации, в результате которых этноязыковая личность оказывается в открытом, штормовом океане вдалеке от берегов родной (защищенной) цивилизационной среды, в недрах которой она зарождалась, крепла и развивалась. Обрести стабильность и креативную устойчивость может помочь только обращение к своим лингвокультурным корням. Это в том числе и реконструирование речевого портрета типичного представителя элитарной коммуникативной личности, при котором в центре внимания объективно оказываются понятие «языковая личность» и трёхуровневая система её организации: лексикон, тезаурус и прагматикон. Реконструкция речевого портрета П.Я. Барвинского как типичного представителя элитарной украиноязычной коммуникативной личности XIX в. предполагает обращение к трем исходным уровням формирования языковой личности: 1) вербально-семантическому, открывающему

для нас степень владения Барвинским украинской лингвокультурой; 2) когнитивному, единицами которого являются концепты (идеи), складывающиеся в более или менее упорядоченную картину мира – иерархию слобожанских этнокультурных ценностей; 3) прагматическому, предопределяющему интенциональную стратегию культурного деятеля (его цели, мотивы, интересы, установки) (Караулов 1986).

Коммуникативная сущность речевого портрета П.Я. Барвинского отражается в характере его языковой деятельности и сферах приложения языковой способности. Таковыми для него были драматургия, в рамках которой он выступает не только автором украиноязычных пьес, но и актёром. В этой связи его языковая личность наиболее ярко проявляется в *речевом поведении персонажей* созданных им пьес.

Характер речевого поведения персонажей обусловливается способами и факторами вербализиции так называемых эмоциональных концептов. Основным способом их репрезентации выступает вкладываемый в уста персонажей лексикон, а главным фактором их понимания – прагматикон.

Лексикон персонажей пьес П.Я. Барвинского ориентирован на выражение «ближайших» значений (по А.А. Потебне). Особую ценность при этом приобретает производная лексика. Поскольку семантика единиц этого типа является вторичной, производной по отношению к знаниям о мире, смысловое содержание употребляемых персонажами слов замыкается в зоне ближайших значений, обусловленных контекстом. Особенно значимой для понимания языковой личности драматурга оказывается семантика, пропущенная через призму текста, в частности через призму дискурсивного контекста (Алефиренко 2010, Чумак-Жунь 2012). Если семантика, представленная на первом уровне, довольствуется идентификацией, опознанием, «узнаванием» вещи, то знания о мире ориентированы на деятельность, действия с вещью.

В лексиконе героев Барвинского особое место занимают слова, в значении которых отражается представление о несчастной доле – о ***страдании***. Одно из них – лексема *клятий* (*клята*), которая особенно активно используется по отношению к женщинам. Причем на первом уровне описания семантики лексема *клятий* в сочетании *клята душа* воспринимается в узуальном значении ‘*ненавистный, проклинаемый*’, при этом многократное повторение этой фразы по отношению к героиням пьес «Каторжна» и «Повія» из уст различных героев заставляет предполагать, что речь идет о пропащей, проклятой

душе, которой нет спасения и которая заслуживает соответствующего отношения: *Ах ти ж, клята душа!.. Де вона, каторжна?*; *Ах ти ж, клята душа!.. То ти так балакаєш при батькові?!.. (заміряється на неї). Та я на тобі всі рогачі потрощу, каторжна! (кидається, чтоб ухватить рогач); Ах ти ж, клята душа!.. Та я на ній, сибірній, віжки всі розплету!* Однако дискурсивный контекст меняет восприятие, и в оценочной характеристике ('человек таков, какова его душа') элемент *проклятая (клята*) меняется сначала на 'несчастная', 'страдающая' (1), а затем на 'святая', 'чистая' (2):

1) Тепер для мене все одно. Тепер мені всіх можна любить і мене всім можна любить… Все одно: пий, гуляй, веселись душа, іди напрямки, бо нема тобі ні одної стежечки… Була одна стежечка до чийогось сердечка, до рідного батечка, – та й тієї нема… і нема стежечки, нема ніж одної! Тепер зосталось тільки гуляти, як личить повії…

2) А яка щира душа була у неї…; Яка щира душа… яке серце добре!.. і так збагнувала, знівечила свій вік ні за що!..

Таким образом, прилагательное *клятий* приобретает новый контекстуальный смысл – 'униженная', 'страдающая', 'несчастная'.

Словоцентристский подход к изучению языка, который неизбежно переводит нас со второго уровня на первый – низший уровень, лишает возможности учитывать ситуацию общения. Слова, вырванные из контекста, создают искаженную «языковую картину мира». И это вполне закономерно, если представить, что семантика на первом уровне хранится в объективированном виде, при ее же личностной интроспекции, когда совокупность слов усваивается пользователем, способом существования семантики становится квазисистематизированная вербальная сеть. Тезаурусный уровень организации языковой личности включает знания, которые могут отличаться неравномерностью, поэтому и способы упорядочения единиц тезауруса совсем иные, нежели на уровне лексикона. Принцип организации единиц здесь не сетевой. Он может проявлять тенденцию к логико-понятийной упорядоченности, с одной стороны, а с другой – может быть иерархически координативным, синтезирующим в информационных моделях значения, формы, функции при помощи законов отношений, а не при помощи генерализации, основанной на родовидовой абстракции. Вся совокупность единиц тезауруса развертывается из одной точки, из вершины (или нескольких вершин). Кроме укрупненных лингвистических единиц, представленных информационными моделями и текстами, здесь могут быть и просто слова, которые приобретли

статус обобщения, символа, и научные понятия, и образы, и картины, и осколки фраз, и сценарии, и другие единицы. Анализ лингвостилистических информационных моделей, текстовых и ортологических, подтверждает мысль о том, что, в отличие от вербальной сети, где связи между лингвистическими единицами однозначны, на когнитивном (тезаурусном) уровне преобладают не прямые отношения, а выводное знание, вероятностные зависимости.

Ярким примером демонстрации подобного выводного знания является доминирование в драматургии Барвинского смыслов концепта «Страдание», который представлен ограниченным кругом специальных репрезентантов, однако на когнитивном уровне объективируется практически в каждом представленном концепте.

В ценностной картине мира слобожан – героев пьес Барвинского – можно выделить три концепта, которые, собственно, и образуют «ось ментальности» – это концепт «Віра» (Вера), концепт «Душа» и концепт «Україна». Основой этой оси ментальности, на которой базируются все концепты, является смысл 'страдание', имплицированный в самых различных языковых формах.

Абсолютной ценностной доминантой в сознании слобожан служит концепт «Віра», основным репрезентантом которого является лексема *Бог*. Ценность доказывается не только и не столько особенностями текстовых употреблений, хотя частотность употребления лексемы необычайно высока – это самая распространенная лексическая единица в пьесах (495 случаев). В составе описываемых единиц актуализируются следующие узуальные значения: 1) в религиях (политеистических и монотестических) одно из высших, стоящих над миром неземных существ, или создатель вселенной, всего сущего, высший разум, управляющий миром; 2) воплощение доброты, всемогущества, абсолютной благости, вечности, независимости, величия, славы, истины и т. п. (БАС). Автор не создает в этой концептуальной зоне (как, впрочем, и в других) «совершенно новых эстетических связей» (Лихачев 1985: 196), не использует новых когнитивных метафор, метонимий и эпитетов. Бóльшую часть употреблений составляют вполне характерные для восточных славян фразеологизмы с лексемой *Бог*: предметные (*Ніхто, як Бог, моя голубко: опріч його святої волі ніщо не родиться ніде…*), местоименные (*Бог зна що ти думаєш, голубе мій!*), процессуальные (*Ти поправишся, Бог дасть; Завіщо ж Бог тебе скарає*), модальные (*Дай Бог, Хай Бог боронить*). Примечательно характерное для украинской языковой картины мира

развертывание процессуальных фразеологизмов за счет эпитета ***святий***: *Не знаю від чого воно так, чи може від того, що у обох у нас доля не дуже красна, чи Бог його святий знає, а тільки здавна вже вся душа моя лине до тебе!; що вже крови пролилось, – то тільки Бог святий те знає*... Этот на первый взгляд избыточный элемент, по сути, ничего не добавляющий в семантику лексемы *Бог*, играет роль, подобную роли постоянного эпитета в древнерусском языке. По мнению акад. Д.С. Лихачева, постоянные эпитеты являются элементом «поэтики повторения» и необходимы, чтобы подчеркнуть *главное достоинство* описываемого. Святой Бог – истинный, величественный и исключительный по важности феномен – эпицентр Веры вообще и православной лингвокультуры в частности. Важно акценировать внимание на том, что лексема *Бог* в коммуникативном сознании героев П.Я. Барвинского абсолютная, безусловная доминанта. Она может быть охарактеризована как бесконечное духовное и личное для писателя существо – внешнее по отношению к природе, хотя и создало природу и управляет всем, что в ней происходит. И в этой своей роли воплощает в себе наивысший уровень всех мыслимых совершенств: всемогущество, абсолютную благость, вечность, вездеприсутствие, беспредельное величие, славу, безграничность, любвеобильность, святость, истину. Именно Бог в этой ипостаси служит надеждой и спасением ***от страдания***: *Невже ж Бог не зглянеться на нас? Невже Він, Милосердний, не пошле на нашу долю, хоч частину того талану?.. щоденно, щохвилинно буду молитися Йому!.. буду благати Його, Милосердного, щоб захистив тебе, мій соколе, од лихої напасті!.. щоб призвів тебе благополучно звернутись у свою країну!..*

Концепт «Віра» в украинском коммуникативном сознании недвусмысленно объективируется с православием как образом жизни обитателя Слобожанщины. Все носители иной веры – враги. Это турки, татары, ляхи (*Як мене Януш підібрав і спас від татарського загону, котрий завів мою матусю у полон... на вічну муку...*; *Козак завзятий і голінний! Не мало він залив за шкуру ногайцям, туркам і Орді. Бив він їх в степу, в окопах, не клав пощади й на воді!*; *Так я й злякався тих ляхів?! А як же так?Не знають ще вони, в якому березі зімують раки!.. Так Низовий їм це покаже!*).

Ощущение православной веры у героев настолько сильно, что верность ему (православию) вынуждает героев сознательно принимать страшные ***страдания***: не только отказываться от любви, жертвуя при этом жизнью («Антось Дукат»), но и казнить собственных детей

(«Гайдамаки», «За віру»): *Будь проклята ваша мати!.. навіки проклята від мене і від Бога, католичка, що вас породила!!. Краще втопила б до схід сонця вас!.. Менше б гріха… ви б умерли не католиками!.. А сьогодні!? Сьогодні?! горе мені з вами, сини мої!.. сини мої любі!.. поцілуйте... поцілуйте мене, діти! (цілує дітей) простіть… простіть мене!.. бо не я вас вбиваю, а присяга!!! (ріже дітей)*.

Мотив ***страдания*** «пронизывает» концептосферу текстов. Это касается и представлений ***о духовных страданиях***. Вплетаясь в образно-художественную ткань дискурса Барвинского, репрезентанты концепта «Душа» участвуют, с одной стороны, в реконструкции и структурировании неповторимой личностной ауры творца текста, а с другой – в реконструкции украинской ценностно-языковой картины мира. «Образ души» так же, как и «образ Бога», не обретая в текстах пьес П.Я. Барвинского специфических психолого-эмоциональных очертаний, наполняется и обогащается новыми дискурсивно-семантическими обертонами. Автор не столько создает новые принципы украинской словесно-художественной эстетики, сколько стремится укрепить те, которые были гениально воплощены в речепоэтическом континууме великого Кобзаря. Однако в силу специфики обозначаемого концепт «Душа» трудно дифференцировать и однозначно (для реципиента) дефинировать в силу его семантико-когнитивной многогранности, неопределенности его речевой субстанциональности.

Чаще всего душа в пьесах – это внутреннее «я» героя, в таком случае душа ощущается как самостоятельная ***страдающая субстанция***: *Я молилась, я плакала! Серце розривалось, сльози сохли, душа мерла…*; *І перш він був мені не любий, не кохала його я… Тепер же, як зустрілася з тим, – обурилася душа моя!*; *Душа моя болить за ним, її пожалійте!*; *Казніть моє тіло, тату, а душу не вбʼєте*.

Базовым для концептосферы текстов Барвинского является концепт «Украина». В индивидуально-авторском дискурсе этот концепт репрезентирован когнитивной мегаметафорой: *Украина – **страдалица***. Будучи текстообразующей для большинства пьес, она представлена многочисленными метонимическими вариантами, создающими общую когнитивно-прагматическую (коннотативную) ауру анализируемых текстов: ***Украина-женщина*** *– страдания – смерть* («Каторжна», «Повія»), *Украина-судьба – страдания – смерть* («Загублений вік», «Марко проклятий», «Насильно колодязь рити – води не пити»), ***Украина-народ*** *– страдания – смерть (*«Антось Дукат, або за злую зневагу – крива плата», «Гайдамаки», «Жертва», «За віру»,

«Запорізький скарб»). Через все пьесы проходит вариант ***Украина-любовь*** *– страдания – смерть*.

В нескольких пьесах Барвинского представлена история Украины времен Богдана Хмельницкого. Он рисует эпическую картину украинского казачества, его отношений с соседями. Воссоздается актуальный сегодня исторический контекст, где смыслы концепта «Украина» ярко представлены в монологе одного из героев (Титаря):

– 'несчастная женщина', 'долготерпеливая мученица': *Бідна, сердешна ти скорбна рідна Україно!.. Хто тільки не катував тебе?.. Хто не розпинав?..*

– 'многострадальные потомки и предки': *Хто не користувався твоїми дітьми і їх прадідівським наслідям?!*

– 'враги-мучители': *Окропляли тебе ляхи кров'ю більш, чим Божа роса твої лани широкополі!.. Випиляли по тобі широкі шляхи Кримці та Нагайці, простуючи до іншої господи!..*

– 'спасение, смерть': *Чи скоро ж зглянеться Господь на твоє терпіння, довготерпелива!?. Чи піддержить він тебе, Милосердний, чи вже настав твій остатній час і надовго поляжеш ти стомлена спочити до слушної години?..*

Однако если в качестве врагов Украины в пьесах неоднократно упоминаются поляки (*ляхи*), татары (*кримці та нагайці*), турки (*турчини*), то как единственный и последний ***спаситель от страданий*** на земле – ***Велика Русь***: *Настав останній для нас час, і як Господь нам не поможе Велику Царицю ублагати, щоб захистила нас і прийняла під могучу свою руку, щоб бути нам і зватися синами* ***єдиної Великої Русі****, то пропаде наш край навіки, а ми дідам своїм на той світ великий сором понесемо!* («Жертва»).

Исследование когнитивного уровня языковой личности слобожанина позволяет воссоздать генетические ценности национальной культуры и исторические пути ее развития, важные для современного понимания истории и культуры восточнославянских народов.

Способом перехода от рассмотрения и описания лексикона языковой личности к её прагматикону является анализ психологической, эмоционально-аффективной составляющей личности. Этот подход оправдан, так как персонаж, изображённый в художественном тексте, не только типичен, социален, но и индивидуален.

Мы исходим из того, что языковая личность драматурга может быть реконструирована исключительно через языковую картину мира героев его пьес. Речь персонажей пьес Барвинского богата и

стилистически разнопланова. Драматург, создавая в текстах своих пьес индивидуальности, «принуждает» их к речевому поведению, соответствующему общественно-историческим условиям, их статусу, занимаемым ими жизненным позициям, приспосабливает речевое поведение героев к тем контекстам, в которые он их помещает. Речь его персонажей дифференцирована стилистически – это речь гайдамаков и шахтеров, крестьян (*селян*) и сельских дворян (*шляхтичей*). Создавая в своих произведениях выразительные речевые портреты персонажей, П.Я. Барвинский «мультиплицирует» в текстах собственную языковую личность.

На всех уровнях языка обнаруживаются особые вербализации эмоциональных концептов, отражающие идиостиль автора. Наиболее показательным является парный концепт «Горе» / «Щастя». Основные номинанты концепта представлены несимметрично: лексема *горе* встречается 87 раз, а лексема *щастя* – 157, но это вовсе не обозначает, что счастья в жизни героев больше, чем горя. В текстах представлены многочисленные синонимы лексемы *горе* (*лихо, туга, нещастя*). Но главное, что *горе* в пьесах Барвинского – это данность, явность, *щастя* же существует как возможность, которая не может реализоваться (несбыточная мечта). В дискурсе Барвинского счастье нечто сугубо внешнее и не зависящее от человека, причем, исходя из речевых контекстов, чем благодетельнее и чище человек, тем он несчастнее, тем больше выпадает на его долю горя: *Усе дала тобі ненька: личко біле, мов лілея, стан гнучкий і чорні брови… усе дала, все для того, щоб у щасті жити: одним тільки обділила, одного забула, забула те, що найдрібніше – щастям оповіти!*

Лексема *счастье* приобретает контекстуальные смыслы – 1) утраченная мечта, или 2) утраченное прошлое, или 3) надежда.

1. Один ти, Боже милосердний над нами керуєш, на все Твоя воля: кому щастя, кому врода, а для кого горе – уся його доля…; хоч би ще раз, перед смертю, щастям своїм впиться!.. Ох, бабусю.. не діждатися тієї години…

2. Вдарим об землю, горем-журбою, Нехай наша доля сміється! Вип'єм за щастя, віп'єм за долю, Вип'єм за те, що минуло!

3. *Мій Боже милий… милосердний!.. Благаю щиро я Тебе, пошли ж на нашу долю щастя, пошли хоч трохи талану!; Доле! Щастя! Ідіть сюди до нас на послугу. Відгонить од нас на край-світ і горе і тугу! Нехай щастя свій покров розкине над нами!..*

Причем счастье с роковой неизбежностью замещается в жизни

человека горем: *Недовго ж ти гостила в мене, моя щаслива доле! Поманила на те тільки, щоб спізнав я горе; Чому ж щастя пролетіло, горе не минуло?!..* То, что лексема *горе* активно представлена в обоих узуальных ЛСВ, передавая и значение ***глубокого душевного страдания*** (*Шукай в степі край дороги, моя рідна мати, Там я буду, моя мати, горем горювати*), и семантику неблагоприятных обстоятельств (*За горе, кров, пожари, сторицею віддячимо ляхам. За горе, глум і всю біду, за всю зневагу і позор старий навіки прокляне, не замисливши, відразу себе самого і мене!*), создает представление (образ) горя, которое мучает героев и изнутри, и снаружи. Вместилище горя – душа (*Хочеться мені душу свою одкрить перед ким-небудь, хочеться поділитись горем своїм...*), оно губит человека, давит его, определяет его действия (*Давить мене моє горе, дідусю, зовсім воно пригнітило мене; Коли б горе не загнало, то не прийшли б до вас*).

В описании горя ***как страдания*** используются символы, картинки, образы архетипов. Это очень наглядно представлено в украинских песнях, пословицах, поговорках, которые создают своеобразный ментальный узор пьес: *Поки я тебе не знала, Гула, як голубка. Гула, гула голубонька, Полинула в поле, А линучи говорила: «Горе ж, мені горе!», Утопила дівоньку В бездонне море!; Ой, сину ж, мій соколиньку, де ж тебе шукати? Шукай в степу, край дорогі, моя рідна мати, Там я буду, моя мати, горе горювати, Своїм чубом кучерявим степи устилати. А своєю кровіцей моря доповняти!*

Как показывает дискурсивный анализ текстов пьес П.Я. Барвинского, наиболее ярко его языковая личность проявляется на вербально-семантическом уровне языка созданных им персонажей. Рассмотрение их эмоциональных состояний, основной функцией которых является возможность выявления ценностных ориентиров, позволяет реконструировать и прагматикон языковой личности П.Я. Барвинского.

Типичными являются примеры, в которых интегрируются основные смыслы эмотивных концептов («Горе», «Душа», «Украина»), создавая в концептуальном пространстве анализируемых пьес ***общую ауру страдания***. В следующем обширном монологе представлен образ страдания, источником которого являются угрызения совести. В основе описания когнитивная метафора герой – Каин, которая разворачивается еще в нескольких метафорах, создающих образ безысходного страдания: *жизнь – бескрайний путь, темные овраги, по которой он блуждает, совесть – товарищ, который грызет и день, и*

ночь, совесть – нечеловеческое существо, которое надавило на грудь тяжким грузом, адским огнем палит душу, отняло сон; душа – вместилище, в которой нет мира и любви к ближнему, которые нельзя одолжить у людей, потому что душа железная, а сердце каменное:

Боже ж сій, Боже!.. чи пошлеш же Ти коли-небудь мені спогибок?.. Мов Каїн, блукаю я піввіку, по шляхах широких, байраках темних та степах безкраїх!.. Одійми Ти од мене, Боже, хоч товариша мого, тяжку та невсипущу совість, що не дає мені спокою, гризе мене і день і ніч!.. Що тяжким гнітом надавила моє серце, нелюдським, пекельним огнем палить мою душу!.. котра на вік вічний одняла од мене благодатний сон… та невже ж я до кінця віку, до страшного суду буду носиться з нею?!. Молився ж я, молився щиро Тобі Милосердному!!. Поперечитував я на своєму віку усі акафісти, тропарі, псалми, на пам'ять їх вивчив!!. По цілісіньким дням і ночам харамаркав. Доводилось же мені й скарби знаходити, багато набудував я церквів і монастирів! Скільки ж я роздав старцям і неімущим?! А за для чого?.. За для того, щоб одмолювали мої тяжкі гріхи, перед Тобою, Милосердний! Ох! Не вимолять… не вимолять, коли тієї молитви нема тут! (показує на груди).

Страдание трансформировано писателем в общенародную идею. Это смысл жизни, который, с одной стороны, требует отмщения, а с другой – является «наказанием» каждому благодетельному персонажу.

В целом языковая личность П.Я. Барвинского обнаруживается на эмоциональном ярусе концептосферы текстов драматурга. Личность автора проявляется в художественном тексте многопланово: в языке, сюжете, изображённых характерах, темах, идеях. Писатель, моделируя переживаемую им реальность, концентрирует глубинные смыслы этнокультурных концептов в законченный образ персонажа, выражающего в тексте ту или иную авторскую позицию.

Стремление раскрыть характер коммуникативных намерений языковой личности П.Я. Барвинского, реализуемых в его разнообразной коммуникативной деятельности, позволяет реконструировать речевой портрет драматурга по языковым личностям персонажей его пьес. Языковое сознание автора совмещается с речевым поведением каждого из персонажей. Поэтому автора нельзя отделять от образа персонажа, поскольку он входит в состав этого образа как его органическая часть. В то же время персонаж – это художественный образ человека, совершающего поступки в определённой ситуации. Выбор наиболее оптимального коммуникативного кода связан с

отображением в тексте пьесы заданного этнокультурой восприятия реальной картины мира и интенционально обусловлен передачей авторских мыслей и чувств по отношению к той или иной дискурсивной ситуации. Ментальность как коллективное национальное мировоззрение предопределяет судьбу участников описываемых событий, трагическую, как сама судьба украинского этноса на этапе его консолидации в нацию. В основе трагедий лежат конфликты ценностно-смысловой картины мира украинского народа с культурными ценностями его ближайших соседей.

Таким образом, анализ взаимосвязанных оценочных суждений, соотносимых с ведущими религиозно-моральными установками, согласующимися с общепринятыми суждениями здравого смысла, и оформленных в контексте типичных фольклорных и известных литературных сюжетов, позволяет реконструировать индивидуально-авторскую картину мира П.Я. Барвинского и определить, какие ценности сохранились в слобожанском сознании и в наше время. Сегодня, в эпоху глобальных вызовов, особенно актуальна идея, пронизывающая все словесное творчество П.Я. Барвинского, идея русско-славянского единства, конструктивным остовом которой, по убеждению писателя, служит святая православная вера.

ЛИТЕРАТУРА

Алефиренко 2010 - *Алефиренко Н.Ф.* Лингвокультурология: Ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта-Наука, 2010. 288 с.

БАС - Словарь современного русского языка: В 17 т. М.; Л., 1948–1965.

Богин 1984 - *Богин Г.И.* Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Л., 1984. 33 с.

Караулов 1986 - *Караулов Ю.Н.* Из опыта реконструкции языковой личности // Литература. Язык. Культура. М., 1986. С. 222–234.

Караулов 2014 - *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: URSS, 2014. 264 с.

Корнилов 2003 - *Корнилов О.А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.

Кошарная 2014 - *Кошарная С.А.* Языковая личность в контексте этнокультуры. М.: *Директ-Медиа,* 2014. 219 с.

Лихачев 1985 - *Лихачев Д.С.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1985. 352 с.

Ляпон 1995 - *Ляпон М.В.* Языковая личность: поиск доминанты // Язык –

система. Язык – текст. Язык – способность. М.: Институт русского языка РАН, 1995. С. 260–276.

Струганец 2013 - *Струганец Л.* Развитие понятия «языковая личность» в украинском языкознании // Научни трудове на Русенския университет. 2013. Т. 52, серия 6.3. С. 82–87.

Чумак-Жунь 2012 - *Чумак-Жунь И.И.* Специфические характеристики поэтической языковой личности как субъекта дискурсивного смыслообразования // Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет. Варшава, 2012. С. 2017–2025.

Барвинський 2015 - *Барвинський П.Я.* Вибрані твори. Белгород: Изд-во БелГУ, 2015. 513 с.

Єрмоленко 2010 - *Єрмоленко С.* Формування української мовної особистості // Українознавство. 2010. № 1 (34). С. 120–123.

Hagege 1996 - *Hagege C.* L`homme de paroles. Contribution linguistique aux sciences humaines. Paris: Fayard, 1996.

REFERENCES

Alefirenko, N.F. (2010) *Lingvokul'turologiya: Tsennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka* [Linguistic Culturology: Axiological and Semantic Space]. Moscow: Flinta-Nauka

USSR Academy of Sciences. (1948–1965) *Slovar' sovremennogo russkogo yazyka: V 17 t.* [The Dictionary of Modern Russian Literary Language: In 17 vols]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

Bogin, G.I. (1984) *Model' yazykovoy lichnosti v ee otnoshenii k raznovidnostyam tekstov* [The model of linguistic personality and their attitude to different types of texts]. Abstract of Philology Doc. Diss.

Karaulov, Yu.N. (1986) Iz opyta rekonstruktsii yazykovoy lichnosti [From the experience of the reconstruction of linguistic identity]. In: Stepanov, G.V., Khrapchenko, M.B. et al. *Literatura. Yazyk. Kul'tura* [Literature. Language. Culture]. Moscow: Nauka. pp. 222-234.

Karaulov, Yu.N. (2014) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [The Russian Language and Linguistic Personality]. Moscow: URSS.

Kornilov, O.A. (2003) *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov* [Linguistic pictures of the world as derivatives of national mentalities]. Moscow: CheRo.

Kosharnaya, S.A. (2014) *Yazykovaya lichnost' v kontekste etnokul'tury* [The linguistic identity in the context of ethnic culture]. Moscow: Direkt-Media.

Likhachev, D.S. (1985) *"Slovo o polku Igoreve" i kul'tura ego vremeni* ["The Tale of Igor's Campaign" and the culture of its time]. Leningrad: Khudozhestvennaya literature.

Lyapon, M.V. (1995) Yazykovaya lichnost': poisk dominanty [Linguistic Iden-

tity: a Search for the Dominant Idea]. In: Shiryaev, E.N. et al. *Yazyk – sistema. Yazyk – tekst. Yazyk – sposobnost'* [Language as a system. Language as a text. Language as an ability]. Moscow: Institute of the Russian Language, RAS. pp. 260-276.

Struganets, L. (2013) Razvitie ponyatiya "yazykovaya lichnost'" v ukrainskom yazykoznanii [The development of the concept of "linguistic identity" in Ukrainian linguistics]. *Nauchni trudove na Rusenskiya universitet*. 52(6.3). pp. 82-87.

Chumak-Zhun', I.I. (2012) Spetsificheskie kharakteristiki poeticheskoy yazykovoy lichnosti kak sub"ekta diskursivnogo smysloobrazovaniya [Specific characteristics of the poetic Linguistic personality considered as a subject of the discoursive meaning formation]. In: Szypielewicz, L. (ed.) *Chelovek. Soznanie. Kommunikatsiya. Internet* [Man. Conscience. Communication. Internet]. Varshava: Institute for the Rusin Studies. pp. 2017-2025.

Barvins'kiy, P.Ya. (2015) *Vibrani tvori* [Selected Works]. Belgorod: Belgorod State University.

Ermolenko, S. (2010) Formuvannya ukraïns'koï movnoï osobistosti [Formation of Ukrainian language personality]. *Ukraïnoznavstvo*. 1(34). pp. 120-123.

Hagege, C. (1996) *L ħomme de paroles. Contribution linguistique aux sciences humaines* [Words of man. Linguistic contribution to the humanities]. Paris: Fayard.

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Alefirenko Nikolai – Doctor of Philology, Honored Scientist of Russian Federation, Professor of the Chair of Philology Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

E-mail: n-alrfirenko@rambler.ru

Чумак-Жунь Ирина Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Chumak-Zhun Irina – Doctor of Philology, Professor of the Chair of Philology Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

E-mail: chumak@bsu.edu.ru

УДК 821.161.1(091)»19»
UDC
DOI: 10.17223/23451734/3/4

ИДЕЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ В РОМАНЕ В. ШАРОВА «ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЕГИПЕТ»: ДИАЛОГ С ГОГОЛЕМ

В.Ю. Баль

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: ver_bal@mail.ru

Авторское резюме

В центре внимания статьи находится писательский диалог В. Шарова с Н.В. Гоголем. Материалом для исследования является роман В. Шарова «Возвращения в Египет» (2013), который повествует об истории рода Гоголей в XX в. и о судьбе тезки великого писателя, стремящегося исполнить предназначение рода и дописать поэму «Мертвые души». Шарову Гоголь интересен как писатель, который настойчиво подчеркивал свою исключительную миссионерскую роль для национальной истории, так как стремился явить в целом ряде своих произведений путь к национальному возрождению и суть уникального исторического предназначения России. Роман В. Шарова, являющий продолжение поэмы «Мертвые души», связан с сотворением альтернативной версии национальной истории. В представленной исторической альтернативе изображен особый взгляд на духовный путь нации к революционным событиям начала XX в. Показанная в романе корреляция сюжета исхода из Священной истории и сюжета поэмы, связанного с дальнейшей судьбой Чичикова, обусловливает выдвижение образа Небесного Иерусалима на первый план. Через образ Небесного Иерусалима в романе смыкается комплекс идей революционных преобразований и гоголевских установок в поздний период творчества. Столкновение в романе двух версий Небесного Иерусалима социально-утопической и нравственно-религиозной выявляет оправданность диалога с Гоголем в пространстве современной прозы, ориентированной на поиск основ национальной идентичности.

Ключевые слова: В. Шаров, Н.В. Гоголь.

THE IDEA OF NATIONAL REVIVAL IN *RETURN TO EGYPT* BY V. SHAROV: A DIALOGUE WITH GOGOL

V.Y. Bal

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: ver_bal@mail.ru

Abstract

The focus of the article is a writer's dialogue between Vladimir Sharov N.V. Gogol. The material of the study is a novel "Return to Egypt" (2013) by V. Sharov, which tells the story about Gogol's kind in 20th century and the fate of the namesake of the great writer, seeking to fulfill the purpose of the genus and finish the poem "Dead Souls". V. Sharov is interested in Gogolas a writer who strongly emphasized his exceptional missionary role in the nation's history as far as sought to reveal in a number of his works the path to national revival and the essence unique historical destiny of Russia. Novel by Sharov, manifesting the continuation of the poem "Dead Souls", is associated with the creation of alternative version of national history. In the present historical alternatives particular view of the nation's spiritual path to the revolutionary events beginning of 20th century is shown. The novel shows the correlation of the story of the exodus from sacred history and the story of the poem associated with the subsequent fate of Chichikov, causes extension of the image of the New Jerusalem to the fore. A set of ideas and revolutionary changes Gogol plants in the late period of creativity merges in the novel through the image of the heavenly Jerusalem. The collision in the novel of two versions of the heavenly Jerusalem, and socio-utopian moral and religious justification reveals the dialogue with Gogol in space of contemporary prose-oriented search bases national identity.

Keywords: V. Sharov, N.V. Gogol.

В современном литературном процессе писатель Владимир Шаров занимает особое место. Своеобразие определяется крайне противоречивыми и даже порой полярными отзывами критиков о его романном творчестве. Безусловно, есть комплиментарные отзывы, определяющие его как интеллектуального писателя, но есть и негативные, крайне отрицательные, принадлежащие И. Роднянской, М.С. Ремизовой, В. Курбатову. «Упреки» этих критиков в адрес Шарова схожи: они обвиняют его в кощунстве, в недопустимом

игровом произволе по отношению к истории, богохульстве и богоборчестве.

Все романное творчество Шарова на сегодняшний день формирует своеобразный единый текст, сосредоточенный на осмыслении историософских проблем национального бытия. Все романы В. Шарова объединяет, во-первых, особый историософский метод: прочтение событий национальной истории как варианта Священной истории; во-вторых, сосредоточенность на событиях революции и Гражданской войны, их причинах и последствиях.

Роман «Возвращение в Египет», опубликованный в 2013 г., при всей похожести на предыдущие романы является откровенно гоголевским. Основу романа составляет семейная переписка представителей рода Гоголей, потомков классика в XX в. Роман имеет как жанровое уточнение – «роман в письмах», так и подзаголовок «Выбранные места из переписки Николая Васильевича Гоголя (Второго)». Центральной фигурой переписки является Коля, тезка классика, а его респонденты в основном его двоюродные и троюродные дяди (дядя Ференц, дядя Петр, дядя Святослав, дядя Януш, дядя Юрий, дядя Артемий, дядя Евгений). Следует подчеркнуть, что все респонденты Коли намного старше его, каждый из них со своим жизненным опытом и сферой профессиональных интересов (гоголевед, историк, юрист, инженер, кардиолог, художник и проч.). Возрастное противопоставление является причиной того, что респонденты выступают как носители уже сформированных взглядов на русскую историю, а Коля представлен именно в процессе формирования своего отношения к национальной истории. Получается, что все респонденты организуют своеобразный хор голосов, не противореча друг другу, а наоборот, проявляя солидарность в своих рассуждениях, дополняют друг друга в размышлениях о национальной истории и об особом предназначении гоголевского рода.

Переписка представлена как семейный архив, она разбита на 25 папок, каждая из которых содержит письма определенного временного отрезка. В целом хронологические границы переписки находятся в промежутке начиная с 1931 г. и заканчивая 1968 г. Обрывается переписка из-за смерти респондентов, сам же Коля умирает в 1993 г.

Вся переписка Гоголей, представленная в романе, – это некий текстовый монолит, который обнажает постепенное развертывание идей о логике развития национальной истории. Главным стержнем,

определяющим логику идейно-смыслового наращения материала, является, с одной стороны, прочтение Шаровым базового национального мифа об исключительности России, об уникальности ее исторического предназначения через призму ветхозаветного сюжета исхода, с другой стороны, особой роли Гоголя, его творчества в структуре этого мифа.

Представители родового гнезда Гоголей не просто относятся с особым трепетом и почитанием к таланту и творческому наследию писателя, но также преданы идее о том, что род должен исполнить свое предназначение и дописать поэму «Мертвые души», имеющую судьбоносное значение для русской истории: «Мама называет "Мертвые души" недоговоренным, недосказанным откровением. Гоголь замолчал на полуслове, оттого и пошли все беды. Говорит, что пока кто-то из нас не допишет поэмы, они не кончатся» (Шаров 2013: 76).

Идеей дописания поэмы воодушевлены все представители рода Гоголей, но главная ответственность лежит на тезке классика Коле. Именно поэтому можно выделить два сюжетно-смысловых пласта в переписке.

Первый связан со всеми респондентами, которые выполняют роль своеобразных наставников и покровителей Коли, расширяя его горизонты понимания и восприятия не только гоголевского творчества, но и национальной истории. Второй связан уже с Колиными жизненными перипетиями и духовным становлением.

Обратимся к каждому из слоев. Краеугольным в переписке гоголей является вопрос о национальном возрождении, который тесным образом сопряжен с размышлениями о «русской идее», определяющей особое историческое призвание. Актуализация темы национального возрождения в романе обусловлена прежде всего констатацией героями факта исторического тупика, который с очевидной наглядностью проявился после разочарования в идее построения социального рая. Трагедия национальной истории, связанная с событиями революции и Гражданской войны, осмысляется как национальная катастрофа, которую можно было избежать, если бы была дописана Гоголем поэма «Мертвые души». Именно поэтому фигура Гоголя в размышлениях потомков представлена во всей сложности и противоречивости его писательского дарования. Гоголь как писатель, который впервые в русской литературе поставил для себя задачу постигнуть тайну национальной жизни и определить историческое призвание русского государства, потомками воспринимается как злой гений.

Во-первых, осуждается то направление, тот пафос творчества, который ввел Гоголь в русскую литературу. Зияющая пустота в русской словесности, которая осталась после недописанной поэмы, обусловила появление художественных творений с ярко выраженными утопическими и идеологическими настроениями. Место, предназначенное для авторов пророческого дарования, заняли далеко не истинные пророки:

«В любом случае неудача Гоголя со второй и третьей частью "Мертвых душ" дала нашей литературе и нашему воображению больше, чем "Шинель". Не умея написать Небесного Иерусалима, Гоголь пятнадцать лет бился в глухую стену, а когда понял, что дороги в рай не знает, умер от отчаяния. <…> Это был приговор не только лично ему, но и всей нашей вере, смириться с ним никто не мог. Дальше, начиная со снов Веры Павловны, бесконечной чередой идут пророки, которые говорят, что знают дорогу в Светлое царство и какое оно на деле. Споря между собой, обзывая друг друга оппортунистами, ренегатами, соглашателями, даже агентами фараона, они путают нас, окончательно сбивают с толку. И так до семнадцатого года» (Шаров 2013: 229–230).

Во-вторых, отмечаются уникальные черты поэтики Гоголя, которые во многом и стали причиной разрушительной силы его таланта. Потомками осуждается особой природы «духовный вывих» писателя, который при всей своей писательской устремленности к изображению «идеального» остался художником непросто «образов зла», а вечного противостояния между добром и злом: «Территория, где сходятся жизнь и смерть… где то ли грех из последних сил борется с праведностью, то ли праведность с грехом, в общем оба изнемогли и уже не ждут, когда пропоет первый петух» (Шаров 2013: 79).

В рассуждениях о юморе классика потомки подчеркивают его связь с лукавством писателя, который заслонил смехом истинное зло в художественном откровении: «Гоголь играл словами, святая святых, на алтаре мешал Божественное с тварным, оттого все и посыпалось <…> как с этим жить, никто не знал. Чтобы отделить чистое от нечистого, заново освятить жертвенник, ушло много лет и много крови» (Шаров 2013: 96).

В-третьих, особый критике подвергается несостоявшаяся роль спасителя, которую пытался примерить на себя Гоголь. При этом используется едкое слово «пересмешник» при осмыслении того направления жизненного пути, который выбрал для себя Гоголь в

последние годы: «Строил все так, чтобы каждый уверовал, не усомнился даже он сам. Не забыл и главного, т. е. финала, знал, что из этой роли ему уже не выйти. Неважно, хорошо играешь или плохо, похож на сына Божьего или нет, все равно что званые, что избранные не успокоятся, доведут дело до могилы. А дальше будут стоять и ждать, стоять и спорить, воскреснешь ты или нет» (Шаров 2013: 96).

Порой делается акцент именно на театральности этого жизненного этапа писателя, тем самым подчеркивается недобросовестность исполнения выбранной роли, которая была подобна злой шутке над теми, кто возлагал на него надежды. Иногда даже в рассуждениях об этой особенности есть намеки на самозванство Гоголя: «Мы всегда пугались его совершенно театральной изменчивости. Прямо на глазах публики он с ловкостью фокусника жонглировал масками, одну за другой нахлобучивал на себя, снимал, но и после конца представления никто не имел понятия о его настоящем лице. Даже не мог сказать, было ли оно вообще. То он глумился над Россией, как раньше не смел никто; читая его, мы болели, затем начинали принимать, что в том, что он пишет, много правды, уже готовы засучить рукава, чтобы исправить неприглядное, постыдное, привести отечество, так сказать в божеский вид, – и тут он вдруг объявлял, что речь в "Ревизоре", что в "Мертвых душах" идет не о России, а о его собственной измученной, мятущейся душе. И снова никто ничего не понимал» (Шаров 2013: 110).

В-четвертых, в вину Гоголю ставится то, что он скомпрометировал русское дворянство в своих произведениях. А это, по мнению его потомков, предвосхитило все дальнейшие революционные перевороты: «Если Гоголь, выставляя на свет божий пороки, думал об исправлении дворянства, то Николай I, желал скомпрометировать сословие, лишить его веры в себя. Когда решался вопрос о постановке "Ревизора" и печатании поэмы, интересы обоих совпали, но сколько бы Гоголь себя не обманывал, его просто использовали. Уже не при Николае, а его приемниках царская власть сначала торжествовала победу, а затем рухнула. К ее падению дворянство отнеслось равнодушно. В феврале 17-го года Николая II не поддержал никто, да и в белом движении монархисты были в меньшинстве. Разделившееся царство не устоит. Гибель династии, как изгнание дворянства, – единственный эпилог раздрая» (Шаров 2013: 419–429).

Свершившийся факт подрыва доверия к дворянству стал причиной несостоявшейся гоголевской революции. Потомки допускают совер-

шенно неожиданную мысль, что революция могла состояться и раньше в России, главным пророком и глашатаем которой мог стать сам Гоголь. Эта идея нашла отражение в семейных постановках комедии «Ревизор» в начале XX в., накануне революционного переворота. Постановки отмечены «как иронический и отчасти кощунственный парафраз библейского Исхода» (Шаров 2013: 120–121). Через ключевые образы-символы в постановках актуализируются как тема избранного народа, который таит в себе тайную угрозу самозванства, так и тема пророка как истинного, так и ложного. Понятно, что Хлестаков является воплощением ложного пророка, которого, идя по легкому пути, выбирают жители города N, а истинный пророк – это настоящий Ревизор, следование за которым требует определенного духовного мужества и смелости. В логике рассуждений семейного режиссера Гоголь представлен как революционер, стремившийся через революционные преобразования законов сцены, природы драматургического текста, актерской игры совершить слом эпох, провести водораздел между старым миром, где люди погрязли в пагубных страстях и в грехах, и новым праведным миром, будущим Небесным Иерусалимом. Иными словами, в трактовке режиссера в своей революционности Гоголь выступает как пророк, которому не удалось увести за собой народ к новой вере и новой жизни.

Вполне очевидно, что эта постановка является пророческой: при ее сценическом воплощении были намечены возможные последствия грядущей социальной катастрофы. Конечно, знак равенства между сверившейся революцией и той революцией, которую мог бы осуществить Гоголь, потомки не ставят: идейное содержание каждой из них совершенно разное. Но неосуществление в свое время гоголевского духовного переворота в душах современников стало причиной того, что наступил момент, когда «революция была неизбежна, потому что не соблазниться, не встать, не пойти проверить то, что она обещала, однажды сделалось невозможно» (Шаров 2013: 595). Идея гоголевской революции, обнаруженная потомками в комедии «Ревизор», требовала предельной активизации духовных сил для борьбы с греховным началом, максимального мужества. А большевистская революция пошла по совершенно иному пути, «окончательно установив, что корень человеческого греха в несовершенстве мира. В таком его устройстве, что человек, сколько ни бейся, спастись не может» (Шаров 2013: 604). Революция Гоголя в свое время была рассчитана на сильного духом человека, а корнем

революции большевиков стала слабость человека, убеждение «что каким создан, он бессилен противостоять злу. Революция есть восстание слабого человека против творца своей слабости» (Шаров 2013: 600). Тем самым в рассуждениях гоголей настойчиво подчеркивается мысль о том, что свершившаяся в России «Революция – это дело рук оставленных Богом, забытых Им» (Шаров 2013: 601). Исходя из этого, есть все основания говорить о том, что потомки классика говорят о свершении революции в 1917 г. под знаком подмены и обмана, иона имеет ярко выраженный антигоголевский пафос.

Таким образом, в переписке Гоголей формируется крайне противоречивый образ классика. С одной стороны, подчеркивается его чуткость к механизмам организации хаоса национальной жизни, требующей в определенные моменты пророка, который укрепит веру в национальную исключительность и укажет путь национального развития, но с другой стороны, обнаруживается на примере его собственной судьбы как несостоятельность реализовать пророческое призвание, так и неготовность ожидающих пророка отличить истинного от ложного. Но парадоксальным образом при всех обвинениях Гоголю бесспорным остается факт его исключительной роли в русском общественном сознании. В переписке Гоголей оформляется мысль о совершенно изощренной богооставленности Гоголя, а след за ним и России, которая хотела видеть в нем пророка: «Гоголь не только не довел дело до Рая, но сжег и Чистилище. Увы, в пламени апокалипсиса погибли и мы, наше нравственное самосовершенствование» (Шаров 2013: 329).

Впитав именно этот пласт сомнений и раздумий о роли Гоголя в национальной истории, Коля пытается исполнить предназначение рода – дописать поэму «Мертвые души». Все эти попытки отражены во втором сюжетно-смысловом уровне романа. Потомок Гоголя является троюродным правнуком писателя. Он дитя революционных лет, который был зачат по законам Гражданской войны. В его биографии был отец, служивший в НКВД, но несмотря на это, не избежавший ареста и пребывания в лагере, в студенчестве было отречение от него, далее учеба в Петровской академии сельского хозяйства и работа корреспондентом в сельской газете, затем арест за антисоветскую агитацию и 10 лет лагерей, после этого возвращение из лагеря и поездка вслед за отцом в Казахстан, а там духовное приобщение к секте бегунов. Последние годы жизни – это самозабвенное служение идеалам бегунов и искупление грехов человеческих. Финал

жизни – это смерть в полном одиночестве и изоляции от мира и людей. Вполне очевидно, что эпизод с написанием продолжения поэмы «Мертвые души» занимает совершенно особое место в судьбе Коли. Он в силу своей исключительности «выламывается» из всей череды жизненных событий. «Выламывание» прежде всего связано с тем, что «Синопсис», который содержит продолжение поэмы «Мертвые души», выступает своеобразным мостом между двумя вехами в судьбе героя: до ареста и после лагеря. Тем самым в нем происходит смыкание личного и национально-исторического опыта: «Все-таки прошло пятнадцать лет, за это время много чего в моей жизни случилось, как одно ляжет на другое, не знаю. <…> Конечно, к "Мертвым душам" я уже не вернусь, но все же, чтобы с самим собой разобраться, мне было бы важно одни двадцать лет склеить с другими пятнадцатью. "Синопсис" попал как раз на разрыв, а сейчас я думаю, что что-то он и мог бы зарастить» (Шаров 2013: 221).

Период до лагеря, отраженный в переписке с 1937 по 1940 г., – это четкое следование завету матери о том, что он должен исполнить предназначение рода и дописать поэму. Не случайно папки, в которых хранятся эти письма, названы «детскими», тем самым подчеркивается, что этот период был ученический во всех смыслах: в силу возраста, неготового к истинно гоголевскому масштабу ответственности, отсюда сомнения и желание отказаться, в силу наивно идеалистического отношения к событиям, происходящим в стране, настоящие испытания, которые произведут слом, еще впереди, в силу незнания всей тайны гоголевского творчества, поэтому «чтение его с карандашом» и попутно знакомство с трудами тех, кто писал о нем.

Жизненный период, отраженный в детских папках, отличает жизнестроительство с опорой на гоголевский текст, причем не на весь пласт творчества, а именно на сохранившиеся фрагменты второй части поэмы «Мертвые души», где «бал правит умный распорядительный помещик. Земля у него родит, вдобавок заведены всяческие промыслы. Так что денег полный кошель и крестьяне живут на зависть» (Шаров 2013: 87). В силу того, что будущее России потомку Гоголя мыслится именно через использование ее аграрного потенциала, он решает поступать в Петровскую академию сельского хозяйства. Он стремится получить знания о многопольном севообороте, о правильном соотношении пахотных земель и лугов и прочего: «без современного земледелия и без всего, что касается самых разных

сельских промыслов понять, как Николай Васильевич представлял себе будущее помещичьего хозяйства, следовательно, и будущее России, невозможно» (Шаров 2013: 100).

Случившаяся далее поездка в колхоз «Светлый путь» для работы агрономом также имеет гоголевскую мотивировку. Во-первых, «появилась возможность во все вникнуть, как пытался Николай Васильевич, когда писал вторую часть поэмы, и заняться делом, как пытались те, кого он в ней вывел» (Шаров 2013: 190-191). Во-вторых, как считает потомок классика, именно в эти места, где находится колхоз, Чичиков вывел бы купленные души: «у Николая Васильевича говорится о Новороссии, но ко времени окончания первой части поэмы земли давали уже не на Херсонщине, а снова в Заволжье» (Шаров 2013: 189).В-третьих, тот соблазн, который овладел Колей, «попробовать привести эту землю, так сказать, в божеский вид» (Шаров 2013: 190), имеет также гоголевские корни. Вспомним пламенную речь Костанжогло в сохранившихся отрывках второй части поэмы: «Надобно иметь любовь к труду; без этого ничего нельзя сделать. Надобно полюбить хозяйство, да! И, поверьте, это вовсе нескучно. <…> Как царь в день торжественного венчанья своего сиял он. – Да в целом мире не отыщите вы подобного наслажденья! Здесь, именно здесь подражает богу человек: бог предоставил себе дело творенья, как высшее наслажденье, и требует от человека также, чтобы он был творцом благоденствия и стройного течения дел» (Гоголь 1951: 274).

Далеко не случайным является также место, где расположен колхоз «Светлый путь», в представлении Коли – это «Земля обетованная, где то и дело проклевывается будто рассада, пытается взойти Новый Иерусалим» (Шаров 2013: 190). Подобные выводы он делает, основываясь на следующих фактах: «это и район колонистов: немцев-евангелистов, штундистов и прочих <…> здесь были и главные монастыри староверов <…> по соседству с нами полувеком позже были основаны и несколько колоний толстовцев» (Шаров 2013: 189). В этих установках героя начинает оформляться модель построения Небесного Иерусалима на пересечении аграрных преобразований и религиозных устремлений. Юношеский энтузиазм Коли, основанный на идеалистической установке великого предка, направить свои жизненные силы и знания на воплощение мечты о Небесном Иерусалиме, сталкивается с реальным положением дел в советских колхозах. Положением дел, ставших прямым следствием нерацио-

нальных преобразований советской власти, которая, с одной стороны, уничтожила и истребила «крепких» и «справых» хозяев, объявив их кулаками, а с другой стороны, отправила десятки тысяч горожан, не владеющих нужными знаниями, командовать сельским хозяйством. Обнаружение потомком классика ада хозяйственно-экономической жизни страны становится причиной отказа создавать поэму «Мертвые души» на советском материале, как было задумано изначально. Этот отказ выступает неким символом сурового приговора советской действительности, в которой произошел разрыв происходящих преобразований с духовными основами жизни нации.

Любопытно в этом отношении сравнить эпизод, произошедший с Колей во время заключения. Его как агронома направляют возделывать клочок земли, примыкающей к лагерю, чтобы спасти от голода заключенных. Сам Коля воспринимает этот эпизод символически: «Земля, которой я еще не успел сделать ничего хорошего, только вознамерился помочь, обо мне вспомнила» (Шаров 2013: 192). А результат является для него прямым тому подтверждением: «И люди у нас жили, тянулись из последних сил, некоторых даже удавалось поставить на ноги. В любом случае зэки с других зон костицынскую считали за Землю Обетованную» (Шаров 2013: 194).

Возможность обретения Земли обетованной в пространстве ада тюремного заключения усиливает в сознании потомка Гоголя смысловое звучание образа Небесного Иерусалима как ключевого в создаваемом продолжении поэмы «Мертвые души». Случившаяся трансформация творческого замысла от «колхозной» утопии на советском материале до идеи построения Небесного Иерусалима силами Чичикова в период, предшествующий событиям коренных революционных преобразований, определяет принципы альтернативной версии национальной истории, представленной в романе.

В Колином «Синопсисе» поэмы «Мертвые души» представлено описание событий российской истории с 1830-х до 1870-х гг. Охваченный период рассматривается как судьбоносный на том основании, что в это время было сделано многое для восстановления величия древлеправославной епархии, начиная с учреждения старообрядческой епископской кафедры за пределами России и закачивая учреждением Белокриницкой Епархии. Предельная концентрация именно на этих событиях делает акцент на восстановлении духовных основ жизни нации. Потомок Гоголя представ-

ляет Чичикова как последователя старообрядческой веры, который направил все свои силы на восстановление древлеправославной церкви. Писательская установка Шарова прочтения русской истории через призму Священной истории обусловливает изображение Чичикова также как пророка, подобного Моисею, берущего на себя великую миссию служения идее обретения для своего народа Земли Обетованной, на которой можно воздвигнуть Небесный Иерусалим. Вся деятельность Чичикова, вписанная с исторической достоверностью в контекст старообрядческого движения, выступает своеобразным комментарием к Священному писанию. У Коли изгнание старообрядцев и их вынужденное скитание после раскола и сохранение чистоты своей веры в условиях физического и духовного угнетения соотносятся с сюжетом ветхозаветной истории о сынах израилевых, покинувших Египет и заслуживших свою истинную веру, пройдя через страдания и скитания. Староверы в «Синопсисе» представлены не иначе как новый избранный народ, весь путь которого с момента раскола русской церкви полон мук и страданий, назначенные им для укрепления их духовной силы. Перед Чичиковым, взявшим на себя роль Моисея, стоит задача не только собрать вокруг себя приверженцев древлеправославной веры и приобщить к ней новых людей, но и найти органическое сопряжение между религиозно-метафизическим воплощением образа Небесного Иерусалима и социальным. Именно в этом пространстве смыслов происходит смыкание старообрядческого движения и революционного, так как они имеют общего врага – царскую власть, которая для старообрядцев подобна власти антихристовой, а для революционеров – главная преграда в построении социально справедливого общества.

Революция, осмысляемая в альтернативной ретроспективе, воспринимается как исторический итог событий, которые случились во время раскола, который ее «подготовил» и «породил». В новой версии жизненного пути Чичикова в его деятельности смыкается религиозное и общественное начало: планируется совместить судьбу Чичикова и Алеши Карамазова, которому по творческой воле Достоевского было суждено выйти из монастырских стен и стать участником революционной группировки: «И вот мне показалось, что оба они, Чичиков и Алеша Карамазов, по всем законам Божеским и человеческим однажды должны сойтись. Это не просто вернет смысл, оправдает те три четверти века русской

истории, когда люди, пережив духовное возрождение, как бы выпали из гнезда привычной жизни» (Шаров 2013: 318). Также на закате своих странствий Чичиков соприкасается с революционной элитой в лице Герцена, Бакунина, Чернышевского, Плеханова и др. В результате общения и вдумчивого погружения Чичикова в комплекс их революционных воззрений назревает идея объединения. Причиной подобного неожиданного союза становится стремление приверженцев истинной веры, старообрядцев, пойти на «любые жертвы», «только бы разрушить до основания это царство зла» (Шаров 2013: 213), источником которого является царская власть, подобная власти египетского фараона.

Принятие в финале «Синопсиса» Чичиковым идеи Небесного Иерусалима, который «будет возводить человек сам, своими руками, потом и кровью» (Шаров 2013: 312), обнажает случившийся перекос в структуре провиденциалисткого мифа об уникальности исторического предназначения России, когда из него была изъята метафизическая основа. Именно через альтернативную версию национальной истории, участником которой стал Чичиков, ощутимее прояснился вечный спор, получивший емкую формулировку у одного из респондентов Коли: «одни говорят, что раз земля наша – Земля Обетованная, а мы – избранный народ, значит, что бы ни делали, все угодно Богу, никто нам не судья. Другие – что мы избраны лишь потому и пока делаем угодное Богу» (Шаров 2013: 213). По сути это допущение у потомка Гоголя Шарова корреспондирует отмеченной потомками разрушительной силе гоголевского таланта, сокрушившего все ценностные иерархии в своем творчестве, которое сыграло не последнюю роль в размышлениях о национальной русской идее.

Таким образом, в романе представлена предельная концентрация на трагической судьбе классика из-за нереализованности неподъемного творческого замысла, в котором предполагалось явить органическое сопряжение социальной утопии и религиозно-философской идеи. Гоголь оказался интересен Шарову как писатель, который был сосредоточен на идее создания заветного произведения, способного явить ключ к национальному возрождению. Обращение Шарова именно к этой стороне гоголевского таланта позволило выявить его роковую роль в формировании основ представлений о национальной исключительности и особом историческом предназначении России.

ЛИТЕРАТУРА

Гоголь 1951 - *Гоголь Н.В.* Мертвые души. Полн. собр. соч.: В 14 т. М.: АН СССР, 1951. Т. 6. 624 с.

Шаров 2013 - *Шаров В.* Возвращение в Египет. М.: АСТ, 2013. 759 с.

REFERENCES

Gogol, N.V. (1951) *Polnoye sobraniye sochineniy*: v 14 t. [Complete Works. In 14 vols]. Moscow.

Sharov, V.A. (2013) *Vozvrashchenie v Egipet* [Return to Egypt]. Moscow: Litres.

Баль Вера Юрьевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Национального исследовательского Томского государственного университета

Bal Vera – Ph.D. in Philology, Lecturer of Department of General Lilterary Studies, Publishing and Editing of National Research Tomsk State University.

E-mail:ver_bal@sibmail.com

УДК 821.161.1.091:130.3:94(47+57)„19”
UDC
DOI: 10.17223/23451734/3/5

РОССИЯ И СЛАВЯНСКИЙ МИР В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ А.Н. МАЙКОВА

О.В. Седельникова

Томский политехнический университет,
Россия, 634050, Томск, пр. Ленина, 30
E-mail: sedelnikovaov@tpu.ru

Авторское резюме

На основе изучения документов архива А.Н. Майкова рассмотрен вопрос о месте России и славянского мира в европейском культурном пространстве в творческом сознании поэта, уточнено смысловое наполнение понятия «Восток» в его мировоззрении (Восточная Европа, славянский мир, преемственность истинного византийского христианства) и выявлена доминантная роль данной оппозиции в процессе развития его общественных и эстетических взглядов. Восток и Запад Европы, родственные в своих духовных корнях, противопоставляются исповеданием разных религиозных конфессий – восточного православия и западного католицизма. Эта мысль последовательно реализуется в творчестве и эпистолярии Майкова 1840–1880-х гг. и становится основой для формирования панславистских идей.

Ключевые слова: А.Н. Майков, Россия, славянский мир, славянская культура, Восток, Запад, православие, католицизм.

RUSSIA AND THE SLAVIC WORLD IN CREATIVE CONSCIOUSNESS OF A. MAYKOV

O.V. Sedelnikova

Tomsk Polytechnic University
30 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: sedelnikovaov@tpu.ru

Abstract

Based on the analysis of Maykov's archive the place of Russia and Slavic World in European cultural environment in the poet's creative consciousness is considered, semantic content of the term "East" (Eastern Europe, Slavic World, succession

of the true Byzantine Christianity) in his outlook is specified. Overbearing role of the given opposition in the development of his social and aesthetic views is elicited. European East and West, having cognate spiritual roots, are opposed by different confessions: Orthodox Christianity in the East and Catholicism in the West. This idea is consistently unleashed in Maykov's creative work and letters of 1840–1880 and turns into basis for shaping the Panslavic concept.

Keywords: A.N. Maykov, Russia, Slavic World, Slavic Culture, East, West, orthodoxy, catholicism.

С начала XVIII в. оппозиция Восток – Запад становится одной из основных в процессе осмысления прошлого, настоящего и будущего России в сознании представителей русской науки и культуры. В XIX в. внимание к ней еще более усиливается в связи с растущей потребностью определения Россией своей специфики в контексте европейского культурно-исторического пространства, особенно под влиянием становления новой русской историографии и активизацией борьбы южнославянских народов за независимость. К 1840 гг. вопрос об отношениях России и Европы приобретает особую остроту в контексте оформления идеологических концепций западничества и славянофильства и напряженных споров о самобытности русской истории и понимании личности, ширящихся вокруг журнальной полемики К.Д. Кавелина и Ю.Ф. Самарина.

А.Н. Майков принадлежал к поколению художников, дебютировавших в первой половине 1840-х гг. и сформировавших основы мировоззрения в атмосфере споров о судьбе России об истоках ее национальной самобытности. Эта проблематика изначально привлекала внимание поэта, определив магистральные направления его духовных поисков.

Мемуарные источники свидетельствуют о том, что интерес к русской истории и шире – к славянскому миру вообще – на рубеже 1830–1840-х гг. был характерен для непосредственного окружения поэта – старшего поколения участников кружка Майковых, определяя во многом их духовные интересы. Е.П. Майкова, мать поэта, москвичка по происхождению, с момента появления выписывала «Москвитянин» (Гродецкая 1994: 464), публикации которого стали предметом внимательного изучения сыновей. Серьезный интерес к русской истории, к историческому документу как первоисточнику определял одно из направлений умственной деятельности В.А. Солоницына. В 1835 г. он поместил в домашнем рукописном

альманахе Майковых фрагмент записок графа Ростопчина «Кончина императрицы Екатерины II» (Гродецкая 2001: 33), а в 1841 г. в журнале «Москвитянин» вышла его повесть «Царь – рука Божья. Быль времен Петра Великого» (Гродецкая 2001: 7). Другой представитель старшего поколения кружка Майковых, А.П. Заблоцкий-Десятовский, известный экономист и статистик, на рубеже 1830–1840-х гг. задумывает вместе с В.Ф. Одоевским известный впоследствии проект – просветительское издание журнала для народа «Сельское чтение», в статьях которого концептуальным элементом был стиль, приближенный к народной речи, воспроизводящий ее традиционные формы. О принципиальности такого языкового решения свидетельствует то, что стилизация проникает даже в письма Заблоцкого к Одоевскому: «Имеем честь мы поздравить Ваше сиятельство с возвращением из бусурманских стран. А желаем мы вас, батюшка князь, весьма зело видеть [нрзб.] очень, и есть у нас и нуждишка до Вас, батюшка; а и первая нуждишка та, не изволите ли, батюшка, приложить ума-разума да настрочить грамотку к православному народу, который будет читать третью книжку "Сельского чтения"; а книжка эта уже, почитай, совсем готова, и конец набросан» (РНБ 1830–1840: 56).

Серьезные занятия Майкова славянской историей начались еще в студенческие годы. По свидетельству биографов поэта, этому способствовали публикации в журнале «Москвитянин», которые привлекали еще юного Аполлона Майкова к активному изучению истории, литературы и этнографических особенностей славян (Семевский 1904: 12). Результатом этих занятий стало написание диссертации «Первоначальный характер законов, по источникам славянского права» (Семевский 1904: 12).

Значительное влияние на формирование устойчивого интереса Майкова к славянскому миру и проблеме типологической сущности славянской культуры оказала книга П. Шафарика «Славянские древности», с которой, судя по всему, поэт познакомился еще в период работы над диссертацией. Описывая в письме Н.В. Гербелю формирование своих взглядов, поэт отмечал: «<…> с одной стороны, Гегель в лекциях? <…> с другой – «Москвитянин», [нрзб.] и Шафарик; диссертация, в которой в первый раз в петерб<ургском> унив<ерситете> было произнесено слово: славяне, а именно: «Первоначальный характер законов, по источникам славянского права», т.е. разбор сравнение «Русской правды», законов [нрзб.], законов

царя Душана и пр. и общий вывод. И причем тема взята мною для того, чтобы не повторить уже известное, а представить что-нибудь новое» (РНБ 1863–1873: 2 об.).

Изначальное внимание к самобытным особенностям славянской истории и культуры определяет направление последующего развития историко-культурных взглядов Майкова. Значительный материал для этого дает предпринятое им в 1842–1844 гг. путешествие по Европе. Именно в письмах, путевом дневнике и художественных произведениях того периода начинает оформляться оппозиция Восток – Запад, определяющая в процессе разработки вопроса об отношениях России и Европы. Здесь необходимо отметить, что, наблюдая за полемикой славянофилов и западников, Майков и его ближайшее окружение не принимали точку зрения ни одной из спорящих сторон, придерживаясь диалектического взгляда на предмет спора, определяющего позже историософскую концепцию почвенничества. Изначальной основой восприятия любых фактов европейской культуры, в том числе декларируемых в публичных дискуссиях как средство улучшения русской жизни, становится стремление проверить их на соприродность коренным особенностям национального бытия (Седельникова 1999: 51).

На этом фоне весьма показательно, что первые же впечатления Майкова о Европе характеризуются резко критическим отношением к западному миру, воспринятому им прежде всего через жизнь Франции. Франция и Париж становятся в его сознании самым ярким проявлением сущности современного состояния жизни Запада, главным образом, в аксиологической плоскости. Поэт неоднократно подмечает поверхностность и непостоянство французов, подчеркивая, что «самая жизнь французов – тоже factice, поддельная: жизнь чисто внешняя, которой предавать себя могут только люди, у которых в голове и в душе должно быть очень пусто, происходит ли эта пустота от разочарования, утраты чувств, или от малого запаса знаний, составляющих источник тихих, более красивых наслаждений» (Майков 2013: 17). Бегло анализируя особенности французской общественной жизни первой половины XIX в., Майков обнаруживает за внешней «кипячкой европейской жизни» странную бессмысленность и безыдейность движения, обусловившую диструктивность культурных процессов (Седельникова 2014: 79–81). Знаки высоты духовного развития народа Майков обнаруживает лишь в прошлом, осматривая соборы Парижа, которые нередко поражают его своим

совершенством и высотой выраженного в них напряжения духовных устремлений (Майков 2013: 18, 22–26, 43–44).

Жизни Запада, наполненной мелочными и пустыми интересами, в сознании Майкова противопоставлена жизнь Востока, который в его представлениях семантически более связан не с Азией, но обозначает Восточную Европу, славянский мир, вставший на границе с Азией и в религиозном смысле являющийся наследником не римско-католической, а константинопольской, восточно-византийской ветви христианства. Это целый славянский мир со своим особым духовным строем, национальной историей и культурой, значительно отличающийся от истории и культуры романо-германских народов. В этом контексте Россия воспринимается Майковым и его ближайшим окружением как значимая часть Востока, его центр, единственное сильное, свободное, самостоятельное славянское государство. Особую роль в формировании такой смысловой доминанты понятия «Восток» играет общее внимание участников кружка Майковых к проблемам славянского мира, которому в некоторой степени способствовала деятельность А.П. Заблоцкого-Десятовского, бывшего с 1832 г. редактором «Журнала министерства внутренних дел», а с 1840 г. – «Журнала министерства государственных имуществ» (Большая энциклопедия 1900–1907: 441), и его младшего брата, близкого друга А.Н. Майкова М.П. Заблоцкого-Десятовского, который осенью 1842 г. готовился выехать на службу в Сербию и живо интересовался всеми событиями, происходящими на славянском Востоке (ИРЛИ 1842–1843: 2–2 об. и др.).

Влияние на трактовку понятия «Восток» в сознании Майкова в этот период продолжала оказывать историософская концепция Шафарика. Желание чешского исследователя выявить связь славянской культуры с основами европейского или азиатского типа во многом определяет собственные поиски поэта 1840-х гг., что отражается не только в письмах, но и в основах проблематики его произведений этого периода, прежде всего поэтического цикла «Очерки Рима» (1847) и поэмы «Две судьбы» (1844), основой которых послужили впечатления от путешествия Майкова по Европе 1842–1844 гг. О последовательном интересе молодого Майкова к идеям Шафарика свидетельствует письмо к нему М. П. Заблоцкого: «Кстати о Славянщине (*характерное слово в лексиконе участников кружка Майковых. – О.С.*). Я приобрел [нрзб.] Шафарика (твоего, кажется, любимца)» (ИРЛИ 1842–1843: 2 об.). Концепция чешского историка

неоднократно упоминается в переписке Майкова с М.П. Заблоцким, который обращается к вопросу о роли России в освобождении славянских народов от турецкого ига. Письма Заблоцкого Майкову 1842–1843 гг. свидетельствуют о заинтересованности обоих друзей в обсуждении этого круга проблем, о стремлении осмыслить истинную роль России в европейском историческом процессе. Так, 3 октября 1842 г., говоря о подготовке к служебной поездке в Сербию, Заблоцкий с восторгом пишет:

«Желая познакомиться с отношением Турции к славянским народам, я стал вычитывать одно сочинение о Турции (одного англичанина, бывшего секретарем при Англ<ийском> посольстве в Константинополе). Если бы ты знал, душа моя, с каким восторгом прочел я следующие слова иностранца об России; я так полон восторга, произведенного ими во мне, что не могу не передать их тебе. Вот что говорит он о том, что сделала Россия по отнош<ению> к Турции: "На протяжении века могущество оттоманское казалось как табакерка, украшенная бриллиантами, которая содержит только грязь; именно Россия подняла ее крышку. Именно России принадлежит заслуга если не уничтожить, то по меньшей мере приручить оттоманскую гордость, которая является корнем всех зол империи; ей принадлежит и слава освобождения старинных племен (rayas); она это сделала, подтолкнув на восстание Грецию и Сербию, взяв под свою защиту Молдавию и Валахию, предоставив поддержку своим штандартом греческому морскому флоту <…>, создавая после каждой победы новые преимущества для утверждения Христианской веры. Произведенное освобождение будет всегда такой страницей в истории России, и если несколько ригористов жаловались, что оно было продиктовано корыстными мотивами, им можно ответить, что личная цель, движущая Россией, была совершенно оправдана <…> (перевод с французского, автор не установлен)". Вот и стали мы содействовать мировым интересам» (ИРЛИ 1842–1843: 2–3 об.).

Пристальное внимание Майкова к идеям панславизма, проблемам славянского Востока и роли России в их решении, размышления о необходимости изменений в связи с этим во внешней политике демонстрирует объемная запись в путевом дневнике от 9 марта 1843 г., отражающая различные мнения польских эмигрантов о судьбе Польши:

«В Париже теперь до 7 000 поляков-эмигрантов, и эти несчастные, даже вне своего отечества и безо всякой политической самостоятель-

ности, не могут быть согласны между собою, хотя бы, кажется, должны были быть соединены общим бедствием. Между ними три партии: аристократическая, демократическая, желающая восстановления Польши в древних ее пределах, в форме республики или конституционной монархии, с уравнением всех сословий и состояний, так чтобы каждый поляк имел равные права с прочими. След<овательно>, уничтожение Шляхты, Магнатов, крестьян. Другая партия, органом которой есть Мицкевич, мечтает о примирении и соединении всех славянских племен, пожалуй, хотя под властью одного монарха, но так, чтобы все славянские государства были равны, а не составляли бы провинцию одного государства, как теперь Польша по отношению к России. Они говорят: мы все братья, я – поляк, ты – русский, но мы все славяне. Эта партия хоть составлена не в духе национальности польской, однако может доставить полякам больше утешения, нежели другие, ибо мечтания демокр<атической> партии, в духе патриотизма, освещенного новейшими идеями, не могут осуществиться при настоящем положении вещей. Видя в действиях России осуществление своей идеи, мицкевичевская партия оскорблена только тем, что наше правительство действует слишком эгоистически, как бы *не сознавая своего назначения поднять славянский мир и вести его вперед, а налагая только новое славянское, русское иго. Главное негодование на отделение Познани и Галиции; ее желание: образование великой Славянской Конституционной Монархии* (курсив мой. – *О.С.*).» (Майков 2013: 120–121).

Интерес Майкова к славянскому миру еще более углубляется после посещения в 1844 г. Праги, в которой поэт пробыл два месяца, выучил чешский язык и познакомился с кружком славянских патриотов во главе с В. Ганкой и П. Шафариком (ИРЛИ 1840–1857: 1–2). Они убедили Майкова в том, что долг России в настоящее время – объединить славянские народы, освободив их от многовекового турецкого ига, и заявить о себе в Европе, заставив считаться со своими интересами (Языков 1897: 235).

Художественные произведения этого периода, прежде всего связанные проблематикой и сюжетом с путешествием по Европе поэма «Две судьбы» и поэтический цикл «Очерки Рима», уточняют еще один важный аспект формирующейся оппозиции. В них Майков сопоставляет национальные характеры как культурно-исторически и геоклиматически обусловленные типы, выявляя значительные различия между славянином и европейцем. При этом некоторые

характерные особенности семантики художественного пространства поэмы и психологические характеристики героев свидетельствуют о том, что в сознании Майкова этого периода вопрос о положении России между Европой и Азией еще остается не до конца проясненным, по крайней мере ни художественные произведения, ни письма и заметки не дают однозначного ответа на данный вопрос. Характер хронотопа поэмы «Две судьбы» не позволяет исключить азиатские черты в структуре русского национального характера.

Новый этап в осмыслении оппозиции Восток – Запад в сознании Майкова открывается в годы Крымской войны, которая, по признанию самого поэта, «поглотила меня совершенно» (ИРЛИ без даты : 1). В этот период поэт вышел из состояния духовного оцепенения, в котором находился долгое время после процесса петрашевцев. Осмысливая изменения, произошедши в русском общественном сознании в середине 1850-х гг., Майков называет это время «началом нового периода нашей исторической жизни» (Языков 1897: 251), так как народ вышел на новый уровень самоосознания, почувствовав, что «мы особый мир; Восток Европы не то, что Запад» (Майков 2007: 152) (при этом очевидно, что принадлежность России европейскому типу культуры устанавливается им через осознание органического единства аксиологических основ в культурном сознании русских и европейцев, восходящих, с одной стороны, к Античности, а с другой – к раннехристианской духовности). В эти годы Майков ощущает себя обязанным привлечь современников к глубинному осмыслению сути происходящего и запечатлеть единый патриотический порыв, объединивший на время даже западников и славянофилов. Итогом его размышлений становится поэма «Клермонтский собор», вызвавшая живое сочувствие современников, охарактеризованная критикой как «задушевное выражение общего чувства патриотизма» (Некрасов 1950: 611). Оппозиция Восток – Запад получает в этом произведении дальнейшую проработку. Основной смысл происходящего, по Майкову, заключается в том, что Запад увидел на Востоке новую силу, претендующую на равноправие, силу, которая опирается не на физическую мощь, а на духовную состоятельность. Это столкновение выявило духовную энтропию, охватившую Запад, и подчеркнуло жизнеспособность Востока (Седельникова 2004).

Важнейшим аспектом в противопоставлении Востока и Запада, подчиняющим все другие стороны и объясняющим их, оказывается в этот период религиозный аспект. Восток и Запад Европы, глубоко

родственные в своих духовных корнях, что теперь очевидно Майкову (не случайно в поэме он называет европейцев «западными братьями»), противопоставляются исповеданием разных христианских конфессий – восточного православия и западного католицизма. Православие, пройдя суровые испытания, сохранило верность идеалам любви и самопожертвования, служа не временному, а вечному. Католицизм же, изначально далекий от понимания человеческих слабостей, постепенно превратился в государственный институт, перестал быть хранителем вечных истин, порвал связь с христовыми заповедями и из опоры для человека превратился в сдерживающий механизм. Эта мысль последовательно реализуется в творчестве и эпистолярии Майкова 1860–1890-х гг. и, наконец, обретет выразительную и емкую формулировку в письме А.А. Голенищеву-Кутузову, написанном летом 1892 г.:

«И не поражал вот факт, что, не говоря уже об англосаксонском [нрзб.], вся западная Европа, и особенно сектантская, все более поклоняется Библии, более ее чтит, чем Евангелие. Вот отличие между прочим православия от Запада и, преимущественно, русского. У нас Евангелие – откровение любви, а там – грозный Егова, мститель и потребитель» (ИРЛИ 1892: 4 об.).

Духовно-религиозная основа оппозиции Восток – Запад как истинной, животворной и ложной, формальной веры реализуется в композиционном строе поэмы «Клермонтский собор»: в первой части Майков изображает историю объединения европейских народов для борьбы против мусульман, зверствующих на христианском Востоке, а во второй с возмущением говорит о том, что католицизм, разрушивший свою духовную сущность, готов объединиться с мусульманами против братьев-христиан, хотя бы ложью и силой добившись победы Ватикана над Константинополем. Еще более определенно эта мысль реализована поэтом в письме брату, историку Аполлону Александровичу Майкову: «Парижский архиепископ говорил войскам, идущим в Грецию и Россию: “Вы идете поддерживать Святую Католическую веру, вы поборники христианства”, – и когда при этих словах выразилось на всех лицах недоумение, он должен был прибавить: “Вы идете сражаться для уничтожения шизматиков, то есть исповедующих греческий закон!” Что же он не <…> не прибавил: “истребить греков-шизматиков и поддержать магометанство”. Да уж, где нет правды, там не знают, за что дерутся» (ИРЛИ без даты: 1).

В 1860–1890-е гг. характер трактовки оппозиции Восток – Запад в сознании Майкова не претерпевает существенных изменений. Художественные произведения и эпистолярное наследие этого периода дают основания говорить о более детальной проработке отдельных аспектов заявленной проблематики и основанном на этом размышлении о роли России в судьбе Европы. Значительная часть этих размышлений представлена в письмах одному из ближайших друзей и единомышленников – Ф.М. Достоевскому. Актуальность обращения к оппозиции Восток – Запад определяется, с одной стороны, столкновением одного из участников диалога с европейской жизнью, с другой – остротой споров о судьбе России, характеризующей проблематику общественной жизни России рубежа 1860–1870-х гг., а также знакомством адресатов с книгой Н.Я. Данилевского «Россия и Европа», концептуальные положения которой заставили откликнуться обоих.

Противопоставляя католический Запад православному Востоку, Достоевский и Майков размышляют об основах духовной жизни русского народа, органично связанной с православной доминантой, позволившей выстоять России в самые сложные и смутные периоды истории, когда появлялась угроза уничтожения самобытности. Они обсуждают события русской истории, эксплицирующие сущность национальной души, жадно ищущей истины. Трактовка православия как истинного христианства, сохранившего жертвенный образ Христа, определяет обращение Майкова к творческому исследованию сюжетов из русской истории. Этот замысел неоднократно обсуждается в переписке с Достоевским, рождая в сознании последнего один из важнейших тезисов его эстетической программы – размышление о «поэме как самородном драгоценном камне в душе поэта» (Седельникова 2012). Внимание Майкова к сущностным проявлениям раннехристианской духовности, унаследованный русским православием и обусловивший важнейшие черты национального характера русского народа, порождает новый виток интереса к истории ранних христиан. В зрелые годы с новой силой возобновляется работа над этой, привлекшей поэта еще в молодости, темой. Результатом ее становится поэма «Два мира», предметом художественного исследования в которой явились образы первых христиан с их страстным духовным поиском и самоотречением во имя истины. Характерная для позднего Майкова идея мистического откровения, духовного прозрения истины, определяющая православное мироотношение, сближает его с поисками художников и мыслителей конца XIX в.,

например, с Д.С. Мережковским, который в одной из сохранившихся в архиве поэта записок обращается к нему как к «дорогому учителю» (Мережковский: 1).

Таким образом, оппозиция Восток – Запад, понимаемая как противостояние Восточной Европы (Россия и славянский мир) и Западной Европы (романо-германские государства), православия и католицизма, духовной живости и омертвения, последовательно формируется в сознании А.Н. Майкова в процессе осмысления насущных проблем, стоявших перед русскими художниками и мыслителями середины – второй половины XIX в. Противопоставление славянского мира и мира католического становится постепенно доминантной в его мировоззрении, определяет специфику общественных взглядов поэта, последовательно реализуясь в его переписке, статьях и художественных произведениях. Очевидно, что в пространстве его художественных текстов проанализированная оппозиция имеет еще один семантический аспект – аспект художественной культуры, но в этом плане Восток и Запад не столько противопоставляются друг другу, сколько обнаруживают родство, восходя к единому истоку – античной эстетике, обогащенной евангельским духовным началом.

ЛИТЕРАТУРА

Большая энциклопедия 1900–1907 - Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания под редакцией С.Н. Южакова. СПб.: Типография товарищества «Просвещение», 1900–1907. Т. 9. С. 441.

Гродецкая 1994 - *Гродецкая А.Г.* Майкова Евгения Петровна // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. Т. 3. С. 464–465.

Гродецкая 2001 - *Гродецкая А.Г.* Чувствительные и холодный (В.А. Соллогуб и семья Майковых) // Лица: Альманах. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. № 8. С. 5–49.

ИРЛИ 1840–1857 - Институт русской литературы (ИРЛИ). 16994. *Майков А.Н.* Письма Е.П. и Н.А. Майковым. 1840–1857 гг.

ИРЛИ 1842–1843 - Институт русской литературы (ИРЛИ). 16797. *Заблоцкий-Десятовский М.П.* Письма к А.Н. Майкову 1842–1843 и 1854–1856 гг.

ИРЛИ 1892 - ИРЛИ. 16662. *Майков А.Н.* Письма Голенищеву-Кутузову. Лето 1892.

ИРЛИ без даты - *Майков А.Н.* Письмо к Аполлону Александровичу Майкову // ИРЛИ. 17011. 1 л.

Майков 2007 - *Майков А.Н.* Записная книжка (*Публикация Н.В. Володиной*) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 гг. СПб., 2010. С. 147–170.

Майков 2013 - *Майков А.Н.* Путевой дневник 1842–1843 гг. Итальянская проза / Сост. О.В. Седельникова. СПб.: Пушкинский Дом, 2013. 400 с.

Мережковский - *Мережковский Д.С.* Записка к А.Н. Майкову // ИРЛИ. 16886.

Некрасов 1950 - *Некрасов Н.А.* Полное собрание сочинений и писем. М.: Гослитиздат, 1950. Т. IX.

РНБ 1863–1873 - Российская национальная библиотека (РНБ). Ф. 179. № 68. Л. 6. *Майков А.Н.* Письма Н.В. Гербелю 1863–1873 гг.

РНБ 1830–1840 - РНБ. Ф 539. Оп. 2. № 520. *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Письма и записки В.Ф. Одоевскому. 1830–1840 гг.

Седельникова 1999 - *Седельникова О.В.* Формирование почвеннических взглядов в мировоззрении раннего Достоевского // Вестник Томского государственного университета. 1999. № 268. С. 49–53.

Седельникова 2004 - *Седельникова О.В. К* вопросу об истории творческого диалога Ф.М. Достоевского с А.Н. Майковым (письмо Достоевского Майкову от 18 января 1856 г.) // Достоевский и время. Томск: Изд-во ТГУ, 2004. С. 112–124.

Седельникова 2012 - *Седельникова О.В.* В дополнение комментария к письмам Ф.М. Достоевского А.Н. Майкову (Письмо о «поэме» Достоевского и события русской история в творческом осмыслении Майкова) // Сибирский филологический журнал. 2012. № 2. С. 95–103.

Седельникова 2014 - *Седельникова О.В.* Парижские заметки путевого дневника А.Н. Майкова 1842–1843 годов: к вопросу об особенностях мировоззрения поэта // Сибирский филологический журнал. 2014. № 3. С. 77–85.

Семевский 1904 - *Семевский*. Майков в университете // А.Н. Майков. Его жизнь и сочинения. М., 1904. С. 12–14.

Языков 1897 - *Языков Д.Д.* Жизнь и труды А.Н. Майкова // Русский вестник. 1897. № 12.

REFERENCES

Yuzhakov, S.N. (ed.) (1900–1907) *Bolshaya Entsiclopedia. Slovar' obshchedostuphyh svedeniy po vsem otraslyam znania pod redaktsiey* [The Big Encyclopedia. Encyclopedia of popular facts in all fields of knowledge]. Vol. 9. Saint Petersburg: Prosveshchenie.

Grodetskaya, A.G. (1994) Maykova Yevgenia Petrovna [Maykova Yevgenia Petrovna]. In: Nikolaev, P.A. & Baskakov, V.N. (eds) *Russkiye pisateli. 1800–1917. Bibliograficheskiy slovar'* [Russian Writers. 1800–1917. A Bibliographical Reference Book]. Vol. 3. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya. pp. 464-465.

Grodetskaya, A.G. (2000) Chuvstvitelniy i holodniy (V.A. Solonitsyn i semya Maykovyh). [Sensitive and Cold (V.A. Solonitsyn and the Maykovs)]. In: Lavrov, A.V. & Pavlova, M.M. (eds) *Litsa: Al'manach* [Faces: Almanac]. Issue 8. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin. pp. 5-49.

Maykov, A.N. (1840–1857) *Pis'ma Ye.P. i N.A. Maykovym. 1840–1857* [Letters to Yevgenia Petrovna and Nikolai Alexandrovich Maykov. 1840–1857]. Institute of Russian Literature (IRLI). Fund 16994.

Zablotskiy-Desyatovskiy, M.P. (n.d.) *Pisma k A.N. Maykovu 1842–1843 i 1854–1856* [Letters to A.N. Maykov. 1842–1843 and 1854–1856]. Institute of Russian Literature (IRLI). Fund 16797.

Maykov, A.N. (1892) *Pis'ma Golenishchevu-Kutuzovu. Leto 1892* [Letters to Golenishchev-Kutuzov. Summer 1892]. Institute of Russian Literature (IRLI). Fund 16662.

Merezhkovskiy, D.S. (n.d.) *Zapiska k A.N. Maykovu* [Note to A.N. Maykov]. Institute of Russian Literature (IRLI). Fund 16886.

Maykov, A.N. (n.d.) *Pis'ma k Apollonu Alexandrovichu Maykovu* [Letters to Apollon Alexandrovich Maykov]. Institute of Russian Literature (IRLI). Fund 17011.

Maykov, A.N. (2010) Zapisnaya knizhka (Publikatsia N.V. Volodinoy) [A Notebook (Published by N.V.Volodina)]. In: *Yezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma na 2007–2008* [Pushkin House Maniscript Department Annual of 2007–2008]. St. Petersburg. Pushkinsky Dom. pp. 147-170.

Maykov, A.N. (2013) *Putevoy dnevnik 1842-43* [The travel diary of 1842–843]. St. Petersburg: Pushkinsky Dom.

Nekrasov, N.A. (1950) *Sobraniye sochineniy i pisem* [Collected Works and Letters]. Moscow: Goslitizdat.

Zablotskiy-Desyatovskiy, A.P. (1830–1840) *Pisma k V.F. Odoyevskomu 1830–1840* [Letters to V.F. Odoevsky. 1830–1840]. Russian National Library (RNL). Fund 539. List 2. File 520.

Maykov, A.N. (1863–1873) *Pisma N.V. Gerbelyu 1863-1873* [Letters to N.V. Gerbel 1863–1873]. Russian National Library (RNL). Fund 179. File 68.

Sedelnikova, O.V. (1999) Formironaniye pochvennicheskikh vzglyadov v mirivozzrenii rannego Dostoyevskogo [Formation of Pochvennichestvo of young Dostoevsky]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 268. pp. 49-53.

Sedelnikova, O.V. (2004) K voprosu ob istorii tvorcheskogo dialoga F.M. Dostoevskogo s A.N. Maykovym (pis'mo Dostoyevskogo Maykovu ot 18 yanvarya 1856) [The history of artistic dialogue between F.M. Dostoevsky and A.N. Maykov. Dostoevsky's Letter to Maykov of January 18, 1856]. In: Novikova, E.G. & Kazakov, A.A. (eds) *Dostoevsky i vremya* [Dostoevsky and Time]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 112-124.

Sedelnikova, O.V. (2012) V dopolneniye kommentariya k pis'mam F.M. Dostoyevskogo A.N. Maykovu (Pis'mo o "poeme" Dostoyevskogo i sobytiya russkoy istorii v tvorcheskom osmyslenii Maykova) [To the commentary of F.M. Dos-

toevsky's letters to A.N. Maykov (Letter about Dostoevsky's "poem" and events of Russian history in Maykov's creative interpretation)]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 2. pp. 95-103.

Sedelnikova, O.V. (2014) Parisian Notes in Apollon Maikov's Traveler's Diary of 1842-43: on the idiosyncrasies of the poet's world outlook. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology.* 3. pp. 77-85. (In Russian).

Semevskiy. (1904) Maykov v universitete. [Maykov at the university]. In: Pokrovsky, V.I. (ed.) *A.N. Maykov. Ego zhizn' i sochineniya* [A.N. Maykov. His life and works]. Moscow: Lissner and Geschel. pp. 12-14.

Yazykov, D.D. (1897) Zhizn i trudy A.N. Maykova [A.N. Maykov's life and work]. *Russkiy Vestnik*. 12. p. 251.

Седельникова Ольга Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Института международного образования и языковой коммуникации Национального исследовательского Томского политехнического университета.

Sedelnikova Olga – Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Language and Literature, Institute of International Education and Language Communication, National Research Tomsk Polytechnic University.

E-mail: sedelnikovaov@tpu.ru

УДК 81’37, 81’42
UDC
DOI: 10.17223/23451734/3/6

ПЕРЦЕПТИВНОСТЬ КАК ИДИОСТИЛЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА ЧЕШСКИХ И РУССКИХ СИМВОЛИСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЙ О. БРЖЕЗИНЫ И К. БАЛЬМОНТА)

С. Корычанкова[1], Л.Б. Крюкова[2]

[1] Университет им. Масарика, Чехия, 60300, г. Брно, Поржичи, 9
[2] Национальный исследовательский Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
[1]E-mail: korycankova@ped.muni.cz
[2] E-mail: lar-kryukova@yandex.ru

Авторское резюме

В статье перцептивность, языковая и речевая интерпретация наблюдаемости, рассматривается как одна из ключевых характеристик творчества поэтов-символистов. Перцептивный образ, вербализуя авторское понимание строения мира и вселенной, одновременно является типичным приемом символистской поэтики. Исследование выполнено в русле семантического и коммуникативного подходов к изучению текстового пространства с использованием методики лингвистического и сопоставительного анализа поэтических текстов. Материалом для статьи стали стихотворения О. Бржезины и К. Бальмонта. Основная задача лингвистического анализа – определение идиостилевого статуса языковых средств с перцептивной семантикой (лексических, синтаксических, стилистических). Сопоставительный анализ оригинального и переводного текста подтверждает значимость перцептивной составляющей в семантической организации художественного произведения. Особое внимание уделяется синестетическим сочетаниям и перцептивным метафорам. В результате исследования выявлены структурные и семантические трансформации перцептивных образов, обусловленные эстетическими и лингвистическими факторами.

Ключевые слова: символизм, перцептивность, синестезия, поэтический текст, лингвистический анализ, семантика.

PERCEPTIVITY AS THE AUTHOR'S INDIVIDUAL STYLE IN THE POETRY OF CZECH AND RUSSIAN SYMBOLISTS (A CASE STUDY OF O. BŘEZINA AND K. BALMONT)

S. Korychankova[1], L. Kryukova[2]

[1] Masaryk University
[7] Porici, Brno, 603 00, Czech Republic
[2] National Research Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

Abstract

In the article perception, language and speech interpretation of observability, is considered as one of the key characteristics of works of the Symbolist poets. Perceptive image verbalizes author's understanding of the structure of the world and the universe, at the same time the reception is the typical technique of symbolist poetics. The research was performed in the line as the semantic and communicative approaches to the study of the text area using the methodology of linguistic and comparative analysis of poetic texts. The materials for the study were poems O. Brezina and K. Balmont. The main objective of linguistic analysis is to determine author´s style status of linguistic resources with perceptive semantics (lexical, syntactic and stylistic). Comparative analysis of the original and translated text confirms the importance of perceptual component in the semantic organization of the work of art. Particular attention is given to the synesthetic world phrases and perceptual metaphors. The study revealed the structural and semantic transformation of perceptual images caused by esthetic and linguistic factors.

Keywords: symbolism, perception, synesthesia, poetic text, linguistic analysis, semantics.

Символизм как литературное направление является одним из доминантных этапов развития мирового искусства в XX в. и рассматривается как основа «новой поэзии», у истоков которой стоят Эдгар По, Бодлер, Верлен, Рембо, Метерлинк, Верхан. Русские и чешские символисты, являясь последователями европейских концепций, опираются при этом на собственные национальные литературные традиции. В России и Чехии были теоретики и критики символизма, обосновавшие эстетическую и философскую позиции (в России – В. Соловьёв, В. Брюсов, в Чехии – А. Прохазка, Ф. Шальда и др.). Общей

чертой, объединявших чешских и русских символистов, стало неприятие своей эпохи, трагическое мироощущение. Одним из важных отличий – восприятие реальной действительности и ее отражение в поэтическом творчестве (Бржезина 2012: 457).

Перцептивность (языковая и речевая интерпретация наблюдаемости или других разновидностей восприятия человеком окружающего мира) традиционно рассматривается как одна из ключевых характеристик творчества европейских поэтов-символистов, принявших тезис Артура Шопенгауэра: «Мир есть мое представление». Краски и звуки, вербализуемые в художественном произведении, становятся символами, характеризующими определенные душевные состояния.

Символика образов, выраженных, например, лексемами звучания *музыка, оркестр, звук, тишина*, передает динамику перехода между земным и небесным миром. В цветовом спектре отражаются признаки отдельных уровней человеческого просвещения и контакта с запредельным, трансцендентным: колебания от темных тонов, символизирующих повседневную, трудную, земную реальность: *темные тучи, черный день, седой туман*, к просветленным и светящимся: *голубой туман, ангелы белые*.

Сияние и всеобъемлющая сила света – один из основных принципов изображения строения мира и вселенной. Чередование образов света и тьмы является типичным приемом символистской поэтики. Например, в стихотворении В. Соловьёва: *Пусть тьма житейских зол опять нас разлучила, / И снова счастья нет, – / Сквозь тьму издалека таинственная сила / Мне шлет твой тихий свет* (Соловьёв 1994: 386).

Одним из ярких представителей чешского символизма является Отокар Бржезина, творчеством которого в 1920-е гг. увлекся русский поэт-символист К. Бальмонт, составивший в 1931 г. антологию «Душа Чехии в слове и деле. Поэтические оценки и образцы». В очерке «Поэт кристаллический: Отокар Бржезина» К. Бальмонт пишет: «…я, славянин, русский, чувствую, что узнаю самого себя в славянине, поляке Яне Касперовиче и в славянине, чехе Отокаре Бржезине. И не только это. Я хочу сказать, что мы славяне, когда поем о том же, о чем поет англичанин или американец, француз или немец, мы поем звучнее и более вольно, мы поем сердечнее и, не впадая в ограниченность точной размеченности» (Бальмонт 2012: 446).

Целью предлагаемой статьи является исследование языковых средств выражения перцептивной семантики и определение их

идиостилевого статуса в творчестве поэтов-символистов О. Бржезины и К. Бальмонта.

Акцентируя внимание на идиостилевом аспекте исследования, мы опираемся на определение Н.С. Болотновой, которая отмечает, что идиостиль автора «отражается как в характере заключенной в тексте информации, так и в формах ее языковой репрезентации на уровне структуры, семантики и прагматики текста <…> проявляется в способах эстетической актуализации ключевых слов, в их семантических и эстетических трансформациях на уровне текстовой парадигматики и синтагматики в соответствии с коммуникативной стратегией автора и его интенцией» (Болотнова 2008: 38).

Для достижения поставленной цели используется методика лингвистического анализа художественного текста (лексический и синтаксический уровни), а также сопоставительный семантический анализ (оригинальный текст, подстрочный и поэтический перевод).

Материалом для анализа стали поэтические тексты О. Бржезины и К. Бальмонта. Особое внимание уделяется стихотворениям чешского поэта, переводы которых были сделаны К. Бальмонтом и вошли в очерк «Поэт кристаллический: Отокар Бржезина» (Бальмонт 2012: 439–447).

Для О. Бржезины характерна глубокая и всесторонняя чувственность, тесно связанная с мыслительной деятельностью. Чешский лингвист Й. Филипец[1] подчеркивает значимость перцептивной составляющей в творчестве поэта и отмечает, что от импрессионистских стихотворений с оттенками седого и красного цветов О. Бржезина переходит к комбинированию смысловых впечатлений (Filipec 1969: 11).

«Motiv z Beethovena»	«Мотив из Бетховена»
Ó pověz, ***necítíš,***	***Слышишь*** *ли ты,*
jak noci narkosou ***dech*** *unaven se úží?*	*Как ночь плетет в тиши*
A ***lehký šumot*** *snů jak letěl kolem nás*	*тугую паутину*
a ***úsměv jasmínů*** *a bázlivý* ***dech růží***	*под* ***безмятежный шорох***
do ***vání křídel*** *svých ze*	*отлетевших снов,*
svého šatu třás'?	*под* ***шепот роз*** *и робкий*
	смех жасмина*,*
O, скажи, ты ***не чувствуешь****,*	*под слабый* ***трепет крыл*** *и звук*
как ночи наркозом ***дыхание***	*забытых снов?*
уставшее сужается?	*Перевод В. Каменской*[2]

*И **легкий шорох** снов как летел*
мимо нас,
*и **улыбку жасмина**,*
*и трепетное **дыхание роз***
*в **веяние крыльев** своих*
из своего наряда сотряс

Если сравнить подстрочный перевод с поэтическим, то необходимо отметить, что в оригинале используется так называемый глагол общего восприятия *necítíš (не чувствуешь),* включающий в себя все модальности. В переводе В. Каменской через глагол слышишь акцентируется слуховая перцепция, которая далее усиливается посредством лексем *тишь, шорох, шепот, смех, звук*. В тексте О. Бржезины представлено комплексное восприятие, свидетельствующее о неразрывности и взаимообусловленности перцептивных впечатлений, что подтверждается на языковом уровне *dech, šumot, úsměv, vání*.

В тексте Бржезины используются сложные индивидуальные перцептивные метафоры: *noci narkosou dech unaven se úží, úsměv jasmínů*, а также традиционные перцептивные метафоры *lehký šumot snů, bázlivý dech růží*. Приведенный отрывок демонстрирует «комбинирование смысловых впечатлений». Сравнение с поэтическим переводом, где доминирует звучание, это подтверждает.

Взаимообусловленность когнитивных процессов и перцептивных впечатлений наглядно представлена в стихотворении «Agonie touhy». Для репрезентации ментальной деятельности используются яркие образы, основанные на цветовых, обонятельных и тактильных ощущениях, вербализация осознания происходит посредством синестезии:

«Agonie touhy»

*Dnes **barev necítím dechu**, jenž etherný prýští*
*do duší, jak **vůně**, jíž dýchá tajemství sad;*
spí v nervech ruky mé tvarů vlnění příští
*a síla, jež tká jim z předených **paprsků šat**.*
*Сегодня **цветов не чувствую дыхания**, которое эфиром брызгает в души, как **запах,** которым дышит таинственный сад:*
Спит в нервах руки моей волнение
будущей формы и сила, которая плетет им
*из пряжи **лучей наряд.***

«Агония тоски»

***Не чувствую** больше*
*я **чистых красок дыханья**,*
*В душу не льются таинственные **ароматы** садов,*
В нервах руки скрыты
пока мечты очертанья
*И сила, прядущая **лучистое одеяние снов**.*

Перевод В. Каменской

Примеры синестетических сочетаний встречаются во многих стихотворениях О. Бржезины, в ряде случаев они являются средством смысловой суггестивной образности:

«Lítost»
Kdo nadýchal mrazem v má okna
a zamlžil ***čisté zpívání barev****?;*

«Жалость»
Кто дышал морозом в окна мои
и затуманил ***чистое пение цветов****?*

«Ranní modlitba»
...a zbytek dne ať ztrávím pohroužen,
němý*, ve věčnou* ***hudbu*** *tvých* ***světel***

«Утренняя молитва»
...и остаток дня пусть проведу углубленный, ***немой****, в вечной* ***музыке*** *твоих* ***светил****.*

«Скорбь»
Кто мне в окна морозом дохнул,
омрачив ***красок чистую песню****?*

Перевод М. Федоровой

«Утренняя молитва»
...и остаток дня провести,
немотствуя *и погружаясь*
в ***музыку лучей*** *Твоего* ***света****.*

Перевод О. Малевича

М. Кутанова отмечает, что примером типичного для поэта перцептивного образа может служить первый стих стихотворения «Zpívala». Это пролог, который вводит атмосферу конца, изменчивости, непостоянности человеческого земного странствия, меланхолии мгновения, но без трагического напева. За смысловым богатством поэтических образов, кроме своеобразного авторского стиля, можно увидеть и декоративность символистской и модернистской эстетики (Kuthanová 2007: 135).

«Zpívala»

Uhasly květy *šafránu a* ***hořce voní chlad,***
je večer, bratr večera, jenž do tváří
nám tehdy zavíval.
V té chvíli nejmilejší můj vycházel
do zahrad
a sladká slova nezapomenutelná
mi mluvíval.

«Так она пела»

Отцвел шафран – брат вечера
– и гордо угасал,
и терпко ***пахла горечью***
вечерняя ***прохлада****.*
И мне слова сладчайшие
любимый мой шептал,
и клятву незабвенную
хранит молчание сада.

Перевод О. Малевича

(Она) пела

Угасли цветы *шафрана и* ***горько пахнул холод,***
Наступил вечер, брат вечера, который в лицо нам тогда веял.
В тот момент любимый мой выходил в сад
И сладкие слова незабываемые мне говорил.

Если обратиться к творчеству К. Бальмонта (Бальмонт 2003), то необходимо, в первую очередь, отметить, что он является одним из известных практиков и теоретиков синкретизма в русской поэзии. Посредством перцептивных метафор поэт-символист стремится выразить в стихотворении чувство, которое владеет им в настоящий момент, описать различные сферы человеческого существования (эмоциональную, физическую, интеллектуальную). Синестетические сочетания в поэзии К. Бальмонта могут быть классифицированы в зависимости от того, какие межсенсорные ассоциации лежат в основе метафорического переноса, при этом преобладание зрительно-слуховых образов очевидно:

«На вершине»

И слышал я ***сагу седую****,*
Пропетую Гением гор,
Я видел Звезду Золотую,
С безмолвием вел разговор.

***

Твой ***смех*** *прозвучал,* ***серебристый,***
Нежней, чем ***серебряный звон****, –*
Нежнее, чем ландыш душистый,
Когда он в другого влюблен.

«Лесная лилия»

Безбольно мечтает и любит она
Над влагой глубокой ночного затона.
Безмолвно белеет*, и вот в полусне*
Ей видится неба простор бесконечный…

«Бледный воздух»
Звезды – вечные души.
Звезды свечи зажгли.
Вот все глуше и глуше
Темный ропот *земли!*

В поэтических текстах К. Бальмонта на основе конкретно-чувственного восприятия рождаются наглядность и метафоричность поэтических образов. Например, *Сквозь черную сетку стволов и*

ветвей / Редкое кружево листьев зеленых / Я вижу как серый поет соловей / И вижу я песню в чуть зримых уклонах. Языковые единицы с перцептивной семантикой выполняют смыслообразующую и текстообразующую функции. Например, в стихотворении «Я слышу» каждая строфа начинается с перцептивного глагола, определяющего «модус восприятия»:

*Я **слышу** гуд тяжелого шмеля,*
Медлительный полет пчелы,
несущей
Добычу, приготовленную пущей,
И веет ветер, травы шевеля.

*Я **вижу** урожайные поля,*
Чем дальше глянь, тем всходы
видишь гуще.
Идет прохожий, взор его
нелгущий,
Благой, как плодородная земля.

*Я **чую,** надо мною реют крылья.*
Как хорошо в родимой стороне!
Но вдруг душа срывается в бессилье.

*Я **слышу, вижу, чувствую** – во сне.*
И только брызг соленых изобилье
Чужое море мчит и плещет мне.

Исследователи отмечают некоторое типологическое сходство русских поэтов-символистов: Бальмонта, Белого, Вяч. Иванова, Балтрушайтиса с О. Бржезиной (Бржезина 2012: 462). Именно К. Бальмонт одним из первых в России перевел на русский язык стихотворения чешского символиста.

Критикуя перевод стихотворения «Братство верящих», О. Бржезина подчеркивал значимость перцептивной составляющей: «Нельзя ограничиваться словарем, ибо речь изменяется, волнуется как море, растет – словари устаревают. Есть поэты зрения и поэты слуха; Бальмонт предстает в этом переводе поэтом слуха, но для моих стихов этого недостаточно. Речь – это не только понятия, но и краски и летучие ароматы, мгновенная стыдливость, румянец, всего этого не найдешь в словарях» (Бржезина 2012: 486). Приведем отрывок из текста:

O. Březina «Bratrství věřících»	*К. Бальмонт «Братство верящих»*
*Na našich loukách ležela **vůně všech květů**, **sladěná v jeden složitý akord**, a **světla** našich duší, nalitá v jediný*	*На наших лугах – **всех цветов благовонья** лежали, Ладом в **единый слиявшись созвук**.*

plápol, oděla barvami neviditelné a hlasem *všech našich spojených vůlí nám v zázračné zahrady rozkvetly síly.*

На наших лугах лежало ***благоухание всех цветов, слаженных в один сложный аккорд,***
и ***свет*** *наших душ, слитый в единственное* ***пылание, одел цветом невидимое и голосом*** *всех наших соединенных волей в чудотворном саду расцвели силы.*

Душ наших ***светы, в пылание слившись единое,***
Красками рдели *невиданными,*
А ***голос*** *всех наших спаянных воль*
Расцветил нам в волшебных садах небывалые силы.

Ключевой идиостилевой характеристикой поэзии О. Бржезины является развернутая метафора. Его поэзию М. Погорский характеризует как «висячие сады метафор, экстазов и грез» (Pohorský 2004: 107–114). Так как перцептивные метафоры представляют собой необычайную трудность в процессе перевода, то сопоставительный анализ оригинальных текстов О. Бржезины и их поэтических переводов на русский язык, сделанных К. Бальмонтом (в контексте оригинального творчества русского поэта-символиста), является одним из способов выявления сходства и различия перцептивной картины мира двух поэтов.

Например, сопоставительный анализ оригинального текста стихотворения «Pohled Smrti» и перевода, выполненного К. Бальмонтом, показал практически полное («детальное») сходство четвертой строфы: *вечный простор холодов – věčných prostorů chlad*. В оригинальном тексте тактильное (осязательное) восприятие представлено глаголом *обнимать / укутывать (spínal)*; в переводе глагол отсутствует, но появляется предикативное словосочетание наброшен покров (ср. у Ф. Тютчева – *покров наброшен златотканый*).

O. Březina «Pohled Smrti»

4. Úzkosť nejistoty ***tuhla*** *jí v tvář*
a věčných prostorů ***chlad***
na zmučené údy ***spínal*** *jí, umdlené,*
kovový šat.

К. Бальмонт «Взгляд смерти»

В лицо ей ***сомненье дышало испугом*** *и* ***вечный простор холодов,***
Но ***кованый, крепкий*** *на* ***хрупкое*** *тело всегда был наброшен покров.*

Тревога сомнения застывала *на ее лице, и* ***вечных просторов холод*** *на измученных конечностях* ***укутывал*** *ее, ослабленную,* ***как металлическая одежда.***

5. V záhyby mizících tvarů ***mlhami ze zraků*** *tvých,*
jak z ***květu mystického stromu střásal se přívalem sníh****,*
В загибы исчезающих форм ***туманов из очей*** *твоих,*
Как из цветка мистического дерева ***сотресался наваленный снег****,*

В загибы теней, уходящих ***из мраков, из зрака****, где сказочный брег,*
*Как цвет непонятного древа****, порывно спадал и метелился снег.***

6. a ***houstl a temněl****, zář do sebe* ***vpíjel*** *a šlehal a vál,*
na ranách mé myšlenky jak v ***narudlých plamenech*** *tál.*
и ***густел, и темнел, сияние*** *в себя* ***впивал,*** *и хлестал, и веял, на ранах моей мысли как в* ***багряном пламени таял.***

Густел и темнел он, впивал *в себя зори и бился в проворных струях,*
А где в моих мыслях иссечены шрамы, он ***таял в багряных огнях****.*

В русском языке прилагательное *кованый* (*kovový*) имеет несколько значений, одно из которых мотивируется глаголом *ковать* («изготовленный посредством ковки»), другое связано с металлом / железом («обитый полосами железа»). Близкий по смыслу глагол *сковать* имеет переносное значение – «заморозив, сделать твердым (землю, грязь и т. д.) или покрыть льдом (реку, озеро и т. п.)». Можно предположить, что переводчик опирался, с одной стороны, на общую глагольную мотивацию и наличие соответствующих прилагательных в русском и чешском языках, с другой – на очевидную для носителей русского языка связь прилагательного *кованый* с приведенным выше метафорическим значением, обусловленным контекстом (*вечный простор холодов*). В чешском же языке такие ассоциации и семантические наращения отсутствуют.

В пятой строфе репрезентировано зрительное восприятие. В русском языке *зрак* – устаревшее слово, обозначает *взгляд / взор*, в чешском возможно использование в значении *глаза* и *взор*. При

этом лексема *zraky / зрение* (вместо *oči / глаза* или *pohled / взгляд*) также является поэтической, устаревшей. В последней строчке строфы в переводе К. Бальмонта явно просматриваются идиостилевые особенности его поэзии *порывно спадал и метелился снег* (ср. р у ч ь я т с я ж*урчанья* с в и р е л и *влюбленной*).

В шестой строфе отсылка к *взгляду* осуществляется посредством глагола *впивал / vpíjel* («вбирать в себя; впитывать»). *В оригинальном творчестве К. Бальмонта есть строки: И сладко плачу, и дышу – Луной. / Впиваю это бледное сиянье.*

В очерк К. Бальмонта кроме переводов стихотворений «Pohled Smrti» («Взгляд смерти») и «Bratrství věřících» («Братство верящих») вошли «Nálada» («Настроение»), «Zapomenutí» («Забвение»), «Jsem jako strom v květu…» («Я как дерево в цвету») и некоторые другие.

Например, сопоставительный анализ оригинального и переводного текста стихотворения «Nálada» свидетельствует о репрезентативности всех типов чувственного восприятия:

O. Březina «Nálada»	К. Бальмонт «Настроение»
Šum žárem umdlený na větve tíhou naleh' *a visel bez hnutí, co v tesknýchintervalech* *Шум, уставший от жары, на ветви тяжестью налег* *и висел без движения, как в тоскливых промежутках.*	На ветви тягой лег, смягченный зноем, шум, Недвижный, он висел, как зыбь тоскливых дум
…	
Květ slunce přezrálý do bílých žárů svadal, *v šer haluzí se třás' a modrým listím padal* *Цвет солнца, перезревший до белого жара, увядал,* *в сумерках ветвей трясся и голубой листвой падал.*	Цвет солнца, перезрев, до белизны дотлел И в голубой листве нашел себе предел,
…	
v tich apatických němé vysílení, ***v mechu se rozdoutnal, a lázní tajemného dechu mne mdlobou kolébal, jak pod vlnami krev z otevřených žil by tiše řinula mi.*** *в тишину бесстрастного немого обессиленья,* ***во мхе разгорелся, и в ароматном паре тайного дыхания***	И, в обессиленьи бесстрастия немого, Как пар, вдыхал я жар дыханья огневого.

меня обморок колыхал,
как будто волнами,
кровь из открытых вен тихо бы
лилась моя.

Не останавливаясь на анализе отдельных образов, обратим внимание на отсутствие в переводе Бальмонта последней строфы, в которой речь идет не просто о смерти, а о самоубийстве: *krev z otevřených žil*. Ощущения лирического героя, уходящего из жизни, в оригинале не окрашены в мрачные тона. Поэт рисует картину постепенного перехода из одного состояния в другое. Специфика языковой репрезентации создаваемого образа в чешском варианте вызывает приятные ощущения: *lázní tajemného dechu, kolébal, jak pod vlnami*. Уход из жизни воспринимается как переход в другой мир и начало нового «пути».

Д. Кшицова пишет: «С безошибочной поэтической интуицией он (Бальмонт. – *С.К., Л.К.*) умеет определить, какой элемент текста является основополагающим, главным, и именно его стремится передать с максимальной точностью. В остальном он переводит достаточно вольно. Например, он опускает два последних стиха в стихотворении Бржезины “Настроение”, ибо они не отвечают его собственному жизнеутверждающему мироощущению» (Kšicova 2001: 37–40).

В период творческого подъема для Бальмонта характерна оригинальная тема, выделяющая его в поэзии раннего символизма, – тема животворящего Солнца, мощи и красоты солнечных весенних стихий, к которым художник чувствует свою причастность: *Я в этот мир пришел, чтоб видеть солнце / И синий кругозор...* Несмотря на то что «солнечное восприятие мира» в творчестве поэта осложнено ощущением тоскливого одиночества души, идея самоубийства (как перехода в иной мир) для него является чуждой.

Таким образом, проведенный анализ стихотворений О. Бржезины и К. Бальмонта позволяет говорить о том, что перцептивность является одной из ключевых характеристик их поэтического творчества. Об идиостилевом статусе языковых средств выражения перцептивной семантики свидетельствуют следующие факты:

1. Наличие большого количества перцептивных метафор и синестетических сочетаний (в том числе и индивидуально-авторских) в оригинальном творчестве чешского и русского поэтов-символистов.

Усиление или ослабление перцептивной составляющей в процессе перевода, введение новых художественных образов (например, появление образа свечи в переводе стихотворения «Взгляд смерти», отсутствующего в оригинале).

2. Четко выраженная взаимосвязь между перцептивным и когнитивным компонентом семантики поэтического произведения (например, О. Бржезина «Взгляд смерти», «Агония тоски» и др., К. Бальмонт «Та, которою движутся звезды», «Прости!» и др.). Сопоставительный анализ подтверждает, что использование лексических единиц близких по семантике и звучанию в произведениях русского и чешского поэтов имеют различные оттенки значения, обусловленные культурно-исторической традицией (например, *кованный*).

4. Использование глагольной перцептивной лексики в творчестве О. Бржезины и К. Бальмонта свидетельствуют, с одной стороны, о «вписанности» в европейскую поэтическую традицию, с другой – о репрезентации индивидуально-авторских особенностях мировосприятия (например, *метелился* у Бальмонта, *žíravý / сжирающий, galvanismem / сильным воздействием* у Бржезины).

5. Наиболее яркие особенности вербализации перцептивной семантики представлены на синтаксическом уровне, что обусловлено существенными различиями в синтаксическом строе русского и чешского языков. Сопоставительный анализ оригинального и переводного текста свидетельствует о различных типах трансформаций: в первую очередь, это качественное изменение типа синтаксической конструкции (активная / пассивная), изменение синтаксических отношений в рамках словосочетания (например, управление / согласование), замена глагольных форм описательными оборотами. Синтаксические трансформации в ряде случаев ведут к преобразованию семантического пространства всего произведения.

6. Перцептивность как идиостилевая характеристика является одним из средств проявления авторской эстетической концепции. Для Бржезины Жизнь и Смерть представляют одно целое космической образности, реализованной посредством изображения вечного изменения, движения, возникновения и распада нового качества жизни. Для К. Бальмонта ключевым является процесс творчества, сиюминутное чувствование, «всеобъемлющее» восприятие мира, самовыражение.

7. Для символизма типично образование богатых метафорических образов, основанных на чувственном восприятии. Разновидность и богатство перцептивных ощущений, наличие мотивов света, звука, холода, сладости и др. характеризуют поэтическую картину мира символистов. О неотделимой внутренней связи символизма и перцептивности писал А.Н. Уайтхед. В книге «Символизм, его смысл и воздействие» (Whitehead 1985: 88) он задумывается над вопросом чувственного восприятия и вызванной им в реципиенте эстетической эмоции. Уайтхед приводит примеры эмоционального воздействия звуковых волн, которое символически переносится на звуковую перцепцию. Также восприятие цвета и светового спектра всегда вызывает у человека эмоциональный отклик. Все разновидности чувственного восприятия, его символическое выражение и эмоциональное воздействие представляют теоретическую основу эстетики искусства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Перевод с чешского языка (цитирование работ исследователей и подстрочник) Симоны Корычанковой.

2. Оригинальные стихотворения О. Бржезины цитируются по сборникам стихотворений (Březina 1895, Březina 1975), переводы К. Бальмонта, В. Каменской и О. Малевича по книге (Бржезина 2012).

ЛИТЕРАТУРА

Бальмонт 2003 - *Бальмонт К.* Избранное. М.: Эксмо, 2003. 640 с.

Бальмонт 2012 - *Бальмонт К.* Поэт кристаллический: Отокар Бржезина // Бржезина О. Строители храма: Собр. соч. СПб.: Изд-во Н.И. Новикова, 2012. С. 439–448.

Болотнова 2008 - *Болотнова Н.С.* Коммуникативная стилистика текста. Словарь тезаурус. Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. 384 с.

Бржезина 2012 - *Бржезина О.* Строители храма: Собр. соч. / Сост. О.А. Малевич ; Пер. с чеш. СПб.: Изд-во Н.И. Новикова, 2012. 504 с.

Březina 1975 - *Březina O.* Básnické spisy. Praha: Československý spisovatel, 1975. 244 s.

Březina 1895 - *Březina O.* Tajemné dálky. Praha: Moderní revue, 1895. 43 s.

Filipec 1969 - *Filipec J.* K jazyku a stylu Otokara Březiny, II // Naše řeč, ročník 52 číslo 1, 1969. S. 11–22.

Kšicová 2001 - *Kšicová D.* Z dějin rusko-českých literárních vztahů: K.D. Balmont. Duše Českých zemí v slovech a činech / Vydaní, překlad, studie, komentář Danuše Kšicová. Masarykova univerzita. Brno, 2001. 339 s.

Kuthanová 2007 - *Kuthanová, M.* Imaginace prostoru v Březinově poezii // Svět literatury, roč. XVII, č. 35. 2007. S. 126–138.

Pohorský 2004 - *Pohorský M.* Visuté zahrady metaphor, extází a snů // Březina O. Tajemné dálky. Blansko, 2004. S. 107–114.

Соловьёв 1994 - *Соловьёв В.С.* Чтения о Богочеловечестве. Статьи. Стихотворения и поэма. Из «Трех разговоров». СПб.: Худ. лит., 1994. 528 с.

Whitehead 1985 - *Whitehead A.N.* Symbolism, Its Meaning and Effect. Barbour-Page Lectures, University of Virginia 1927. N.Y.: Fordham University Press, 1985. 88 s.

REFERENCES

Balmont, K. (2003) *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow: Eksmo Publ.

Balmont, K. (2012) Poet kristallicheskiy: Otokar Brzhezina [The Crystal Poet: O. Březina]. In: Březina, O. *Stroiteli khrama* [The Builders of the Temple]. Translated from Czech. St. Peterburg: N.I. Novikov. pp. 439-448.

Bolotnova, N.S. (2008) *Kommunikativnaya stilistika teksta. Slovar tezaurus* [Communicative stylistics of text. Dictionary thesaurus]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.

Březina, O. (2012) *Stroiteli khrama* [The Builders of the Temple]. Translated from Czech. St. Peterburg: N.I. Novikov Publ.

Filipec, J. (1969) K jazyku a styju Otokara Březiny [On the language and style of O. Březina]. *Naše řeč*. 52-1. pp. 1-10.

Kšicová, D. (2001) *Z dějin rusko-českých literárních vztahů: K. D. Balmont. Duše Českých zemí v slovech a činech* [The history of Russian-Czech Literary Relations: K. D. Balmont. The soul of the Czech lands in words and deeds]. Brno: Masarykova univerzita.

Kuthanová, M. (2007) Imaginace prostoru v Březinově poezii [Imagination space in Březina's poetry]. *Svět literatury*. XVII(35) pp. 126-138.

Pohorský, M. (2004) Visuté zahrady metaphor, extází a snů [The metaphor of hanging Gardens, ecstasy and dreams]. In: Březina, O. *Tajemné dálky* [Misterious distance]. Blansko. pp. 107-114.

Solovyov, V.S. (1994) *Chteniya o Bogochelovechestve. Statyi. Stikhotvoreniya i poema. „Iz treh razgovorov"* [Reading about the God-mankind. Articles. Poetry and the poem. From three conversations]. St. Petersburg: Literatura.

Whitehead, A.N. (1985) *Symbolism, Its Meaning and Effect. Barbour-Page Lectures, University of Virginia 1927*. New York: Fordham University Press.

Корычанкова Симона – Ph.D. of Philology, Mgr., зав. кафедрой русского языка и литературы педагогического факультета Университета им. Масарика.

Korychankova Simona – Ph.D. of Philology, Mgr., Head of Department of Russian Language and Literature, Faculty of Education, Masaryk University.

E-mail: korycankova@ped.muni.cz

Крюкова Лариса Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета.

Kryukova Larisa – Ph.D. of Philology, Associate Professor of Department of Russian Language Philological Faculty, National Research Tomsk State University.

E-mail: lar-kryukova@yandex.ru

УДК 811.16
UDC
DOI: 10.17223/23451734/3/7

«ЛЮБОВЬ / MIŁOŚĆ» В МЕНТАЛИТЕТЕ ПОЛЯКОВ И РУССКИХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

М. Калита[1], Н.А. Мишанкина[2]

[1]Вроцлавский университет,
Польша, 50-137, г. Вроцлав, Университетская площадь, 1
E-mail: marcinkalita1@gmail.com
[2]Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30;
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: mna@tpu.ru, SPIN-код: 4113-2182

Авторское резюме

В статье рассматривается лингвокультурологическая специфика интерпретации понятия «любовь / miłość» в менталитете польского и русского народов. Проблема лингвокультурологической идентичности особенно значима при самоидентификации близкородственных народов. Понятие «любовь» традиционно рассматривается в качестве лингвокультурологической универсалии, безусловной аксиологической доминанты. Вместе с тем культурные традиции и языковые картины мира разных народов показывают, что интерпретация этой доминанты не идентична. Подобная ситуация сложилась с исследованием данного понятия в русском и польском языках – толковые словари дают практически тождественную трактовку. Вместе с тем культурные различия позволяют предположить вариативное понимание этого понятия. Психолингвистический эксперимент, направленный на выявление вариативной интерпретации понятия «любовь / miłość» в менталитете русских и поляков, позволил определить, что действительно вариативная интерпретация, обусловленная национальной спецификой, присутствует. Результаты эксперимента позволяют заключить, что интерпретация данного понятия различается по параметру «направленность на субъект – направленность на объект», «биологическое – социальное», «пассивность – активность».

Ключевые слова: лингвокультурологический подход, языковая картина мира, аксиологическая доминанта, понятие «любовь / miłość», психолингвистический эксперимент, русский язык, польский язык.

"LOVE / MIŁOŚĆ" IN THE MENTALITY OF POLES AND THE RUSSIANS (BASED ON THE PSYCHOLINGUISTIC EXPERIMENT)

M. Kalita[1], N.A. Mishankina[2]

[1]The University of Wrocław
1, University Square, Wroclaw, 50-137, Poland
E-mail: marcinkalita1@gmail.com
[2]National Research Tomsk Polytechnic University
30, Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia;
National Research Tomsk State University
36, Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: mna@tpu.ru
SPIN-code: 4113-2182

Abstract

The article deals with the linguoculturological specificity's interpretation of concept "love / miłość" in the mentality of the Poles and the Russians. The problem of linguoculturological identity is particular significant in the self-identification of closely-related peoples. The concept "love" is traditionally considered as linguoculturological universal, unconditional axiological dominant. At the same time cultural traditions and linguistic worldviews of various nations show that the interpretation of this dominant is not identical. Similar situation was created due to research of this concept in Russian and Polish languages (dictionaries make practically identical interpretation). At the same time cultural differences let us suggest variative understanding of this concept. Psycholinguistic experiment aimed at revelation of variative interpretation of concept "love / miłość" in the mentality of the Poles and the Russians, let us define that here are presented variative interpretation which is conditioned by national specificity. The results of the experiment let us conclude that interpretation of this concept differs in the parameter "focus on the subject – focus on the object", "biological – social", "inactivity – activity".

Keywords: linguoculturological approach, linguistic worldview, axiological dominant, concept "love / miłość", psycholinguistic experiment, Russian language, Polish language.

Исследование аксиологических культурных доминант – одно из ключевых направлений в современной лингвокультурологии. Этой актуальной проблематике посвящены работы крупных российских лингвистов (А.А. Зализняк, В.И. Карасик, И.Б. Левонтина, Д.С. Лихачёв, Ю.С. Степанов, А.Д. Шмелёв).

В качестве таких культурных доминант современными лингвистами рассматриваются концептуальные понятия «добро», «благо», «зло», «истина», «правда», «ложь», «душа», «дух», «тело», «судьба», «сердце», «счастье» – понятия, значимые для культуры в целом (Бурнос 2004, Бутакова 2012, Воропаева 2012, Воропаева 2014, Дзуганова 2008, Зализняк, Левонтина, Шмелёв 2005, Лагута, Лукашевич, Лукьянова 2006, Перевозникова 2002, Шевцова 2006 и др.). Одной из важнейших культурных доминант признается понятие / концепт «любовь», изучавшееся в рамках лингвосемантического (Вежбицкая 1996, Осокина 2011) и лингвокультурологического (Бабенко 1989, Балашова 2004, Иванова 2006, Каштанова 1997, Лингвокультурный концепт… 2007, Лобкова 2005, Романова 2009, Салимова 2014) подходов.

Одним из действенных инструментов в исследовании концептуальных структур признан метод психолингвистического эксперимента, позволяющий эксплицировать субъективные зоны семантики языковых структур (Долинский 2011, Колпакова 2009, Мягкова 2000, Уфимцева, Черкасова 2014), определить параметры ее динамики в языковом сознании (Баландина 2012). Особенно это справедливо в отношении исследования сложных культурологически значимых понятий.

Нужно отметить, что понятие «любовь», по мнению авторов монографии «Лингвокультурный концепт: типология и области бытования», «концентрирует в себе представления человека о смысле жизни» (Лингвокультурный концепт… 2007: 40) и с этой точки зрения представляет собой ключевую аксиологическую доминанту. Об этом же свидетельствует многоаспектность данного понятия – оно включает широкий спектр аспектов: биологический, эмоциональный, психологический, социальный, культурный, эстетический и др. Сложность этого феномена порождает его значитель-

ную культурологическую варьируемость. Поэтому особый интерес представляют сопоставительные исследования аксиологических доминант в разных языках (Богатырева 2011, Медведева, 2009, Шадрина 2014), так как результаты позволяют сформировать аксиологические профили различных культур на основе языковых данных. Исследование понятия / концепта «любовь» было осуществлено на материале американского варианта английского и русского языков (Балашова 2004), американского и кабардино-черкесского (Бориева 2014), немецкого и русского языков (Вильмс 2007), французского и грузинского языков (Какабадзе 1986), русского и китайского языков (Хафизова 2011).

Данная работа посвящена исследованию различий представления о любви (любовь / miłość) в языковой картине мира русских и польских респондентов. Решение проблемы идентичности понятия *любовь / miłość* в родственных славянских языках в работе предпринимается с использованием экспериментального метода. Исходным стимулом для проведения подобного исследования послужила парадоксальная ситуация, обусловленная следующим противоречием. С одной стороны, лингвокультурологический подход к изучению языка, сформированный в рамках теории картины мира, позволяет предположить, что, будучи этнически близкими, русская и польская культуры все же различаются, так как неидентичность языковых структур маркирует различие в концептуализации мира. С другой стороны, традиционные толковые словари, как правило, редко фиксируют такие различия. Например, дефиниция лексических единиц *любовь / miłość* в толковых словарях русского и польского языков показывает практически идентичную семантику:

«Любовь – чувство глубокой привязанности к кому-, чему-л. Чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола. Внутреннее стремление, влечение, склонность, тяготение к чему-л.» (Словарь русского языка… 1999);

«Miłość – Głebokie przywiązanie do kogo lub czego; gorące, namiętne uczucie do osoby płci odmiennej; umiłowanie, afekt» (Słownik języka polskiego 2006).

Данная ситуация позволяет предположить, что варьирование концептуальной структуры понятий в родственных языках (и, соответственно, близких культурах) происходит не в ядерной, а в периферийной части. Именно это предположение мы выдвинули в качестве гипотезы настоящего исследования.

Структура реализованного психолингвистического эксперимента была обусловлена задачей максимальной экспликации различий между представлениями о любви в русской и польской лингвокультуре. Эксперимент проводился в два этапа: на первом этапе был проведен свободный ассоциативный эксперимент, позволивший определить различия в прямых вербальных ассоциациях, связанных с лексемой *любовь / miłość*. На втором этапе был осуществлен эксперимент по экспликации субъективного содержания (А.А. Леонтьев) с целью вербализации латентных признаков исследуемого понятия. В качестве стимула на обоих этапах предъявлялась лексема *любовь / miłość* соответственно для русских и польских респондентов.

В эксперименте приняли участие 238 информантов: студенты Томского государственного университета, Томского политехнического университета (122); Вроцлавского университета (Польша) (116) в возрасте 19–26 лет. Выбор данной возрастной категории обусловлен тем, что люди этого возраста являются полностью сформированными языковыми личностями, владеющими ресурсами национального языка в полной мере. Кроме того, исследуемое понятие для данной социовозрастной группы обладает особой актуальностью, так как это возраст, в котором обычно происходит психологической созревание для формирования любовных и брачных отношений. Вместе с тем полагаем, что возрастное ограничение не оказало значительного влияния на результаты эксперимента, по мнению Ю.Н. Караулова, сформированная языковая способность и ее содержательный аспект, в частности аксиологическая иерархия, не подвержены в течение жизни значительной динамике (Караулов 1994: 192–193). Тем более это справедливо в отношении такой культурной доминанты, как «любовь».

В эксперименте не учитывалась гендерная принадлежность информантов, так как основной задачей было выявление национальной специфики. Несмотря на это, были отобраны приблизительно равные группы информантов разного пола: поляки – 56 мужчин, 60 женщин, русские – 59 мужчин, 63 женщины. В соответствии с указанной выше задачей мы попытались сформировать группы, в которых были представители различных специальностей: гуманитарные (юриспруденция, филология) и физико-технические (кибернетика, физика, механика) науки.

На первом этапе информантам был предъявлен следующий стимул:

С чем у Вас ассоциируется понятие «любовь»?

1) Напишите несколько слов (5), ассоциирующихся с данным понятием.

Z czym kojarzy się Państwu pojęcie «Miłość»?

Proszę wypisać kilka słów (conajmniej 5), które kojarzą się z «Miłością»

Описание результатов эксперимента.

Нами было получено 1 190 (580/610) реакций польских и русских респондентов. Результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1

Результаты ассоциативного эксперимента для русских и польских информантов

	Ответы русских информантов	Кол-во ответов	Ответы польских информантов	Кол-во ответов
1	Счастье	26	Szczęście (счастье)	22
2	Семья	22	Rodzina (семья)	19
3	**Дети**	16	Zaufanie (доверие)	15
4	Чувства	14	Cieplo (тепло)	14
5	**Верность**	13	**Bezpieczeństwo (безопасность)**	13
6	**Нежность**	13	Radość (радость)	13
7	Сердце	12	Uczucie (чувство)	11
8	**Отношения**	12	Serce (сердце)	10
9	Доверие	12	Seks (секс)	10
10	Тепло	11	Troska (забота)	10
11	Забота	10	**Oddanie (преданность)**	9
12	**Страсть**	8	**Przyjaźń (дружба)**	8
13	Радость	8	**Szczerość (искренность)**	8
14	**Уважение**	7	**Śmiech (смех)**	8
15	Секс	7	**Pertnerstwo (партнерство)**	8

Полученные результаты можно проинтерпретировать следующим образом. Несмотря на то что семантическое ядро понятия «любовь / miłość» идентично (наиболее частотные реакции *счастье, семья*), периферийная зона варьируется. Отметим, что верификация результатов, по данным «Русского ассоциативного словаря» (Русский ассоциативный словарь, РАС), обнаружила расхождение результатов, так как наиболее частотными в РАС стали прецедентные реакции (*до гроба, с первого взгляда, зла*), однако среди парадигматических ассоциаций самые частотные *счастье, чувство*. Сходные с нашими результаты были получены в эксперименте, представленном

в работе (Лингвокультурный концепт… 2007: 322), но только для русских информантов женского пола. При близком количестве информантов наиболее частотными реакциями были *счастье, чувство*.

Полученные в нашем эксперименте реакции свидетельствуют, что и для русских, и для польских респондентов понятие «любовь / miłość» связано с позитивным психоэмоциональным состоянием, желательным для большинства людей. Вторая реакция репрезентирует устойчивое в обеих культурах восприятие «любви» как понятия, связанного с особым типом социальной организации людей, при котором поддерживаются устойчивые социальные и эмоциональные отношения между мужчиной и женщиной, а также (возможно) их родителями, детьми и т.п. Учитывая возраст опрашиваемых, можно говорить о том, что в данном случае (по крайней мере у русских) «семья» может относиться как к действующей семье (к которой человек принадлежит), так и будущей (которую человек создаст).

В периферийной зоне ассоциаций в ходе нашего эксперимента было выявлено варьирование: если у русских респондентов близким к ядру является ассоциация «дети», то у поляков этот компонент не является частотным. Вероятно, это можно объяснить более традиционным социально-биологическим пониманием любви в русской культуре, однако ассоциация «секс» в ответах русских более низкая по частотности, нежели у поляков. Ассоциации русских опрашиваемых подчеркивают понимание «любви» в контексте социально-биологического развития. Любовь для русских респондентов связана не только с семейными (парными) отношениями, но и с производством потомства. Третий по популярности ответ у поляков – «доверие» – подчеркивает качество отношений в союзе, паре. Это говорит о понимании miłość как коммуникативного явления, отношений между двумя людьми.

В целом в аспекте варьирования можно говорить о более субъективно ориентированных реакциях русских респондентов: из реакций, связанных с партнерским пониманием любви, отмечается только «отношения». Этот параметр отличает реакции поляков, которая может быть обозначена как направленная на партнера (*дружба, партнерство*). Если в центре внимания носителя русского языка в любви находятся его собственные чувства и переживания, то для носителя польского языка главным является взаимодействие с партнером. Следует отметить ассоциации, которые достаточно часто были отмечены в качестве реакции у поляков, но практически не встреча-

лись у русских опрашиваемых. К этим реакциям относятся «смех», «дружба», «преданность» и «партнерство». В этом случае можно говорить о специфичном для поляков восприятии «любви». С одной стороны, понятие «любовь» включает и другие виды социальных и эмоциональных отношений (*дружба*), а также связано с позитивным психоэмоциональным состоянием, знаком которого является *смех*. С другой – для поляков прагматичное понимание отношений в паре подразумевает некие обязательства людей, вступающих в эти отношения (*партнерство*), и указание на личную отдачу самого себя (*преданность*) – с третьей.

На втором этапе информантам был предъявлен следующий стимул:

Z czym kojarzy się Państwu pojęcie «Miłość»?

1) Сочините одно или более предложений с данным понятием. Содержание и объем предложения произвольные.

2) Oraz proszę napisać jedno lub więcej zdanie z pojęciem «Miłość». Treść i długość zdania jest dowolna.

В результате проведения второго этапа эксперимента было получено 238 (122/116) реакций польских и русских респондентов в форме отдельных предложений.

Ответы были сгруппированы по типу организации высказывания (табл. 2):

• дефиниция:

– посредством имени существительного (при помощи указательного местоимения *это* и без него): *счастье, взаимность, сокровище, недуг, боль, яркое, светлое чувство, сложное явление, химия, безумие от угара, высшая способность человека; najwazniejsze uczucie, wartość*;

– посредством имени прилагательного или устойчивого оборота: *исключительная, бескорыстная, злая, настоящая любовь*;

– посредством сравнительного оборота: *важнее, прекраснее, чем…; любовь сильнее, чем смерть*;

• структура с активным субъектом: *любовь все побеждает*; *sprawiać (przyjemność); radzić sobie (z czymś); dawać (pewność, szczęście)*;

• структура с пассивным субъектом: *любовью нужно дорожить; Na «Miłość» trzeba czekać; na nią trzeba sobie zasłużyć; ją można szukać*.

Экспликация субъективного содержания понятия любовь / miłość показала, что можно говорить о существенном варьировании в периферийной части семантики.

Группировка результатов по типу организации высказывания позволила выявить: во-первых, семантические параметры исследу-

емого понятия посредством анализа предикатов, характеризующих его; во-вторых, восприятие данного понятия с точки зрения его «активности – пассивности».

Таблица 2

Результаты эксперимента по экспликации субъективного содержания, сгруппированные по типу организации высказывания

Организация высказывания	Ответы русских информантов	Ответы польских информантов
Дефиниция	42%	46%
Структура с активным субъектом	32%	23%
Структура с пассивным субъектом	24%	29%

На основании полученных результатов удалось получить следующие данные. Общим для информантов стала однообразность дефиниционных высказываний. Однако в речевом материале, представленном польскими информантами, многие определения имеют аналитический оттенок – часто встречаются лексемы с отвлеченным значением: najwazniejsze uczucie (самое главное чувство), wartość (ценность), słowo (слово), zapotrzebowanie (потребность), pojęcie (понятие), podstawa (основа), cudowna (прекрасная), cierpliwa (терпеливая), wieczna (вечная) и пр.

Поляки чаще, чем русские, характеризуют «любовь» как пассивный субъект, который они сами формируют и на него влияют: Na «Miłość» trzeba czekać («Любовь» нужно / можно ждать), na nią trzeba sobie zasłużyć (ее можно заслуживать / заслужить), ją można szukać, spotkać (искать, встретить), dawać (давать), o nią trzeba się troszczyć (за нею надо ухаживать). Структуры с активным субъектом в ответах польских информантов более редки.

Русские информанты при дефинировании характеризуют «любовь» зачастую метафорически: *счастье, взаимность, сокровище, яркое, светлое чувство, безумие от угара, недуг, боль, стоит ее ждать, с первого взгляда, злая*. В отличие от польских информантов, они чаще воспринимают «любовь» как силу, которой люди *покоряются*, кроме того, она *правит* миром и может *играть* с человеком. Ее мощь заключается в доброте и возможности *спасения*. Русские информанты склонны более пассивно относиться к «любви» в плане действий, чем польские. Русские *верят* в нее, *мечтают* о ней и ее

испытывают. При этом они не видят любовь как явление, которым можно управлять. Любовь как активный субъект в ответах русских респондентов имеет очевидно властный характер: *она делает (кого-то каким-то), объединяет, толкает (на что-то), заставляет, правит*. Можно отметить, что структуры с пассивным субъектом в ответах русских информантов также обладают спецификой. «Любовь» маркируется не как объект, на который направлено действие субъекта, а как объект, от которого зависит его состояние: *в любовь можно верить, о ней можно мечтать или покоряться, с ней можно смотреть, ее можно быть достойным, желать, хотеть, испытывать*.

Определение типа оценочности высказываний позволило выявить степень однозначности оценки исследуемого понятия в лингвокультуре. В табл. 3 представлены результаты этого анализа.

Таблица 3

Результаты эксперимента по экспликации субъективного содержания, сгруппированные по типу оценочности высказывания

Информанты	Положительная	Нейтральная	Отрицательная
Русские	76%	12%	12%
Польские	86%	12%	2%

Анализ оценочности высказываний позволил сделать заключение, что в понимании молодых поляков понятие «miłość» практически всегда характеризуется положительно. В ответах русских информантов чаще встречается негативная оценка, «любовь» интерпретируется как *недуг, боль*, характеризуется как *злая*, не соответствующая ожиданиям, так как *от любви можно не ждать* (*чего-либо*).

Итак, проведенное экспериментальное исследование позволило эксплицировать вариативность в интерпретации понятия «любовь / miłość» в менталитете русских и поляков. Несмотря на тождественность ядерной части понятия, в периферийной ее зоне можно отметить следующие различия.

Ответы русских информантов показывают, что «любовь» связана в их представлении с телесным, биологическим началом (*дети*), однако ассоциация «секс» в ответах русских менее частотна, что, вероятно, объясняется культурным табу на упоминание различного рода интимных действий. Вместе с тем частотность лексемы «верность» свидетельствует о понимании любви как ограничительных отношениях социального типа. Следует отметить субъективно ориентированные реакции русских респондентов: из реакций,

связанных с партнерским пониманием любви, отмечается только «отношения».

В характеризации исследуемого понятия русские значительно чаще прибегают к метафорическим определениям. В целом можно говорить о том, что отношение русских к любви не прагматично, они понимают «любовь» как стихийное, природное начало, которым трудно управлять. Отсюда их менее активная позиция в отношении любви, они в значительно большей степени маркируют собственные психоэмоциональные состояния, нежели действия. Вероятно, с этим связана и негативная оценка данного феномена, присутствующая в ответах русских информантов.

В ответах польских респондентов понятие «miłość» связано с чувствами (*доверие, тепло, безопасность, радость*) и коммуникацией в отношениях (*секс, дружба, партнерство*). «Miłość» характеризуется более аналитично, при дефинировании используется отвлеченная лексика. Польские информанты вербализируют более активную позицию по отношению к любви: относятся как к явлению, которое они сами отчасти формируют и на него влияют и поэтому могут ее *искать, находить* и считают, что за ней нужно *ухаживать* и *заботиться* о ней. Однако не исключается самодостаточность и стихийность этого явления: «любовь» действует самостоятельно, она может *требовать, причинять,* но в значительно меньшей степени, чем для русских респондентов. «Miłość» в понимании молодых поляков практически всегда характеризуется положительно.

ЛИТЕРАТУРА

Бабенко 1989 - *Бабенко Л.Г.* Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та. 1989. 184 с.

Баландина 2012 - *Баландина Е.С.* Динамика образов языкового сознания (на материале ассоциативного эксперимента) // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2012. Вып. 2. С. 97–102.

Балашова 2004 - *Балашова Е.Ю.* Концепты *любовь* и *ненависть* в русском и американском языковых сознаниях: автореф. дис… канд. филол. наук. Саратов, 2004. 25 с.

Богатырева 2011 - *Богатырева С.Н.* Этнокультурная специфика концепта *толерантность* в национальном сознании носителей испанского и русского языков // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 3 (028). С. 13–20.

Бориева 2014 - *Бориева Д.Р.* Ассоциативный потенциал бинарной оппозиции «любовь – предательство» в американской и кабардино-черкесской

лингвокультурах на современном этапе развития (свободный ассоциативный эксперимент) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (39): в 2 ч. Ч. I. С. 18–22.

Бурнос 2004 - *Бурнос И.В.* Русские концепты «душа», «дух», «ум» в сопоставлении с английскими «mind», «soul», «spirit»: на материале текстов художественной литературы XIX–XX веков: дис… канд. филол. наук. СПб., 2004. 190 с.

Бутакова 2012 - *Бутакова Л.О.* Значение слова как достояние индивида (на примере этически значимых лексем правда / ложь) // Вестник КемГУ. 2012. № 4 (52). С. 198–205. Т. 1.

Вежбицкая 1996 - *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / Пер. с англ., отв. ред. М.А. Кронгауз; вступ. ст. Е.В. Падучевой. М.: Русские словари, 1996. 416 с.

Вильмс 1997 - *Вильмс Л.Е.* Лингвокультурологическая специфика понятия «Любовь» (на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 1997. 21 с.

Воропаева 2012 - *Воропаева О.В.* Концепты «Душа» и «Дух» в русской фразеологии // Русский язык: история, диалекты, современность. М.: Изд-во МГОУ, 2012. Вып. XIII. С. 44–52.

Воропаева 2014 - *Воропаева О.В.* Лингвоконцепт «Душа» в русском языке: номинативный и ценностный аспекты исследования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2014. № 2. С. 42–47.

Дзуганова 2008 - *Дзуганова Л.М.* Языковая концептуализация души: на материале английского, русского и кабардино-черкесского языков: автореф. дис. … канд. филол. наук. Нальчик, 2008. 23 с.

Долинский 2011 - *Долинский В.А.* Экспериментальные исследования вербальных ассоциаций в квантитативной лингвистике // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2011. Вып. 14 (620). С. 26–36.

Зализняк, Левонтина, Шмелёв 2005 - *Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с. (Язык. Семиотика. Культура).

Иванова 2006 - *Иванова И.А.* Концепт *любовь* и его концептосфера в истории русского языка: автореф. дис… канд. филол. наук. М., 2006. 25 с.

Какабадзе 1986 - *Какабадзе Л.В.* Лексико-семантическое поле понятия «Любовь» в современном французском и грузинским языках: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1986. 21 с.

Караулов 1994 - *Караулов Ю.Н.* Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь. М., 1994. Кн. 1. 992 с.

Каштанова 1997 - *Каштанова Е.Е.* Лингвокультурологические основания русского концепта «любовь» (аспектный анализ): автореф. дис… канд. филол. наук. Екатеринбург, 1997. 23 с.

Колпакова 2009 - *Колпакова А.С.* Исследование субъективного концепта в обыденном языковом сознании // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2009. № 2. С. 51–53.

Лагута, Лукашевич, Лукьянова 2006 - *Лагута О.Н., Лукашевич Е.В., Лукьянова Н.А.* Концепт «успех» в русском языковом сознании // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2006. Т. 5, вып. 2. С. 47–61.

Лингвокультурный концепт 2007 - Лингвокультурный концепт: типология и области бытования / Под общ. ред. проф. С.Г. Воркачева. Волгоград: ВолГУ, 2007. 400 с.

Лобкова 2005 - *Лобкова Е.В.* Образ-концепт «любовь» в русской языковой картине мира: автореф. дис… канд. филол. наук. Омск, 2005. 19 с.

Медведева 2009 - *Медведева Т.С.* К вопросу о сопоставлении лингвокультурных концептов // Вестник Удмуртского университета. 2009. Вып. 1: История и филология. С. 120–132.

Мягкова 2000 - *Мягкова Е.Ю.* Проблемы и перспективы исследования эмоционального значения // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Диалог-МГУ, 2000. Вып. 11. С. 20–23.

Осокина 2011 - *Осокина С.А.* Тезаурусные связи слова *любовь* в словаре и тексте // Филология и человек . 2011. № 2. С. 84–95.

Перевозникова 2002 - *Перевозникова А.К.* Концепт «душа» в русской языковой картине мира: дис…канд. филол. наук. М., 2002. 184 с.

Романова 2009 - *Романова Т.В.* Содержание и экспликация традиционных национальных концептов в языке молодежи // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 1 (018). С. 43–52.

Русский ассоциативный словарь - Русский ассоциативный словарь. URL: http://www.tesaurus.ru/dict/dict.php.

Салимова 2014 - *Салимова Л.М.* О лингвокультурном концепте «любовь» в русской языковой картине мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (32): в 2 ч. Ч. II. С. 173–175.

Словарь русского языка 1999 - Словарь русского языка: В 4 т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

Уфимцева, Черкасова 2014 - *Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А.* Ассоциативная лексикография и исследования языкового сознания // Филология и культура. 2014. № 4 (38). С. 193–199.

Хафизова 2011 - *Хафизова О.И.* Концепты «любовь» и «работа» в языковой картине мира (на материале китайского и русского языков): автореф. дис… канд. филол. наук. Кемерово, 2011. 22 с.

Шадрина 2014 - *Шадрина А.А.* Экспериментальное изучение параметров значения слова в условиях учебного билингвизма (на примере лексем Чехия, чех, Россия, русский) // Омский научный вестник. 2014. № 2 (126). С. 122–125.

Швецова 2006 - *Швецова В.М.* Экспериментальное исследование содержания концепта «вера» (на примере словарных дефиниций) // Вопросы современной науки и практики. 2006. № 4 (6). С. 117–120.

Słownik języka polskiego 2006 - Słownik języka polskiego, PWN, Warszawa, 2006.

REFERENCES

Babenko, L.G. (1989) *Leksicheskie sredstva oboznacheniya emotsiy v russkom yazyke* [Lexical means of designations of emotions in the Russian language]. Sverdlovsk: Urals State University. universiteta.

Balandina, E.S. (2012) Dynamics of images of linguistic consciousness (based on epy the associative experiment). *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriya i filologiya – Bulletin of Udmurt University. History and Philology*. 2. pp. 97-102. (In Russian).

Balashova, E.Yu. (2004) *Kontsepty lyubov' i nenavist' v russkom i amerikanskom yazykovykh soznaniyakh* [Concepts of love and hate in the Russian and American linguistic consciousness]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saratov.

Bogatyreva, S.N. (2011) Etnokul'turnaya spetsifika kontsepta tolerantnost' v natsional'nom soznanii nositeley ispanskogo i russkogo yazykov [Ethnocultural specificity of the concept of tolerance in the national consciousness of native Spanish and Russian]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 3(028). pp. 13-20.

Borieva, D.R. (2014) Assotsiativnyy potentsial binarnoy oppozitsii "lyubov' – predatel'stvo" v amerikanskoy i kabardino-cherkesskoy lingvokul'turakh na sovremennom etape razvitiya (svobodnyy assotsiativnyy eksperiment) [The associative potential of the binary opposition "love – betrayal" in the American and Kabardino-Cherkessian linguistic cultures at the present stage of development (a free associative experiment)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 9 (39). Part 1. pp. 18-22.

Burnos, I.V. (2004) *Russkie kontsepty "dusha", "dukh", "um" v sopostavlenii s angliyskimi "mind", "soul", "spirit": na materiale tekstov khudozhestvennoy literatury XIX–XX vekov* [Russian concepts of "soul", "spirit", "mind" in comparison with the English "mind", "soul", "spirit": a case study of literature text of the 19th – 20th centuries]. Philology Cand. Diss. St. Ptersburg.

Butakova, L.O. (2012) Znachenie slova kak dostoyanie individa (na primere eticheski znachimykh leksem pravda / lozh') [The meaning of a word as an individual asset (a case study of ethically important lexical units truth / lie)]. *Bulletin of Kemerovo State University*. 4(52). Vol. 1. pp. 198-205.

Wierzbicka, A. (1996) *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Knowledge]. Translated from English by M.A. Krongauz. Moscow: Russkie slovari.

Vil'ms, L.E. (1997) *Lingvokul'turologicheskaya spetsifika ponyatiya "Lyubov'" (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov)* [Linguistic and cultural specificity of

the concept of "love" (in Russian and German languages)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Volgograd.

Voropaeva, O.V. (2012) Kontsepty "Dusha" i "Dukh" v russkoy frazeologii [Concepts of "Soul" and "Spirit" in Russian phraseology]. In: *Russkiy yazyk: istoriya, dialekty, sovremennost'* [The Russian language: History, dialects, modernity]. Issue 13. Moscow: Moscow State Regional University. yp. XIII. S. 44–52.

Voropaeva, O.V. (2014) The linguistic concept of "soul" in the Russian language: Nominative and axiological aspects of the research. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya "Russkaya filologiya" - Moscow State Regional University Magazine. Russian Philology*. 2. pp. 42-47. (In Russian).

Dzuganova, L.M. (2008) *Yazykovaya kontseptualizatsiya dushi: na materiale angliyskogo, russkogo i kabardino-cherkesskogo yazykov* [Language conceptualization of the soul: a case study of the English, Russian and Kabardian languages]. Abstract of Philology Cand. Diss. Nalchik.

Dolinskiy, V.A. (2011) Eksperimental'nye issledovaniya verbal'nykh assotsiatsiy v kvantitativnoy lingvistike [Experimental studies of verbal associations in quantitative linguistics]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 14(620). pp. 26-36.

Zaliznyak, A.A., Levontina, I.B. & Shmelev, A.D. (2005) *Klyuchevye idei russkoy yazykovoy kartiny mira* [The key ideas of the Russian language picture of the world]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

Ivanova, I.A. (2006) *Kontsept lyubov' i ego kontseptosfera v istorii russkogo yazyka* [The concept of love and its conceptual sphere in the Russian history]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

Kakabadze, L.V. (1986) *Leksiko-semanticheskoe pole ponyatiya "Lyubov'" v sovremennom frantsuzskom i gruzinskim yazykakh* [Lexical-semantic field of the concept of "love" in modern French and Georgian languages]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

Karaulov, Yu.N. (1994) Russkiy assotsiativnyy slovar' kak novyy lingvisticheskiy istochnik i instrument analiza yazykovoy sposobnosti [The Russian Associative Dictionary as a new source and tool of linguistic analysis and language ability]. In: Karaulov, Yu.N., Sorokin, Yu.A., Tarasov, E.F. et al. *Russkiy assotsiativnyy slovar'* [The Russian Associative Dictionary]. Moscow: Institute of Russian Language.

Kashtanova, E.E. (1997) *Lingvokul'turologicheskie osnovaniya russkogo kontsepta "lyubov'" (aspektnyy analiz)* [Linguocultural bases for the Russian concept of "love" (the aspect analysis)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Ekaterinburg.

Kolpakova, A.S. (2009) The study of subjective concept in common language consciousness. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika – Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*. 2. pp. 51-53. (In Russian).

Laguta, O.N., Lukashevich, E.V. & Luk'yanova, N.A. (2006) Kontsept "uspekh" v russkom yazykovom soznanii [The concept of "success" in the Russian language

consciousness]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya – Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History. Philology*. 5(2). pp. 47–61.

Vorkachev, S.G. (2007) *Lingvokul'turnyy kontsept: tipologiya i oblasti bytovaniya* [The linguocultural concept: typology and spheres of existence]. Volgograd: Volgograd State University.

Lobkova, E.V. (2005) *Obraz-kontsept "lyubov'" v russkoy yazykovoy kartine mira* [The image-concept "love" in the Russian language picture of the world]. Abstract of Philology Cand. Diss. Omsk.

Medvedeva, T.S. (2009) On the issue of comparing of culture-oriented concepts. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriya I Filologiya – Bulletin of Udmurt University*. History and Philology. 1. pp. 120-132. (In Russian).

Myagkova, E.Yu. (2000) Problemy i perspektivy issledovaniya emotsional'nogo znacheniya [Problems and prospects of the study of emotional meaning]. In: Krasnykh, V.V. & Izotov, A.I. (eds) *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language consciousness, communication]. Issue 11. Moscow: Dialog-MGU. pp. 20-23.

Osokina, S.A. (2011) Tezaurusnye svyazi slova lyubov' v slovare i tekste [Thesaurus links of the word love in dictionaries and texts]. *Filologiya i chelovek*. 2. pp. 84-95.

Perevoznikova, A.K. (2002) *Kontsept "dusha" v russkoy yazykovoy kartine mira* [The concept "soul" in the Russian language picture of the world]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

Romanova, T.V. (2009) Soderzhanie i eksplikatsiya traditsionnykh natsional'nykh kontseptov v yazyke molodezhi [The content and explication of traditional national concepts in the language of the youth]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 1(18). pp. 43-52.

Karaulov, Yu.N., Sorokin, Yu.A., Tarasov, E.F. et al. *Russkiy assotsiativnyy slovar'* [The Russian Associative Dictionary]. Moscow: Institute of Russian Language. [Online] Available from: http://www.tesaurus.ru/dict/dict.php.

Salimova, L.M. (2014) O lingvokul'turnom kontsepte "lyubov'" v russkoy yazykovoy kartine mira [On the linguacultural concept "love" in the Russian language picture of the world]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2(32). Part 2. pp. 173-175.

Evgen'eva, A.P. (ed.) (1999) *Slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [A Dictionary of the Russian Language. In 4 vols]. 4th ed. Moscow: Russkiy yazyk; Poligrafresursy.

Ufimtseva, N.V. & Cherkasova, G.A. (2014) Assotsiativnaya leksikografiya i issledovaniya yazykovogo soznaniya [Associative lexicography and the study of language consciousness]. *Filologiya i kul'tura – Philology and Culture*. 4(38). pp. 193-199.

Khafizova, O.I. (2011) *Kontsepty "lyubov'" i "rabota" v yazykovoy kartine mira (na materiale kitayskogo i russkogo yazykov)* [The concepts "love" and "work" in a language picture of the world (based on the Chinese and Russian languages)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kemerovo.

Shadrina, A.A. (2014) The experimental research of parameters of a word meaning on the bilingual basis (a case stidu of lexical units "Czech Republic", "Czech", "Russia", "Russian")]. *Omskiy nauchnyy vestnik*. 2(126). pp. 122-125. (In Russian).

Shvetsova, V.M. (2006) Experimental research into the concept "faith" (on the example of dictionary definitions). *Voprosy sovremennoy nauki i praktiki – Problems of Comntemporary Science and Practice*. 4(6). pp. 117-120. (In Russian).

Drabik, L. (2006) *Słownik języka polskiego* [The Dictionary of the Polish Language]. Warszawa: PWN.

Калита Марчин – аспирант Вроцлавского университета (Польша).
Kalita Marchin – graduate of the University of Wrocław (Poland).
E-mail: marcinkalita1@gmail.com

Мишанкина Наталья Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного Института международного образования и языковой коммуникации Национального исследовательского Томского политехнического университета, профессор кафедры гуманитарных проблем информатики философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета.

Mishankina Natalia – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian as a Foreign Language Institute of International Education and Language Communication National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk). Professor of the Department of Humanitarian Informatics Problems of Philosophy Faculty of the National Research Tomsk State University (Tomsk).

E-mail: mna@tpu.ru

УДК 81'27
UDC
DOI: 10.17223/23451734/3/8

О ДИНАМИКЕ ЯЗЫКОВЫХ СИТУАЦИЙ С УЧАСТИЕМ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ В XX в. (НА МАТЕРИАЛЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ И СЕВЕРО-ВОСТОКА КИТАЯ)

Е.А. Оглезнева
Томский политехнический университет,
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30;
Амурский государственный университет,
Россия, 675028, г. Благовещенск,
Игнатьевское шоссе, 21,
E-mail: eoglezneva@yandex.ru

Авторское резюме

Статья посвящена исследованию динамики языковых ситуаций с участием русского и других славянских языков в XX в. на территории Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая. Рассматриваются современная языковая ситуация в Дальневосточном регионе России; языковая ситуация в русских селах Китая на правом берегу реки Амур и языковая ситуация в центре русского восточного зарубежья городе Харбине. Анализ языковых ситуаций базируется на материалах, полученных во время научных экспедиций, и осуществляется по единым основаниям. Это позволяет выявить общее и различное в данных ситуациях и объяснить, почему одни и те же языки при их взаимодействии в конкретных исторических обстоятельствах дают разный результат этого взаимодействия. Так, русский язык в XX в. на территории Дальнего Востока России стал коммуникативно и демографически доминирующей языковой системой среди других славянских и неславянских языков. В то же время в г. Харбине (КНР) русский язык являлся коммуникативно доминирующей системой при невысокой демографической мощности, а в русских селах Китая оказался «побежден» другой, более мощной коммуникативно и демографически языковой системой.

Ключевые слова: социолингвистика, языковая ситуация, славянские языки, русский язык, коммуникативная мощность, демографическая мощность.

THE DYNAMICS OF LINGUISTIC SITUATIONS WITH THE PARTICIPATION OF SLAVIC LANGUAGES IN THE 20th CENTURY (A CASE STUDY OF THE RUSSIAN FAR EAST AND NORTHEASTERN CHINA)

E.A. Oglezneva

Tomsk Polytecnic University
30 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia;
Amur State University
21 Ignatjevskoje Avenue, Blagoveshchensk,
675028, Russia
E-mail: eoglezneva@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the research of the dynamics of linguistic situations with the participation of Russian and other Slavic languages in the XX century in the Russian Far East and northeastern China. The paper studies linguistic situations such as a modern linguistic situation in the Russian Far East Region, the linguistic situation in Russian villages of China on the right bank of the Amur River, and the linguistic situation in the center of Russian east foreign countries in Harbin. The analysis of linguistic situations is based on materials, obtained during scientific expeditions, and is made according to unified criteria. It allows revealing common and different characteristics of these situations and explaining why the same languages have different result of interaction between each other in particular historical circumstances. Thus, the Russian language of the XX century in the Russian Far East became the language system, communicatively and demographically dominated among the other Slavic and non-Slavic languages. At the same time, in Harbin (PRC) the Russian language was a communicatively dominated system with low demographic capacity level. In Russian villages of China the Russian language was "won" by more communicatively and demographically powerful language system.

Keywords: sociolinguistics, linguistic situation, Slavic languages, the Russian language, communicative capacity, demographic capacity.

Французский лингвист А. Мартине писал о том, что многие исследователи, в том числе и некоторые из корифеев, «считали изучение распространения языков вполне достойным занятием для себя» (Мартине 1972: 81). Добавим к этому, что и результаты этого распро-

странения могут быть самыми неожиданными. Если же собрать сведения о причинах распространения некоторого языка, то, как пишет А. Мартине, «скорей всего мы придем к выводу, что оно является побочным продуктом военной, политической, религиозной, культурной, экономической или просто демографической экспансии народа, чьим орудием общения и является данный язык. Язык одолевает своих соперников не в силу каких-то своих внутренних качеств, а потому, что носители его являются более воинственными, фанатичными, культурными, предприимчивыми» (Мартине 1972: 81).

Опыт наблюдения в течение последних 15–20 лет, начиная с 2000 г., над языковыми ситуациями с участием русского языка на территории Дальнего Востока России, прилегающей к Северо-Восточному Китаю, и на территории Северо-Восточного Китая подтверждает это общее высказывание А. Мартине, однако демонстрирует разный результат в отношении одного и того же языка – русского, который был в центре нашего исследовательского внимания.

Новизна и актуальность проведенного исследования заключаются в том, что оказались описанными несколько языковых ситуаций с участием русского языка, в том числе уникальных, сложившихся в условиях фронтирного существования (Оглезнева 2009: 44–63; Оглезнева 2011: 7–25; Блохинская 2014: 39–66; Гордеева 2014: 98–125), и результат такого описания позволяет представить сложное полотно славянского языкового присутствия на разных территориях, делать прогнозы, касающиеся судеб этого присутствия, и выстраивать языковую политику в соответствии с поставленными целями.

Под языковой ситуацией традиционно понимается «совокупность форм существования (а также стилей) одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определенных географических регионов или административно-политических образований» (Швейцер, Никольский 1978: 101; Виноградов 1990: 616). Крупные государства по причине своей полиэтничности и многоязычия могут представлять сразу несколько языковых ситуаций. По определению Н.Б. Мечковской, «отдельная языковая ситуация – это лингвогеографическое (ареальное) единство языков и подъязыков, которые действительно соседствуют в границах социума, соприкасаются и взаимодействуют между собой» (Мечковская 2001: 160). На этом основании вполне правомерно говорить сразу о нескольких языковых ситуациях, наблюдаемых на указанных территориях, как отдельных

языковых ситуациях. При этом объединяет их территориальная и хронологическая смежность.

Подходы к изучению языковых ситуаций в указанном регионе и методика их исследования были тождественны, это позволило определить их место в общей типологии.

Важным этапом в исследовании каждой конкретной языковой ситуации было ее непосредственное наблюдение в полевых условиях во время научных экспедиций в дальневосточные села, а также в так называемые русские села Китая, расположенные по правому берегу Амура, и в китайский город Харбин. Все обозначенные локусы характеризуются в разной степени выраженным многоязычием.

Следующим этапом было социолингвистическое описание языковой ситуации с учетом различных внешних факторов, повлиявших на ее формирование: исторических, политических, экономических и других, и с опорой на статистические данные, касающиеся количественных и качественных параметров состава населения той или иной территории. Результатом такого исследования становилось описание количественных и качественных характеристик языковой ситуации: определялись число идиомов данной конкретной языковой ситуации, их демографическая и коммуникативная мощность, лингвистический характер входящих в языковую ситуацию идиомов (одноязычная / многоязычная), структурно-генетические отношения между идиомами, функциональная равнозначность / неравнозначность идиомов, характер доминирующего в государственном масштабе идиома, а также учитывались оценочные характеристики языковой ситуации, связанные с оценкой идиомов «с точки зрения коммуникативной пригодности, эстетичности, культурной престижности» (Виноградов 1990: 616).

Далее осуществлялось собственно лингвистическое изучение языковой ситуации. Основным методом на этом этапе выступал метод речевого портретирования членов многоязычных языковых коллективов. На основании созданных речевых портретов можно было составить представление о языковой компетенции членов социума, находящихся в многоязычной языковой ситуации, и, что самое важное, по динамике языковой компетенции носителей многоязычных социумов, по конкурентоспособности обусловленных языковым взаимовлиянием вариантов в их речи судить о векторах языкового изменения в целом.

Языковая ситуация как совокупность идиомов не является неким статичным образованием. Способность изменяться во времени является неотъемлемым свойством, пожалуй, любой языковой ситуации. В связи с этим возникает вопрос о том, что выступает двигающей силой данного изменения, что запускает эти динамические процессы в тот или иной момент времени.

Интересную картину в этом плане демонстрируют рассмотренные нами языковые ситуации. На указанных территориях в число идиомов, составляющих там языковую ситуацию, входили славянские языки, среди которых преобладали восточнославянские – русский, украинский, белорусский, а среди восточнославянских доминирующую позицию занимал русский язык.

Необходимо указать на то, что формирование языковых ситуаций с участием славянских языков на Дальнем Востоке России и Северо-Востоке Китая происходило на исторически неславянской территории.

Анализ собственно лингвистических и экстралингвистических факторов, формирующих языковые ситуации на указанных территориях, позволил выявить те из них, которые и задали вектор их динамического развития.

Остановимся более подробно на исследованных нами языковых ситуациях, делая акцент на их славянской составляющей и ее динамике.

Языковая ситуация на российском Дальнем Востоке в XX в.

До славянского присутствия в регионе языковая ситуация на российском Дальнем Востоке была представлена языками аборигенных народов Дальнего Востока и народов Китая. Переселение восточных славян началось во второй половине XIX в., и их языки и диалекты качественно изменили языковую ситуацию. Особо необходимо отметить переселенческий процесс из Украины, который, наряду с переселением русских из европейской части России и Сибири, носил масштабный характер. По данным переписи разных лет, украинцы составляли вторую по численности после русских славянскую этническую группу на Дальнем Востоке и, в частности, в Приамурье. Так, в 1886 г. 46,5 % всех переселенцев в Амурскую область составляли украинцы, в 1890 – 59,6 % (Блохинская 2014: 44). В результате столь

активного украинского заселения края возникло понятие о такой дальневосточной территории, как Зеленый Клин, называющей место проживания украинцев на дальневосточной земле.

Многонациональность, «этнографическая помесь» всегда являлась яркой чертой края, создавала его своеобразный колорит. Такая полиэтничность в Дальневосточном регионе сопровождалась функционированием различных языков и языковых форм: восточнославянских диалектов, в том числе довольно консервативных говоров русских старообрядцев, русского просторечия, языков местного автохтонного населения и других народов восточной Азии – китайцев, корейцев, японцев; кроме того, существовали и контактные, редуцированные языковые образования для коммуникации русских с китайцами и представителями «инородческого», автохтонного населения края, а именно русско-китайский пиджин.

Из всех славянских языков лишь русский на Дальнем Востоке функционировал и в литературной форме, которая обслуживала различные общественно-значимые сферы. Позиция русского языка, начиная с середины XIX в., безусловно укреплялась его высоким статусом: для региона, который с 1858 г. вошел в состав России, по своим выполняемым функциям это был язык государственный, являясь символом России как государства, официальный, т. е. язык государственного управления, законодательства, судопроизводства, и титульный – имеющий название, совпадающее с именем этноса, по которому названо национально-государственное образование (Вахтин, Головко 2004: 42).

Украинский и белорусский языки функционировали в диалектной форме по причине численного преобладания носителей этой формы – крестьян-переселенцев из Украины и Белоруссии.

В случае с белорусским языком преобладание диалектной формы было абсолютным. Несколько иная ситуация с украинским языком. Известно о функционировании литературной формы украинского языка в Дальневосточном регионе в начале XX в., но ее широкого распространения не произошло.

С течением времени славянский облик региона существенно изменился. В табл. 1 отражена динамика славянской составляющей, сопоставлено ее качество в конце XIX и в конце XX в. через указание на состав функционирующих идиомов, показано возрастание роли русского языка при угасании функций других славянских языков, бытовавших в регионе.

Изначально позиция русского языка в регионе была сильнее, во-первых, вследствие численного превосходства его носителей и, во-вторых, вследствие его статуса. В конце XX в. литературная форма русского языка являлась доминирующей в социальной коммуникации и обладала безусловным общественным престижем.

Таблица 1

Динамика славянской составляющей в языковой ситуации российского Дальнего Востока

Восточнославянские языки, функционирующие в регионе	**Конец XIX в.: функционирование языковых форм в порядке убывания их значимости**	**Конец XX в.: функционирование языковых форм в порядке убывания их значимости**
Русский язык (с преобладающим численно составом носителей)	Диалект / ЛЯ (в функции государственного) / Просторечие	ЛЯ / Диалект / Просторечие
Украинский язык (со значительным, но не преобладающим составом носителей)	Диалект / ЛЯ (без функции государственного)	Диалект (реликты)
Белорусский язык (с незначительным составом носителей по сравнению с русским и украинским)	Диалект	Не обнаружено

Русские говоры в Дальневосточном регионе к концу XX в. в значительной мере нивелировались под влиянием русского литературного языка: все меньше остается в современных селах представителей диалектного типа речи, все больше – представителей смешанного и литературного типов. Кроме того, русские говоры в Приамурье испытали влияние инодиалектных, украинских и белорусских говоров на разных уровнях своей системы, в первую очередь, на лексическом, что составляет специфику русских говоров в регионе.

Позиция украинского языка в сравнении с русским оказалась слабее. Численность украинского населения всегда была ниже численности русского населения в регионе, следовательно, меньшим было число носителей этого языка. Литературная форма украинского языка не имела тех благоприятных условий для своего продвижения, поскольку социальный статус украинского языка не был столь высоким, как у русского: он не был ни государственным, ни официальным, ни титульным.

Отсутствие планомерной государственной политики уже советской власти по поддержанию украинской этнической группы как отдельной, «самостийной» на Дальнем Востоке, а вместе с этим и украинского языка как рупора этого славянского этноса в печати, образовании и других областях жизнедеятельности на украинском языке, способствовало ее постепенному растворению в славянском населении Дальнего Востока и в конце концов приводило к русификации. Поддержанию украинской ноты в диалектном многообразии российского Дальнего Востока, в частности Приамурья, в XX в. способствовали новые волны переселенцев из Украины.

Белорусский язык, наиболее слабо представленный в регионе по сравнению с другими восточнославянскими языками по числу носителей и бытовавший только в диалектной форме, к концу XX в. практически не обнаруживает себя. Причины видятся в отсутствии социальной статусности и коммуникативной мощности: он, так же, как и украинский язык, не выполнял функции государственного, официального, титульного; однако в отличие от украинского, у которого был опыт представления в регионе не только в диалектной, но и в литературной форме, белорусский язык таким опытом не обладал.

Потомки белорусских переселенцев, с которыми довелось беседовать в селах Амурской области, говорят на русском диалекте, но в их речи присутствует как белорусское, так и малоросское – украинское – влияние, проявляющееся в присутствии белорусской и украинской лексики. Таким образом, и здесь налицо междиалектное взаимодействие, но с другим, более ассимилятивным результатом: наблюдается переход на иную – русскую – диалектную систему с сохранением элементов материнского говора.

Таким образом, можно сделать вывод о постепенной утрате украинского и белорусского языков его носителями и абсолютном доминировании русского языка во всем многообразии его форм. Такому положению дел способствовала национальная и языковая политика Советского государства. Так, в 1930-е гг. русификация языков в СССР являлась всеобщей тенденцией, которая усилилась в послевоенное время, когда «СССР взял курс на упрочение языка нации, победившей в Великой Отечественной войне» – русского языка (Коряков 2002: 36, 39). «В 1950–60 годах был популярен лозунг о неизбежном слиянии наций в ходе строительства коммунизма: все это привело к снижению внимания к развитию всех остальных языков, кроме русского», – отмечал Ю.Б. Коряков (Коряков 2002: 39).

Анализ языковой ситуации на Дальнем Востоке на протяжении как минимум последних двух столетий дает полное основание утверждать ее многообразие, проявляющееся в функционировании на исследуемой территории в указанный период множества языков и языковых форм, различных по своему происхождению, типологическим свойствам, коммуникативной и демографической мощности, статусу. Исторические обстоятельства влияли на качество языковой ситуации в регионе и обусловливали ее динамику. Тот результат, который мы наблюдаем в настоящий момент, есть результат воздействия как объективных, так и субъективных факторов, которые в совокупности показывают конкретную и по-своему уникальную языковую ситуацию и в то же время – эволюционную закономерность, позволяющую строить языковые прогнозы в иных пространственно-временных координатах.

Языковая ситуация в русских селах Китая в XX в.

Совсем иная картина наблюдается на противоположном берегу Амура – в так называемых русских селах Китая, где проживают потомки русских переселенцев, охраняемые с недавнего времени законами КНР как национальное меньшинство. Это, например, села Бяньцзян, Хунцзянь, Чэлу, Вэйдун, Сядаогань, Шандаогань уезда Сюнькэ, село Хадаянь уезда Суньу городского округа Хэйхэ провинции Хэйлунцзян. Так, по имеющимся современным данным, в селе Бяньцзян в настоящее время насчитывается 311 семей, в 146 из которых есть потомки русских переселенцев. Всего в селе проживает 1 087 человек, из них 364 (44,1 % от общего числа) имеют русские корни. В селе Чэлу – 456 семей, всего 1 983 человека. Из них в 61 семье проживают 268 человек русского происхождения (14 % от общего числа). В Хадаяне в настоящее время проживает более 300 семей, в 50 из которых есть потомки русских, приблизительно 200 человек. Согласно данным Хэйхэйского управления по делам национальностей в 2000 г. общее число жителей городского округа Хэйхэ, имеющих русские корни, составляло 2 521 человек (Гордеева 2014: 102).

Русские переселенцы появились на правом берегу Амура в 30–40-е гг. XX в., эмигрируя из России из-за тяжелых условий жизни, из боязни не выжить в Великую Отечественную войну на родине. Но, спасшись физически, они, в большинстве своем, не сохранили

свой этнос: их потомки уже в первом поколении начали утрачивать материнский язык – русский: на нем переставали говорить, приспосабливаясь к условиям новой языковой среды.

Немаловажно то, что по социальному статусу это были крестьяне, а следовательно – носители диалекта, который как непрестижный бесписьменный вариант языка оказывается идиомом, менее устойчивым перед интерферирующим влиянием другого языка в ситуации языкового контакта.

По национальному составу это были преимущественно русские, встречались и представители других славянских народов, например украинцы, о чем свидетельствуют сохранившиеся документы – анкеты эмигрантов, в которых они сами указывали свою национальность (Гордеева 2014: 103).

Главными компонентами языковой ситуации на указанной территории являются идиомы двух языков: русского китайского. В этой ситуации русский язык оказался «не победителем, а побежденным». В приграничном с Россией Китае в середине и конце XX в., в селах, расположенных по правому берегу Амура, где проживали русские переселенцы и их потомки, абсолютной демографической и коммуникативной мощностью обладал китайский язык.

Те, кто в начале XXI в. еще сохранял русский язык (а это поколение детей переселенцев) говорили на нем несвободно. В их языковой компетенции китайский язык был первым и доминирующим. Поколение внуков уже не говорит на языке своей исторической родины, в лучшем случае знают некоторые русские слова и фразы. Поколение правнуков также говорит только по-китайски, но среди них есть такие, у которых проявляется тенденция к изучению русского языка в школе и университете с целью использовать его в будущей профессиональной деятельности, и это подкрепляется их желанием ощущать причастность к своим русским корням.

Среди объективных факторов утраты русского языка на правобережье Амура в Китае в среде русских переселенцев необходимо назвать отсутствие социальных институтов на русском языке – школы, печати, производства и т.д., а также отсутствие церкви как мощного консервативного фактора, сдерживающего утрату родного языка.

Кроме того, необходимо отметить и субъективный фактор, способствовавший утрате родного языка: у рассматриваемой группы русских и их потомков в данной языковой ситуации отсутствовала сознательная установка на сохранение родного языка, не было

ощущения временности пребывания на чужой территории – в Китай уходили навсегда. В большинстве своем это были женщины, бывшие замужем за китайцем, или женщины с детьми, которых, как им казалось, легче будет вырастить в Китае. Отсутствие выраженного мотива сохранить себя как этническую группу в иноязыковой и инокультурной среде, стремление погрузиться в нее приводят к скорейшему уходу от родного языка, родного этноса и его культуры.

Разрушительным для русского языка фактором в рассматриваемой языковой ситуации стало такое историческое событие в Китае 60-х гг. прошлого века, как культурная революция, которая нивелировала национальное самосознание и языковую принадлежность русских. На этом фоне ассимилятивные тенденции усиливались, родной язык уходил из повседневного обихода и забывался.

К числу разрушительных для русского языка в приграничном Китае факторов можно отнести и смешанные браки с представителями китайской национальности. В этом случае языком домашнего общения становился, как правило, китайский, совпадавший с языком повседневной общественной коммуникации и поддерживаемый ею.

Таким образом, нескольких десятков лет (в человеческом измерении – всего двух поколений) оказывалось достаточно, чтобы язык был забыт, и в данной языковой ситуации ее славянской составляющей был предопределен печальный исход – утрата.

Языковая ситуация в Харбине (Китай) XX в.

Языковую ситуацию в городе Харбине, находившемся на территории Китая и бывшем в XX в. центром русского восточного зарубежья, можно считать уникальной. Этот город был основан в 1898 г. в связи со строительством Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) – российско-китайского проекта на территории Китая, предполагающего совместное пользование дорогой в течение ближайших 100 лет. Харбин был построен российскими инженерами и архитекторами по образу и подобию городов России. Как центр русской восточной эмиграции он просуществовал до начала 60-х гг. XX в., до последнего массового исхода русских оттуда.

Особой чертой Харбина являлось то, что изначально это был многонациональный и многоязычный город. Так, архивные данные за 1910 г. свидетельствуют, что европейское население в Харбине в этот период составляло 32 320 человек, из них 31 269 были

русскоподданными (русские, украинцы, белорусы, армяне, грузины, евреи и др.), евреи – 452, германскоподданные (в том числе немцы) – 166, греки – 92, англичане – 83, французы – 60, поляки – 53, турки – 40, чехи – 33, австрийцы – 21, меньше 20 человек составляли итальянцы, грузины, испанцы, болгары, американцы, шведы и швейцарцы (Василенко 1998: 63). Бурный рост Харбина привел к тому, что уже к 1917 г. число его жителей превысило 100 тыс. человек, из них русских было свыше 40 тыс. (Аблова 2004: 66). К 20-м гг. XX в. еврейская этническая группа в Китае составляла 7 тыс. человек, украинская, по разным данным, – от 2 до 20 тыс., польская – 2,5–5 тыс. (Аблажей 2007: 44). Большая часть представителей разных этносов была сосредоточена в Харбине. Таким образом, в Харбине сложился своеобразный многонациональный конгломерат.

Средством общения внутри этнических групп в Харбине оставался родной язык, который, являясь существенным признаком этноса, позволял этнической группе самоидентифицироваться. Необычным фактом является то, что в Харбине можно было жить, не зная языка страны проживания – китайского, пользуясь только родным языком.

Полагаем, что языки многочисленных национальных групп в Харбине, сосуществуя и выступая в качестве средства общения внутри групп, не претерпели и не могли претерпеть за столь короткий срок – несколько десятилетий – каких-либо существенных изменений своей системы. Более того, языки вторичных этнических групп, функционируя вне метрополии, испытали консервацию вследствие своего изолированного существования. Об этом свидетельствуют, например, наблюдения над языком последних представителей русской диаспоры в Харбине, всю жизнь проведших в китаеязычном окружении (Оглезнева 2009: 178–193; 213–214; 268–269), а также наблюдения над языком харбинской и постхарбинской русской периодики и литературы мемуарного характера (Оглезнева 2009: 126–131).

В фокусе нашего внимания находятся языки двух самых больших по количественной представленности в Харбине и по всей линии КВЖД этнических групп – китайцев и русских.

Китайский язык – официальный язык Китая и язык значительной части местного населения в Харбине и его окрестностях в первой половине XX в. Китайская этническая общность в рассматриваемых условиях доминировала в силу своего количественного превосходства и исторически сложившейся государственной закрепленности на

данной территории. Однако китайский язык как язык доминирующего этноса не оказывал значительного влияния на другие языки, сосуществующие с ним по воле исторического случая, и не подавлял их.

Укажем на функции русского и китайского языков в Харбине и по линии КВЖД как языков больших этнических групп, одна из которых характеризуется пребыванием на своей исконной территорий, другая же – «пришлая».

Титульным языком на всей территории Китая являлся и является китайский язык. Он выполнял функции государственного и официального языка в этой стране. Русский же по своим функциям – не титульный и не государственный, но являлся официальным в Китае (в Харбине и по линии КВЖД) в первой половине и середине XX в., пока там существовал ряд общественных институтов на русском языке в местах компактного проживания русских. К числу этих институтов следует отнести образование, печать, производство и некоторые другие, в которых официальная и неофициальная коммуникация осуществлялась на русском языке (Оглезнева 2009: 25–36).

Парадоксальность харбинской языковой ситуации в Харбине заключается и в том, что при бóльшей демографической мощности китайского языка была выше коммуникативная мощность русского языка на территории чужого государства. Табл. 2 демонстрирует демографическую мощность разных языков в этом городе в 10–20-е гг. XX в. (Оглезнева 2009: 50–53). Русский язык имеет показатель от 0,297 до 0,456, а китайский – от 0,483 до 0,681 в разные годы, но он всегда выше.

Коммуникативная мощность языка определялась по количеству сфер его использования. Русский язык в Харбине по сравнению с другими языками в 20-е гг. XX в. обладал наибольшей коммуникативной мощностью, равной единице. При этом коммуникативная мощность китайского языка в этот же период имеет показатель 0,73 (Оглезнева 2009: 55). Данные по другим языкам в Харбине, в том числе по славянским, которые также были представлены в этом городе и имели реализацию в различных коммуникативных сферах, представлены в табл. 3.

Размышляя над причинами сохранности русского языка в Харбине и по линии КВЖД в начале и середине прошлого века, отметим следующее.

Во-первых, там присутствовала русская языковая среда, близкая к естественной, поскольку русскую восточную эмиграцию составляли

люди разных социальных слоев и сословий, репрезентирующих в своей речи разные варианты национального языка.

Во-вторых, это широта сфер применения русского языка в восточном зарубежье, выполнение функций официального языка и обслуживание им таких важных общественных институтов, как религия, образование, печать.

В-третьих, это его высокий престиж у местного китайского населения, стремившегося говорить по-русски и получать образование на русском языке.

В-четвертых, это наличие речевого эталона в восточном зарубежье и общественная языковая политика, направленная на его сохранение.

Таблица 2

Демографическая мощность языков, функционировавших в Харбине в 10–20-х гг. XX в.

Год	Русский	Китайский	Японский	Английский	Немецкий	Французский	Корейский	Другие	Общий показатель
1914	0,38	0,5	0,007	0,0004	0	0	0,0007	0,104	0,9921
1920	0, 456	0,525	0,013	0,0008	0,0002	0,0002	0,003	0,0006	0,9988
1922	0,4	0,483	0,01	0,0008	0,0003	0,0002	0,002	0,095	0,9913
1925	0,297	0,681	0,01	0,0008	0,0005	0,0004	0,003	0,006	0,9987

Таблица 3

Коммуникативная мощность языков, функционировавших в Харбине в 20-х гг. XX в.

Язык	Производство	Торговля	Юриспруденция	Дипломатия	Журналистика	Образование	Наука	Религия	Театр	Спорт	Быт	Коммун. мощность
Русский	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	1
Китайский	+	+	+	+	+	+	–	+	–	–	+	0,73
Польский	–	–	–	+	+	+	–	+	–	–	+	0,45
Украинский	–	–	–	–	+	+	–	+	+	–	+	0,45
Белорусский	–	–	–	–	–	–	–	+	–	–	+	0,18
Французский	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–	+	0,18
Корейский	–	–	–	–	–	–	–	+	–	–	+	0,18
Церковно-славянский	–	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–	0,09

Наконец, в-пятых, это высокий статус русского языка в восточном зарубежье как языка русской национальной культуры, как средства этнического объединения русских.

Итак, анализ нескольких языковых ситуаций на Дальнем Востоке России и Северо-Востоке Китая с участием славянских языков демонстрирует, как может показаться на первый взгляд, их эклектичность, неорганичность хотя бы по причине того, что в них взаимодействуют идиомы, порой чрезвычайно различные в плане языковой типологии (китайский и русский языки, например). При внимательном рассмотрении этих ситуаций мы обнаруживаем в них общее русло развития, в значительной мере обусловленное социальным фактором, и вынуждены признать, что типологическое различие языков несущественно влияет на конечное качество сформированной на какой-то определенный момент языковой ситуации.

Славянский сюжет на территории Дальнего Востока с участием русского, украинского и белорусского языков заканчивается «победой русского языка», его доминированием во всех коммуникативно значимых сферах и нивелировке украинского и белорусского языков, а именно их диалектных форм, в которых эти языки функционировали на дальневосточной территории с конца XIX в. Абсолютное доминирование русского языка в начале XXI в. при полном исчезновении белорусского и сохранении реликтов украинского в речи отдельных личностей можно объяснить влиянием доминирующей во всех коммуникативных сферах литературной формы русского языка – языка титульного и государственного.

Славянский сюжет в китайском приграничье заканчивается практически полным поражением русского языка, поскольку он забыт уже во втором поколении большинством этнических русских, переселившихся в Китай в середине XX в., и сохраняется лишь в речи отдельных личностей в интерферированном виде. Причина утраты русского языка его носителями и ослабления его положения среди языков, которые участвовали в формировании языковой ситуации в приграничном Китае, в том, что доминирующим на данной территории вследствие выполнения функций титульного и государственного языка был китайский язык, и это привело к неактуальности общения на русском языке.

Нетипичным является развитие славянского сюжета в русском Харбине в начале и середине XX в. Языковую ситуацию там можно определить как феноменальную по той причине, что русский язык в

Харбине и на прилегающей к нему линии КВЖД, т. е. на территории чужого государства, обладал высокой коммуникативной мощностью, превышая коммуникативную мощность китайского языка – языка более мощного демографически, языка титульного и государственного. Русский язык там продемонстрировал высокую степень сохранности и жизнеспособности, обусловленную как поддержкой различных социальных институтов, функционирующих на языке, так и влиянием субъективных факторов как-то: высокий статус, престиж языка как языка более цивилизованного языкового коллектива, а также стремлением носителей русского языка к сознательному его сохранению как символа национальной идентичности.

Проведенное исследование вносит свою лепту в типологию языковых ситуаций вообще и типологию языковых ситуаций с участием славянских языков в частности, которые характеризуются разнообразием и своей спецификой в зависимости от конкретных условий их формирования.

ЛИТЕРАТУРА

Аблажей 2007 - *Аблажей Н.Н.* С востока на восток: Российская эмиграция в Китае / Отв. ред. В.А. Ламин. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. 300 с.

Аблова 2004 - *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае: Международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М.: НД ИД «Русская панорама», 2004. 432 с.

Блохинская 2014 - *Блохинская А.В.* Современные русские говоры на Дальнем Востоке как результат взаимодействия разных диалектных систем // Языковая ситуация на Дальнем Востоке России и приграничной территории (на материале Приамурья и провинции Хэйлунцзян, Китай) / Под. ред. Е.А. Оглезневой. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2014. С. 39–66.

Василенко 1998 - *Василенко Н.А.* О численном и национальном составе населения Харбина в 1898–1917 гг. // Дальний Восток – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества: материалы международной науч.-практ. конф. Хабаровск: Частная коллекция, 1998. С. 62–64.

Вахтин, Головко 2004 - *Вахтин Н.Б., Головко Е.В.* Социолингвистика и социология языка СПб.: Гуманитарная Академия: Изд-во Европ. ун-та в СПб., 2004. 336 с.

Виноградов 1990 - *Виноградов В.А.* Языковая ситуация // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 616–617.

Гордеева 2014 - *Гордеева С.В.* Русский язык в приграничном Китае, его роль в формировании языковой ситуации // Языковая ситуация на Дальнем Востоке России и приграничной территории (на материале Приамурья и провинции Хэйлунцзян, Китай) / Под ред. Е.А. Оглезневой. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2014. С. 98–125.

Коряков 2002 - *Коряков Ю.Б.* Языковая ситуация в Белоруссии и типология языковых ситуаций: дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 129 с.

Мартине 1972 - *Мартине А.* Распространение языка и структурная лингвистика. Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. 6. С. 81–93.

Мечковская 2001 - *Мечковская Н.Б.* Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков. М.: Флинта; Наука, 2001. 312 с.

Оглезнева 2009 - *Оглезнева Е.А.* Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск: АмГУ, 2009. 352 с.

Оглезнева 2011 - *Оглезнева Е.А.* Языковая ситуация в Приамурье: динамический аспект. Историко-лингвистический очерк // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 9: Славянское языковое взаимодействие в Дальневосточном регионе / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2011. С. 7–25.

Швейцер, Никольский 1978 - *Швейцер А.Д., Никольский Л.Б.* Введение в социолингвистику. М.: Высш. шк., 1978. 216 с.

REFERENCES

Ablazhey, N.N. (2007) *S vostoka na vostok: Rossiyskaya emigratsiya v Kitae* [From the East to the East: The Russian emigration in China]. Novosibirsk: SB RAS.

Ablova, N.E. (2004) *KVZhD i rossiyskaya emigratsiya v Kitae: Mezhdunarodnye i politicheskie aspekty istorii (pervaya polovina XX v.)*. [CER and the Russian emigration in China: International and political aspects of the history (the early 20th century)]. Moscow: Russkaya panorama.

Blokhinskaya, A.V. (2014) Sovremennye russkie govory na Dal'nem Vostoke kak rezul'tat vzaimodeystviya raznykh dialektnykh sistem [Modern Russian dialects in the Far East as the result of interaction of different dialect systems]. In: Oglezneva, E.A. (2014) *Yazykovaya situatsiya na Dal'nem Vostoke Rossii i prigranichnoy territorii (na materiale Priamur'ya i provintsii Kheyluntszyan, Kitay)* [The linguistic situation in the Russian Far East and the near-border territory (a case study of Amur River region and Heilongjiang province, China]. Blagoveshchensk: Amur State University Publ. pp. 39-66.

Vasilenko, N.A. (1998) [The number and ethnic composition of Harbin population in 1898–1917]. *Dal'niy Vostok – Severo-Vostok Kitaya: istoricheskiy opyt vzaimodeystviya i perspektivy sotrudnichestva* [The Far East – Northeast of China: The historical experience of interaction and prospects for col-

laboration]. Proc. of the International Research Conference. Khabarovsk. pp. 62-64. (In Russian).

Vakhtin, N.V. & Golovko, E.V. (2004) *Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka* [Sociolinguistics and sociology of a language]. St. Petersburg: Academy for the Humanities: European University at St. Petersburg.

Vinogradov, V.A. (1990) Yazykovaya situatsiya [The linguistic situation]. In: Yartsev, V.N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [The Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya. pp. 616-617.

Gordeeva, S.V. (2014) Russkiy yazyk v prigranichnom Kitae, ego rol' v formirovanii yazykovoy situatsii) [The Russian language in the near-border China, its role in forming the linguistic situation]. In: Oglezneva, E.A. (2014) *Yazykovaya situatsiya na Dal'nem Vostoke Rossii i prigranichnoy territorii (na materiale Priamur'ya i provintsii Kheyluntszyan, Kitay)* [The linguistic situation in the Russian Far East and the near-border territory (a case study of Amur River region and Heilongjiang province, China]. Blagoveshchensk: Amur State University Publ. pp. 98-125.

Koryakov, Yu.B. (2002) *Yazykovaya situatsiya v Belorussii i tipologiya yazykovykh situatsiy* [The linguistic situation in Belarus and the typology of linguistic situations]. Philology Cand. Diss. Moscow.

Martine, A. (1972) Rasprostranenie yazyka i strukturnaya lingvistika [A language spreading and structural linguistics]. *Novoe v lingvistike*. 6. pp. 81-93.

Mechkovskaya, N.B. (2001) *Obshchee yazykoznanie: Strukturnaya i sotsial'naya tipologiya yazykov* [General linguistics: Structural and social typology of languages]. Moscow: Flinta; Nauka.

Oglezneva, E.A. (2009) *Russkiy yazyk v vostochnom zarubezh'e (na materiale russkoy rechi v Kharbine)* [The Russian language in the East foreign contries (a case study of the Russian speech in Harbin)]. Blagoveshchensk: Amur State University.

Oglezneva, E.A. (2011) Yazykovaya situatsiya v Priamur'e: dinamicheskiy aspekt. Istoriko-lingvisticheskiy ocherk [The linguistic situation in Amur River region: the dynamic aspect. A historical and linguistic essay]. In: Arkhipova, N.G. & Oglezneva, E.A. (eds) *Slovo: Fol'klorno-dialektologicheskiy al'manakh. Slavyanskoe yazykovoe vzaimodeystvie v Dal'nevostochnom regione* [The word: Folklore and dialect anthology. The Slavic language interaction in the Far East region]. Issue 9. Blagoveshchensk: Amur State University. pp. 7-25.

Shweizer, A.D. & Nikol'skiy, L.B. (1978) *Vvedenie v sotsiolingvistiku* [Basics of the sociolinguistics]. Moscow: Vysshaya shkola.

Оглезнева Елена Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного Национального исследовательского Томского политехнического университета и профессор кафедры русского языка Амурского государственного университета.

Oglezneva Elena Alexandrovna – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Russian Language as foreign, National Research Tomsk Polytecnic University, and Professor of the Department of Russian Language, Amur State University.

E-mail: eoglezneva@yandex.ru

УДК 81-112
UDC
DOI: 10.17223/23451734/3/9

СЛАВЯНСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ РУССКОМУ *ЧУЯТЬ*: К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ

И.В. Садыкова
Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: pansadyk@ rambler.ru

Авторское резюме

В статье рассматриваются особенности семантического развития славянских соответствий русскому глаголу *чуять*. Анализ проводится в рамках сравнительно-исторического метода на материале лексикографических источников. В ходе исследования было выявлено, что все обнаруженные в славянских языках соответствия являются обозначениями чувственного восприятия мира человеком (чаще всего) или животным (в меньшей степени). Однако если в восточно- и западнославянских языках рассматриваемые глаголы именуют как общую перцепцию («чувствовать, ощущать»), так и какую-либо конкретную (слуховую, обонятельную, вкусовую, тактильную), то южнославянские лексемы служат наименованиями только конкретной слуховой перцепции. В литературных славянских языках у анализируемых слов не фиксируется значение, характеризующее зрительное восприятие. На основе перцептивной семантики во всех славянских языках, в которых есть соответствия рус. *чуять* (как и у русского глагола), сформировались или формируются переносные значения. Они связаны либо с именованием рационального осмысления прочувствованного ранее (как в русском языке, отчасти в болгарском и сербо-хорватском); либо с обозначением шестого чувства – интуиции (как в русском и чешском языках, отчасти в украинском и белорусском); либо с названием состояния человека, физического или эмоционального (во многих славянских языках).

Ключевые слова: славянские языки, лексические соответствия, историческая лексикология.

THE SLAVIC EQUIVALENTS OF THE RUSSIAN *CHUJAT'* (ЧУЯТЬ): TO THE SEMANTIC EVOLUTION

I.V. Sadykova
Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: pansadyk@rambler.ru

Abstract
The article discusses the features of Slavic semantic correspondences to the Russian verb *chujat'* (чуять). The analysis is conducted within the framework of comparative-historical method in the material lexicographical sources. The study found that all detected in the Slavic language of the designations are the sensory perception of the world by people (most often) or animals (to a lesser extent). However, if the Eastern and Western Slavonic languages viewed verbs refer to as common perception ("to feel"), and any specific (auditory, olfactory, gustatory, tactile), the South Slavic token names only serve the specific auditory perception. In literary Slavic languages at the analyzed words is not fixed meaning representative of visual perception. On the basis of perceptual semantics in all Slavic languages, where there are correspondences to Russian *chujat'* (like the Russian verb), formed or are formed figurative meanings. They are connected with the name of a rational comprehension heartfelt earlier (in Russian, partly in the Bulgarian and Serbo-Croatian); or designation of the sixth sense – intuition (in Russian and Czech, partly in Ukrainian and Belarusian); or the name of the human condition, physical or emotional (in many Slavic languages).

Keywords: Slavic languages, lexical correspondences, historical lexicology.

В центре внимания настоящего исследования находятся особенности семантического развития славянских соответствий русскому глаголу *чуять*. Материалом исследования послужили данные толковых словарей, двуязычных словарей славянских языков и этимологических словарей.

Русский глагол *чуять* относится к древнейшему пласту лексики (он фиксируется в памятниках, начиная с XI в.), входит в группу слов с перцептивной семантикой. В древнерусском языке, имея форму инфинитива *чути*, данный глагол употреблялся в одном из четырех значений: 1) чувствовать, ощущать; 2) слышать; 3) знать; 4) сознавать (Срезневский 2003: 1552–1553). При этом анализируемый глагол

сочетал в своем значении чувственную (общую и конкретную слуховую) и рациональную семантику и использовался для характеристики деятельности человека. Исторически развиваясь, глагол *чуять* стал употребляться не только по отношению к человеку, но и по отношению к животному. На протяжении всей истории функционирования в русском языке данный глагол являлся обозначением общей перцепции, а вот конкретные перцепции, которые именовались с его помощью, могли быть разными: в XVIII в. – слуховая, тактильная, обонятельная (САР 1794–1798: 836–837), в XIX в. к ним добавилась осязательная (Даль 1998: 1381–1382), в XX в. преимущественно обонятельная и слуховая (Ушаков 1940: 1309–1310, Словарь современного русского литературного языка 1965: 1220–1222, Словарь русского языка 1984: 695–696), в XXI в. – обонятельная (Кузнецов 2000: 1487). В диалектах русского языка рассматриваемый глагол может также называть зрительное и слуховое восприятие (Словарь русских говоров Карелии 2005: 810, Словарь русских говоров Сибири 2006: 314).

Таким образом, в современном русском литературном языке данный глагол употребляется для обозначения как общей перцепции («ощущать, чувствовать»), так и конкретной обонятельной перцепции («распознавать чутьем (о животных)», «ощущать запах, обонять (о человеке)») (Кузнецов 2000: 1487). Кроме того, с середины XIX в. у глагола *чуять* формируется новое переносное значение, связанное с именованием так называемого шестого чувства – интуиции, в настоящее время оно формулируется как «интуитивно чувствовать, предполагать» (Кузнецов 2000: 1487).

Следует отметить, что в структуре семантики глагола *чуять* всегда присутствовало (прямо или опосредованно) значение, относящееся к рациональному осмыслению воспринятой с помощью чувств информации. На современном этапе развития оно определяется как «понимать, осознавать» и является оттенком значения «интуитивно чувствовать, предполагать» (Кузнецов 2000: 1487).

Глагол *чуять* имеет соответствия во всех современных славянских языках, которые в качестве основной имеют перцептивную (обобщенную или конкретную) семантику. В то же время почти в каждом славянском языке у соответствующего глагола есть свои семантические особенности, связанные как с базовой чувственной семантикой, так и с формированием на ее основе переносных значений. Рассмотрим материалы славянских языков.

В современных украинском и белорусском языках (ближайших для русского языка родственных языках) отмечаются следующие лексемы: укр. *чути* «1) слышать; 2) (воспринимать другими органами чувств или интуицией) чувствовать, разг. чуять; слышать; книжн. обонять» (Украинско-русский словарь 1971: 1031); блр. *чуць* «1) в разн. знач. слышать; 2) (ощущать) слышать, чуять (в том числе запах); 3) (сознавать) чуять, чувствовать (бяду); 4) слышать, замечать» (Белорусско-русский словарь 1962: 1016). Судя по приведенным сведениям из лексикографических источников, данные глаголы в украинском и белорусском языках в первую очередь используются для обозначения конкретной слуховой перцепции, также они могут называть способность ощущать запахи, а в украинском еще и вкусовые ощущения (*чути чим* «(о привкусе) отдает чем»). Вместе с тем у данных слов имеется значение, именующее общую способность воспринимать действительность с помощью различных органов чувств («чувствовать»), внутри этого значения имплицитно представлено переносное значение, связанное с интуицией (шестым чувством), предчувствием. Например, в белорусском словаре отмечаются сочетания *чуць бяду* «чуять беду», *чуць сэрцам* «чувствовать сердцем» (Белорусско-русский словарь 1962: 1016), а в украинском – *чути сердцем* «сердцем чуять» (Украинско-русский словарь 1971: 1031): в обоих случаях предполагается интуитивное предчувствие некой ситуации, чаще неприятной.

У белорусского глагола *чуць* отмечается значение «замечать», которое может быть вне контекста воспринято как обозначение зрительной перцепции. Однако пример употребления – *я не чуў, як укалоў руку́* «я не заметил (не слышал), как уколол руку» – говорит о том, что здесь нет именования прямого зрительного восприятия, скорее речь идет об обозначении общей работы всех органов чувств, как реакции на внешнее воздействие (укол). Образуя словосочетание с существительным *дух*, блр. *чуць* служит обозначением эмоционального состояния человека, а не какой-либо его перцепции – *чуць дух* «чувствовать чью-либо строгость, бояться кого-либо» (Белорусско-русский словарь 1962: 1016). Следует также отметить, что во всех трех восточнославянских языках соответствующие глаголы входят в состав устойчивого словосочетания: рус. *ног под собой не чуять*, укр. *ні́г під собою не чути*, блр. *не чуць ног пад сабою*. С помощью этого фразеологизма именуется или большая степень усталости после тяжелой работы или после долгой ходьбы, бега, или восторженное

состояние, радость, приподнятое настроение, т. е. не перцепция, а состояние (физическое или эмоциональное).

Укр. *чути* и блр. *чуць* употребляются по большей части для выражения реакций органов чувств человеческого организма, реже животного (ср. блр. *сабака чуе дзічыну* «собака чует дичь» – здесь глагол называет способность животного чувствовать запах).

Семантическое наполнение украинской и белорусской лексем отчасти совпадает с современной семантикой русского глагола, что можно объяснить общностью происхождения восточнославянских языков и достаточно длительной общей историей. Однако в современных украинском и белорусском языках не отмечается в эксплицитной форме значения, связанного с рациональным осмыслением тех сведений, которые получены в результате чувственного восприятия. Этим их семантическая структура отличается от семантической структуры русского глагола.

Таким образом, в восточнославянских языках у соответствующих лексем, во-первых, в качестве основной представлена перцептивная семантика, в которой сочетается обозначение общего и конкретного восприятия (в современном русском языке – это преимущественно обоняние, реже слух, в украинском и белорусском – преимущественно слух, реже обоняние, в украинском еще может быть вкус). Во-вторых, в русском языке явно, а в украинском и белорусском языках скрыто (так как нет точной его формулировки, есть словосочетания, где можно вычленить) сформировалось значение, связанное с обозначением шестого чувства – интуиции. В-третьих, у русского глагола *чуять* перцептивная семантика тесно взаимосвязана с рациональной, что зафиксировано в словарях, тогда как у укр. *чути* и блр. *чуць* такой связи в явном виде не прослеживается. В-четвертых, в украинском и белорусском языках обнаруживается тенденция развития перцептивной семантики в сторону обозначения эмоций, которые испытывает человек, или состояния человека (физического или эмоционального).

В современных западнославянских языках фиксируются следующие соответствия русскому глаголу *чуять*: польск. *czuć* «1) чувствовать, ощущать; 2) пахнуть» (Новый польско-русский словарь 2004: 54); н.-луж. *cuś* «ощущать; щупать; замечать, чувствовать; чуять» (Мука 1921: 138–139); в-луж. *čuć*, *čuwać* «чувствовать; чуять, нюхать; пробовать на вкус»; чеш. *čiti* «чувствовать (запах), ощущать, слышать, чуять (о животных); предчувствовать» (Копецкий 1976:

101), ср. более ранняя старочешская форма *čuti* «чувствовать, чуять» и диалектные варианты чешского слова *čouti*, *čuť* «слышать», чеш. диал. *čut* «чувствовать; предчувствовать» (ЭССЯ 1977: 135); слвц. *čuť* «слышать; (чувствовать)» (Словацко-русский словарь 1965: 42). Имелись параллели и в вымерших западнославянских языках: полаб. *cająˀ* <**čujǫ* (1-е л. ед. ч. наст. вр.) «чувствую»; словин. *čũc* «слышать» (ЭССЯ 1977: 135).

Представленные лексикографические материалы свидетельствуют, что в большинстве западнославянских языков лексемы, родственные рус. *чуять*, сочетают в своей семантике обозначение общей и конкретной перцепции, причем в каждом языке эта конкретная перцепция – своя. Так, нижнелужицкий глагол *cuś*, помимо обобщенного восприятия с помощью всех органов чувств, называет тактильные ощущения, верхнелужицкий *čuć* – обонятельные и вкусовые, чешское слово *čiti*, как и чешские диалектные *čouti*, *čuť*, называет преимущественно слуховое восприятие действительности, хотя у литературной чешской лексемы отмечается и обонятельная перцепция. Есть среди западнославянских слов такие, которые служат обозначениями либо только общей перцептивной семантики (полаб. *cająˀ*), либо только конкретной слуховой (слвц. *čuť*, словин. *čũc*). Для польского же глагола *czuć* характерно особое значение, не собственно перцептивное: он может использоваться для именования способности издавать запах («пахнуть»). В составе же словосочетания *czuć pismo nosem* «чуять, чем пахнет» польское слово называет чувство обоняния (Новый польско-русский словарь 2004: 54).

Следует отметить, что для польской лексемы *czuć* в рамках основного значения «чувствовать, ощущать» даются примеры употребления *czuć pragnienie* «испытывать жажду» и *czuć swą siłę* «сознавать свою силу» (Новый польско-русский словарь 2004: 54), в которых польский глагол, кроме общей перцепции, на наш взгляд, имплицитно называет состояние (в первом словосочетании) и рациональное осмысление почувствованного (во втором).

Западнославянские соответствия рус. *чуять* по большей части употребляются по отношению к человеку, только в чешском языке особо оговаривается использование его и по отношению к животному.

Формирование переносного значения отмечается в чешском языке у глагола *čiti*, который наряду с чистой перцептивной семантикой имеет значение «предчувствовать» (Копецкий 1976: 101), связанное с так называемым шестым чувством – интуицией, способностью

человека предугадывать, предполагать развитие событий на основе информации, полученной от органов чувств. В других западных славянских языках не отмечается в явной форме переносная семантика, можно лишь предполагать возможность ее выявления, например, в польском словаре фиксируется словосочетание *czuć mores przed kimś* «считаться с кем-либо; побаиваться кого-либо, трепетать перед кем-либо» (Новый польско-русский словарь 2004: 54), которое скорее передает эмоциональное состояние человека, чем чувственные ощущения. Кроме того, есть сочетание *nie czuć nog* (*ze zmęczenia*) «ног под собой не чувствовать (от усталости)», которое называет состояние уставшего человека. Подобные этому словосочетания имеются и в восточнославянских языках. (Ср. упомянутые выше словосочетания из польского языка, где также можно говорить об имплицитном переносном значении).

Таким образом, этимологические соответствия русскому *чуять* из западнославянских языков в семантическом плане отчасти близки слову из русского языка: они являются перцептивными глаголами, большинство из которых сочетают обозначение общей и различных конкретных перцепций, хотя есть такие, что называют только общее или только конкретное восприятие. Вместе с тем западнославянские лексемы практически не формируют переносные значения (во всяком случае, судя по лексикографическим источникам, они не формулируются в эксплицитной форме).

Современные южнославянские имеют следующие соответствия русскому глаголу *чуять*: болг. *чуя* «1) услышать; 2) услышать, узнать по слухам; 3) послушаться» (Бернштейн 1986: 718); макед. *чуе* «услышать, слышать» (Македонско-русский словарь онлайн); серб.-хорв. *чȕти*, *чу́јати* «1) слышать, услышать; 2) стать известным» (Толстой 1957: 1071; Бошковић 2007: 1460–1461); словен. *čúti* «слышать; бодрствовать, бдеть, не спать» (Котник 1967: 35).

Материалы, представленные в лексикографических источниках, показывают, что лексемы, соответствующие рус. *чуять*, служат в современных южнославянских языках для обозначения конкретной слуховой перцепции, их значения формулируются как «слышать», «слушать» или «услышать». Это отличает южнославянские параллели от восточно- и западнославянских, где представлена семантика, связанная не только с каким-то конкретным чувственным ощущением, но и называющая общую способность живых существ воспринимать окружающее с помощью органов чувств.

Есть и еще одно отличие: в южнославянских языках формируется переносная семантика, которая не отмечается в других славянских языках. Так, у словенского глагола *иъti*, кроме слуховой семантики, имеется переносное значение «бодрствовать, бдеть, не спать», которое, на наш взгляд, сформировалось на основе общей перцепции, так как предполагает использование органов чувств, ведь здоровый человек, не находясь в состоянии сна, должен видеть, слышать, обонять, он способен ощущать вкус и воспринимать на ощупь предметы, т. е. он бодрствует и во время бодрствования работают все органы чувств.

В основе переносного значения сербо-хорватского глагола *чȕти* «стать известным» также лежит перцепция, только конкретная, слуховая, ведь чтобы чему-то или кому-то стать известным, нужно об этом услышать. На слуховом восприятии основана и переносная семантика болгарского слова *чуя*. В значении «услышать, узнать по слухам» сочетается чувственное и познавательное, так как процесс узнавания происходит через услышанное. А лексико-семантический вариант болг. *чуя* «послушаться» подразумевает, как нам представляется, что, после того как человек услышал какие-то слова, пожелания, советы другого человека, он осмыслил их и принял, послушался (сделал так, как ему советовали).

В словарях южнославянских языков нет никаких указаний на то, по отношению к человеку или к животному используются рассмотренные слова, однако можно предположить по формулировке значений, что они употребляются в отношении человека (особенно переносные значения).

Таким образом, южнославянские соответствия русскому *чуять* дают несколько иную картину семантического наполнения: их основное значение связано с обозначением только конкретной перцепции – слуховой. Переносная семантика развивается на основе перцептивной, развитие идет в сторону обозначения физического состояния человека (состояние бодрствования, состояние без сна), а также в сторону именования процесса познания, происходящего посредством осознания, освоения услышанного (т. е. складывается рациональная семантика).

Таким образом, во всех современных славянских языках имеются соответствия русскому глаголу *чуять*, при этом их основное назначение – именовать общую или конкретную перцепцию. Однако соотношение перцептивной семантики может быть различно.

Так, в восточнославянских языках в семантике соответствующих слов сочетается обозначение общего и конкретного чувственного восприятия (в современном русском языке – это преимущественно обоняние, может быть слух, в украинском и белорусском языках – слух, может быть обоняние и вкус). У западнославянских лексем по большей части на первом месте именование общей способности живых существ воспринимать окружающую действительность с помощью различных органов чувств (в польском языке, лужицких языках, чешском языке), в то же время они могут служить названиями различных конкретных перцепций: обонятельной (чешский, верхнелужицкий, польский), слуховой (чешский, словацкий), тактильной (нижне-лужицкий), вкусовой (верхне-лужицкий). Для южнославянских глаголов характерно именование слухового восприятия мира, т. е. название конкретной перцепции.

Важно отметить, что чаще всего семантика рассмотренных в славянских языках слов связана с обозначением слухового или обонятельного восприятия действительности (на третьем месте – вкусовое). Зрительная перцепция практически не актуализируется в лексическом значении проанализированных слов (ср. в русских диалектах). Употребляются представленные славянские перцептивные глаголы, чаще всего называя чувственные ощущения человека, хотя могут именовать и чувственное восприятие животных. В переносных же значениях данные слова используются в отношении человека.

Практически во всех славянских языках у соответствий русскому *чуять* (как и у русского слова) на основе перцептивной семантики формируются различные переносные значения, которые могут быть связаны 1) либо с именованием рационального осмысления прочувствованного ранее (как в русском языке, отчасти в болгарском и сербо-хорватском); 2) либо с обозначением шестого чувства – интуиции, которая также основана на чувственном восприятии мира (как в русском и чешском языках, отчасти в украинском и белорусском); 3) либо с называнием состояния человека, физического или эмоционального (во многих славянских языках).

На основе сопоставления рассмотренных славянских лексем реконструируется праславянская форма *čuti со значением «чувствовать, замечать, узнавать» (ЭССЯ 1977: 134). Формулировка такого общего значения связана, как нам представляется, с тем, что оно вбирает в себя весь спектр перцептивной и рациональной

семантики, который представлен в славянских отражениях данной праславянской формы. Семантическое развитие славянских рефлексов указанного праславянского архетипа отражает, на наш взгляд, постепенное расчленение синкретичной семантики. В славянских языках-потомках семантическая эволюция шла от обобщенного обозначения перцепции к преимущественному обозначению какой-либо конкретной перцепции, а затем к формированию переносных значений.

ЛИТЕРАТУРА

Белорусско-русский словарь 1962 - Белорусско-русский словарь / Под ред. К.К. Крапивы. М.: Изд-во иностранных и национальных словарей, 1962.

Бернштейн 1986 - *Бернштейн С.Б.* Болгарско-русский словарь. М.: Рус. яз., 1986.

Бошковић 2007 - *Бошковић Р.* Руско-српски, српско-руски речник. Београд: Јасен, 2007.

Даль 1998 - *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Терра, 1998. Т. 4.

Копецкий 1976 - Чешско-русский словарь: В 2 т. / Под ред. Л.В. Копецкого, Й. Филипца, О. Лешки. Москва: Рус. яз.; Прага: Гос. пед. изд-во, 1976.

Котник 1967 - *Котник Д.* Янко. Словенско-русский словарь. Любляна: Гос. изд-во Словении, 1967.

Кузнецов 2000 - Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000.

Македонско-русский словарь онлайн - Македонско-русский словарь онлайн. URL: http://www.etranslator.ro/ru/makedonskii-russkii-online-slovar.php (дата обращения: 25.06.2015).

Мука 1921 - *Мука Э.* Словарь нижнелужицкого языка. Петроград, 1921. Т. 1. URL: http://www.knigafund.ru/books/78166/read#page100 (дата обращения: 25.06.2015).

Новый польско-русский словарь 2004 - *Стыпула Р.* Новый польско-русский словарь. М.: Рус. яз. – Медиа, 2004.

САР 1794–1798 - Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный. СПб.: Изд-во Академии наук, 1794–1798. Т. 6.

Словарь русских говоров Карелии 2005 - Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: В 6 вып. / Гл. ред. А.С. Герд. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2005. Вып. 6.

Словарь русских говоров Сибири 2006 - Словарь русских говоров Сибири / Сост. Т.А. Голикова, Е.В. Панкратова, А.И. Фёдоров; Под ред. А.И. Фёдорова. Новосибирск: Наука, 2006. Т. 5.

Словарь русского языка 1984 - Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1984. Т. 4.

Словарь современного русского литературного языка 1965 - Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: Наука, 1965. Т. 17.

Словацко-русский словарь 1965 - Карманный словацко-русский словарь / Сост. Д. Коллар и др. М.: Сов. энциклопедия, 1965.

Срезневский 2003 - *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. М.: Знак, 2003. Т. 3.

Толстой 1957 - *Толстой И.И.* Сербо-хорватско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957.

Украинско-русский словарь 1971 - Украинско-русский словарь / Под ред. В.С. Ильина. Киев: Наукова думка, 1971.

Ушаков 1940 - Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Астрель: АСТ, 2000. Т. 4.

ЭССЯ 1977 - Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачёва. М.: Наука, 1977. Вып. 4.

REFERENCES

Krapiva, K.K. (1962) *Belorussko-russkiy slovar'* [The Belarus-Russian dictionary]. Moscow: Inostrannye i natsional'nye slovari.

Bernstein, S.B. (1986) *Bolgarsko-russkiy slovar'* [The Bulgarian-Russian dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.

Boshkoviћ, R. (2007) *Rusko-srpski, srpsko-ruski rechnik* [The Russian-Serbian, Serbian-Russian Dictionary]. Beograd: Jasen.

Dal, V.I. (1998) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian language]. Vol. 4. Moscow: Terra.

Kopetskiy, L.V., Filiptsov, J. & Lyoshka, O. (eds) (1976) *Cheshsko-russkiy slovar': V 2 t.* [The Czech-Russian Dictionary: In 2 vols]. Moscow: Russkiy yazyk. Praga: State Pedagogical Publ.

Kotnik, D. (1967) *Slovensko-russkiy slovar'* [Slovene-Russian dictionary]. Lyublyana: Slovenia State Publ.

Kuznetsov, S.A. (ed.) (2000) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Great Explanatory Dictionary of the Russian language]. St. Petersburg: Norint.

Online Translator. (n.d.) *Makedonsko-russkiy slovar' onlayn* [The Online Macedonian-Russian Dictionary]. [Online] Avaialbe from: http://www.etranslator.ro/ru/makedonskii-russkii-online-slovar.php. (Accessed: 25th June 2015).

Muka, E. (1921) *Slovar' nizhneluzhitskogo yazyka* [The Dictionary of the Lower Sorbian language]. Petrograd. [Online] Available from: http://www.knigafund.ru/books/78166/read#page100. (Accessed: 25th June 2015).

Stypula, R. (ed.) (2004) *Novyy pol'sko-russkiy slovar'* [New Polish-Russian Dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk – Media.

Anon. (1794–1798) *Slovar' Akademii Rossiyskoy, proizvodnym poryadkom raspolozhennyy* [The Dictionary of the Russian Academy]. Vol. 6. St. Petersburg: Academy of Sciences.

Gerd, A.S. (ed.) (2005) *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastey*: V 6 vyp. [The Dictionary of Russian dialects in Karelia and adjacent areas: In 6 vols]. Vol. 6. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

Fedorov, A.I. (ed.) (2006) *Slovar' russkikh govorov Sibiri* [The Dictionary of Russian dialects in Siberia]. Vol. 5. Novosibirsk: Nauka.

Evgen'eva, A.P. (1984) *Slovar' russkogo yazyka:* V 4 t. [The Dictionary of the Russian Language]. Vol. 4. Moscow: Russkiy yazyk.

Chernyshev, V.I. (ed.) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka*: V 17 t. [The Dictionary of the Contemporary Russian Literary Language]. Vol. 17. Moscow; Leningrad: Nauka.

Kollar, D. et al. (eds) (1965) *Karmannyy slovatsko-russkiy slovar'* [A Handheld Slovak-Russian dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya,.

Sreznevskiy, I.I. (2003) *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka* [Materials for the Dictionary of the Old Russian language]. Vol. 3. Moscow: Znak.

Tolstoy, I.I. (1957) *Serbo-khorvatsko-russkiy slovar'* [The Serbo-Croatian-Russian dictionary]. Moscow: State Publishing House of Foreign and National dictionaries.

Il'in, V.S. (ed.) (1971) *Ukrainsko-russkiy slovar'* [The Ukrainian-Russian Dictionary]. Kiev: Naukova dumka.

Ushakov, D.N. (ed.) (1940) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Russian language]. Vol. 4. Moscow: Astrel': AST.

Trubachev, O.N. (1974–2014). *Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond* [The Etymological Dictionary of Slavic languages: the Proto-Slavic lexical fund]. Issue 4. Moscow: Nauka.

Садыкова Ирина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета.

Sadykova Irina – Ph.D. of Philology Assistant Professor at the Department of General, Slavonic-Russian Linguistics and Classical Philology of National Research Tomsk State University.

E-mail: pansadyk@rambler.ru

УДК 81-112
UDC
DOI: 10.17223/23451734/3/10

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ‘ГОРДОСТЬ’ В ПОЛЬСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

С.А. Толстик
Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: stolstik@mail.ru

Авторское резюме

В работе исследуется история формирования лексико-семантического поля ‘гордость’ в польском литературном языке. В структуре современного польского лексико-семантического поля ‘гордость’ можно выделить три субполя, соответствующие трем синонимическим рядам, отражающим понятие «гордость» в польском современном языке: ‘чувство собственного достоинства, самоуважения’, ‘чрезмерно высокое понятие о себе’ и ‘предмет гордости’. Существительное *duma* является доминантой всех синонимических рядов и ядром поля ‘гордость’. В результате проведенного диахронического анализа были выявлены хронологические рамки формирования синонимических рядов, входящих в состав поля: начав формироваться в древнепольский период, они окончательно оформились в новопольский и новейший периоды развития языка. Мотивирующими признаками для семантики гордости послужили увеличение в объеме, возвышение над окружающими, характеристики ментальной деятельности, внешней привлекательности, уважения и др.

Ключевые слова: диахрония, лексико-семантическое поле, историческая лексикология, этимология, мотивация, славянское языкознание, сравнительно-историческое языкознание, синонимия.

HISTORY OF THE LEXICO-SEMANTIC FIELD 'PRIDE' IN LITERARY POLISH

S.A. Tolstik
Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: stolstik@mail.ru

Abstract
History of Polish lexico-semantic field 'pride' is investigated in this article. Modern Polish lexico-semantic field 'pride' has three subfields. These subfields correspond to three synonymic rows, reflecting a concept 'pride' in modern Polish: 'self-respect', 'conceit', 'what makes you proud'. Noun *duma* obviously is the dominant of all synonymic rows and it is core of field 'pride'.

Diachronic analysis was conducted. Firstly, chronology of three synonymic rows formation were revealed. Secondly, it was found, that these three synonymic rows began to form in Ancient Polish period and finally completed formation in New Polish and Modern Polish. As a result, it is emphasized, that motivating values were increase in volume, rising above others, features of mental activity, attraction etc.

Keywords: diachriny, lexico-semantic field, historical lexicology, etymology, motivation, Slavic linguistics, comparatively-historical linguistics, synonymy.

«Гордость» – одно из базовых понятий категоризации мира, связанных с оценкой общества и человека, и поэтому оно является одним из важнейших элементов национальной картины мира. Лингвистическая репрезентация данного понятия находится в сфере внимания современных лингвистов, так как «гордость» принадлежит к группе этических понятий и неразрывно связано с оценкой человека и общества, см. работы С.А. Малаховой, А.В. Санникова, О.Ю. Полонской, О.А. Кузнецовой, Л.В. Дубиной, Z. Krótki, A. Rygorowicz-Kuźma, M. Jakubowicz (Дубина 2011, Кузнецова 2010, 2013, Малахова 2009, Полонская 2010, Попова 2007, Санников 2006, Krótki 2011/3, Rygorowicz-Kuźma 2011, Jakubowicz 2011). Так, некоторые исследователи проводят сопоставительный анализ лексики со значением гордости в русском и английском языках (С.А. Малахова, А.В. Санников) или сопоставляют отдельно взятые слова, а также стоящие за ними понятия и стереотипы в русском и польском языках с установкой на выявление этноспецифических черт (Л.В. Дубина).

Ряд исследователей обращается к проблеме лингвокогнитивной интерпретации культурологического концепта ‘гордость’ в разных языках (Н.В. Попова, О.Ю. Полонская).

Полевый подход к описанию лингвистических фактов и явлений отражает взгляд на язык как на систему, обусловленную, с одной стороны, действием внутренних законов, развивающуюся в формальном и семантическом плане, и, с другой – подверженную влиянию экстралингвистических, историко-культурных факторов. Исследование лексико-семантических полей, их эволюции является особенно актуальным в современном языкознании в связи с проблемой отражения в этих полях динамики языковой картины мира, см. работы Ж.Ж. Варбот, О.Н. Трубачёва, В.Г. Гака, С.М. Толстой, Е.Л. Березович, Л.П. Дроновой, С.А. Толстик и др. (Березович 2004, Варбот 1995, 2013, Гак 1998, Дронова 2014, Толстая 2002, 2003, Толстик 2004, Трубачёв 2004).

Анализ мотивационных моделей именно в пределах лексико-семантического поля (ЛСП) становится важным этапом исследований, посвященных реконструкции языковой картины мира. Так, в ряде статей О.А. Кузнецовой (Кузнецова 2010, 2013) анализируется лексика со значением ‘гордость’ в русском и древнерусском языках, выявляются семантические и мотивационные особенности единиц ЛСП ‘гордость’ и характеризуются особенности данного понятия в сознании носителей языка. В работе польского лингвиста М. Якубович «Дороги слов в пространстве веков» анализируются особенности мотивации репрезентантов различных культурно значимых понятий, представленных на праславянском материале: «хороший», «плохой», «смелый», «грустный» и другие, в том числе и «гордый» в славянских языках (Jakubowicz 2011: 273–277).

Диахронный анализ репрезентантов понятия «гордость» в польском языке представляется значимым для изучения особенностей эволюции польского национального сознания.

По данным лексикографии, в современном польском литературном языке ЛСП ‘гордость’ насчитывает 22 лексемы-существительных. Лингвисты неоднократно отмечали существование тенденции обозначать явления и понятия, играющие важную роль в том или ином коллективе, большим количеством лексических единиц.

Словари синонимов польского языка не всегда одинаково представляют синонимические ряды со значением ‘гордость’ и в количественном и качественном аспектах (EI: http://www.edupedia.pl/result, SWB: 26–27,

64, 197). Нет единого мнения и о доминанте синонимических рядов. Чаще всего в качестве доминанты приводится многозначное существительное *duma* (EI: http://www.edupedia.pl/result, SSyn: http://synonim.net/synonim/duma, SSP: 95). Иногда представлены и другие лексемы в качестве доминант синонимических рядов (СР). Так, в словаре «Słownik wyrazów bliskoznacznych» как доминанты синонимических рядов со значением 'гордость' представлены лексемы *godność* – для СР 'чувство собственного достоинства', *chluba* – для СР 'гордость; слава, предмет гордости', *pycha* – для 'высокомерие, спесь; надменность' (SWB: 26–27, 64, 197).

Проанализировав данные синонимических, толковых, двуязычных словарей (русско-польских и польско-русских), контексты из Национального корпуса польского языка (NKJP), мы скорректировали лексикографические данные.

Так, в структуре ЛСП 'гордость' можно выделить три субполя, соответствующие трем синонимическим рядам, отражающим понятие «гордость» в современном польском языке:

СР-1 'чувство собственного достоинства, самоуважения': *duma 1, godność, honor 1, ambicja 1, cześć*;

СР-2 'чрезмерно высокое понятие о себе, спесь, заносчивость, высокомерие': *duma 2, pycha, ambicja 2, buta, rezon, pyszałkowatość, hardość, nadętość, napuszenie, ważniactwo, wyniosłość, zarozumiałość, zarozumialstwo*;

СР-3 'предмет гордости, человек или вещь, которыми можно гордиться': *duma 3, chluba, honor 2, chwała, ozdoba, sława, splendor, zaszczyt*.

Лексемы, которые приводятся в списке единиц синонимических рядов непосредственно после доминанты, находятся с ней в отношении наибольшей семантической близости.

В зависимости от степени проявления, интенсивности гордость может оцениваться носителями польского языка как положительно (СР-1 и СР-3), так и отрицательно (СР-2). Свойственное языку маркирование негативных черт отражается в том, что пейоративный СР-2 является наиболее многочисленным.

Слово *duma* вводится первым в словарных статьях двуязычных словарей (WSPRRP: 1033, WSRP: 148) и является семантически более емким по сравнению с другими лексическими средствами, выражающими лишь отдельные аспекты понятия «гордость». Так, в современном польском литературном языке лексема *duma* выступает в трех основных значениях: 'чувство собственного достоинства, са-

моуважения': *Duma nie pozwalała jej płakać. – Гордость не позволяла ей плакать*, 'чрезмерно высокое мнение о себе, высокомерие': *Jego podkreślana na każdym kroku duma odsuwała od niego kolegów. – Его подчеркнутая на каждом шагу гордость отстраняла от него друзей* и 'предмет гордости': *Zabytki kultury są dumą całego narodu. – Памятники культуры – гордость целого народа* (SJP 2007: 164, SSP: 95). С понятием «гордость» связан еще один ЛСВ существительного *duma* – 'удовлетворение чужими или собственными достижениями' (SJP: http://sjp.pwn.pl/szukaj/duma.html). Синонимические обозначения для этого значения в словарях синонимов польского языка не были зафиксированы, поэтому как отдельный синонимические ряд и субполе 'удовлетворение чужими или собственными достижениями' мы не выделяем. Данный ЛСВ *duma* примыкает к другому лексико-семантическому полю «радость, удовлетворение», в ядро которого входят слова *radość* 'радость', *zadowolenie* 'удовольствие', *satysfakcja* 'удовлетворение', и находится на периферии между полями «гордость» и «радость», поэтому предметом нашего анализа являться не будет.

Помимо указанных слово *duma* также имеет ряд переносных значений (SJP: http://sjp.pwn.pl/szukaj/duma.html), употребляясь как литературоведческий термин ('эпические песни на основе исторических событий, содержащие мотивы баллады' и 'грустная песня, вид элегии'), которые также не являются предметом нашего анализа, поскольку не включаются в анализируемое ЛСП.

Таким образом, полисемантичность, отсутствие стилистической маркированности, двуоценочность, функция доминанты всех трех синонимических рядов позволяют обозначить существительное *duma* как ядро современного польского ЛСП 'гордость'.

Проведенный историко-этимологический анализ показал, что группа лексики, обозначающей понятие «гордость» в польском языке, прошла длительный путь эволюционного развития, претерпев количественные изменения и качественные – на семантическом уровне.

В древнепольский период (X в. – рубеж XV–XVI вв.) с семантикой гордости отмечаются четыре слова: *buta, cześć, pycha* и *chluba* (а также фонетический вариант *chłuba*) (SS: t. 1, z. 3, 179, z. 4, 237, z. 6, 375–378; t. 7, z. 6, 410). Существительное *cześć* в данный период имело значения 'чувство собственного достоинства': *Velika czeszcz magna enim dignitas est esse episcoporum* и 'предмет гордости, украшение': *Mnyeszi Iakubie… y Iakubie wiensi.., panny Mariey syestrzeny.., o czczi wielka rodu!* В значении 'чрезмерно высокое понятие о себе,

избыточная гордость, презрение' были зафиксированы все остальные лексемы. Например, *pycha: Człowieka poniża jego pycha, pokorny zdobędzie uznanie*, *buta: Butha vel picha presumpcio, chluba* (*chłuba*)*: In superbia, in vana gloria ff chlubye*.

Со среднепольского периода (XVI–XVIII вв.) слово *godność*, выступавшее в древнепольский период в значениях 'пригодность, способность к чему-либо', 'цена, стоимость', 'годность, правомочность, законность' (SS: t. 2, 444–445), приобретает значение 'гордость, чувство собственного достоинства, самоуважения': *Y niedla godnośći mey miły pánie, ále dla wielkiego miłosierdzia twego nierácz sobie przypominać występkow moich*. (SP XVI: t. 7, 480–483). Только с отрицательной семантикой в это время отмечаются лексические единицы *duma: Absalon wśiał w serce swe wielką o sobie dumę*. (SP XVI: t. 6, 172–173, Sl XVI–XVIII: http://sxvii.pl/index.php?strona=haslo&id_hasla=6209&forma= DUMA#6305), *hardość* (фонетический вариант *gardość*)*: hardość z grzechem* (SP XVI: t. 8, 307, Sl XVI–XVIII: http://sxvii.pl/index.php?strona= haslo&id_hasla=6093&forma=HARDO%C5%9A%C4%86#6188) и *nadętość: Buyna mysl á wzgárdzenie nádętość á prożność / A to wsytko z rozumem wierz mi wielka rozność*. (SP XVI: t. 15, 461–463). Как амбивалентное со значением 'чувство собственного достоинства' и 'чрезмерная гордость, высокое мнение о себе' выступает существительное *pycha* (Sl XVI–XVIII: http://sxvii.pl/index.php?strona=haslo&id_hasla=13146&forma=PYCHA#13465), как 'чувство собственного достоинства' и 'предмет гордости' – лексема *chwała* (SP XVI: t. 3, 354–370). Существительное *chluba* (*chłuba*) в этот период входит во все три синонимических ряда (SP XVI: t. 13, 219).

Все остальные лексемы, по всей видимости, приобретают значение 'гордость' в новопольский период (конец XVIII в. – середина XX в.). Существительное *wyniosłość* в это время было амбивалентным, но к современному периоду сохранило только один ЛСВ – 'высокое мнение о себе, высокомерие' с негативной коннотацией.

В новейший период (середина XX – XXI в.) с семантикой избыточной гордости отмечается заимствованное слово *rezon*. Ядерная лексема современного поля *duma* приобрела значение 'чувство собственного достоинства' только в XX в. Таким образом, все три синонимических ряда, начав формироваться в древнепольский период, окончательно оформились в новопольский и новейший периоды развития языка.

По словам Ж.Ж. Варбот, «основным методом систематизации семантического анализа в этимологии является ориентация на типы первичной мотивации, представленные в лексемах определенной лексической группы или лексемах с определенным значением» (Варбот 1997: 35). Анализ мотивационных особенностей единиц польского ЛСП ‘гордость’ позволил выделить следующие мотивирующие признаки:

1) ‘раздувание, надутость, увеличение в объеме’ (*duma, buta, nadętość, napuszenie, pycha*, *pyszałkowatość*);

2) ‘то, что является подходящим, ценным’ (*godność*);

3) ‘честь, почесть, уважение’ (*honor, cześć, ambicja*):

А) ‘честь, почесть, уважение’ (*honor, cześć*),

Б) ‘честолюбие’ (*ambicja*);

4) ‘высокое положение, возвышение над другими’ (*hardość, wyniosłość, zaszczyt*);

5) ‘превосходство над окружающими вследствие ментальной деятельности’ (*rezon, zarozumiałość, zarozumialstwo*);

6) ‘украшение, красота, внешняя привлекательность’ (*ozdoba, splendor*);

7) ‘выражение похвалы, заслуг, славы’ (*chwała, sława, chluba*):

А) ‘восприятие похвалы с помощью слуха’ (*sława*),

Б) ‘произнесение, внешнее выражение похвалы’ (*chwała, chluba*);

8) ‘значимость, вес’ (*ważniactwo*).

Наиболее частотной среди представленных схем семантического развития является модель № 1 ‘надутость, увеличение в объеме’ > ‘гордость’. В основном лексемы, созданные по этой модели, имеют в современном польском литературном языке отрицательную коннотацию (*buta, pycha*, *pyszałkowatość, nadętość, napuszenie*). Исключение составляет ядерная единица поля *duma*. Скорее всего, эта лексема приобрела семантику гордости по данной модели: ‘дуть’ > ‘надуваться, увеличиваться в объеме’ > ‘раздуваться от гордости, гордиться’, ср. русские однокорневые образования в ступени **dъm- надменный, надменность* (ЭССЯ 1974–2014: 155–156).

Слово *duma* только в последнее время приобрело положительную оценку гордости и статус ядра анализируемого ЛСП в польском языке, возможно, вследствие контаминации с ментальной семантикой, ср. польское устаревшее существительное *duma* ‘размышление’, глагол *dumać* ‘думать, мечтать’. В этимологических исследованиях существует также гипотеза о первичности ментального значения ядерной лексемы *duma* для семантики гордости (Brückner 1974: 103, Boryś 2011:

38–40). Ряд исследователей (Ф. Миклошич, Э. Бернекер, А. Брюкнер, М. Фасмер и др.) рассматривают слово *duma* как заимствование с ментальной семантикой из германских языков, ср. гот. *dōms* ‘смысл, суждение’ (ЭССЯ 1974–2014: 155–156, Brückner 1974: 103, Miklosich 1886: 52, Berneker 1908: t. 1, 237, Фасмер 2004: 552), что опровергают С. Младенов, В.В. Мартынов, И. Шуман, Г. Якобсон и другие исследователи, возражая против заимствованного характера происхождения данной лексемы (ЭССЯ 1974–2014: 155–156, Boryś 2011: 38–40).

Лексемы *pycha*, *wyniosłość* и *chluba* колебались в оценке гордости. *Pycha* и *chluba* изначально характеризовали чрезмерную гордость негативно, затем имели амбивалентную оценку, на современном этапе слово *pycha* вновь используется только в отрицательном значении, возможно, под влиянием своей внутренней формы, существительное *chluba* употребляется только в значении ‘предмет гордости’. Слово *wyniosłość* от амбивалентной характеристики пришло к негативной оценке чрезмерной гордости в современном польском языке.

Язык и культура каждого народа формируются не изолированно, но также и под влиянием языков и культур других этносов. Основная часть исследуемых единиц поля является исконными, заимствованный характер имеет только ряд слов-латинизмов: *ambicja, honor, splendor, rezon* – из франц. *raison* ‘повод, причина’ от лат. *ratio, ōnis f* ‘разум, расчет’ (SWO: 818). Таким образом, характеристики ментальной деятельности, внешней привлекательности, уважения были настолько важными и устойчивыми для формирования польского понятия «гордость», что заимствования актуализировали те же мотивирующие признаки, что и исконные единицы.

Итак, гордость в польской культуре во все периоды развития оценивалась как понятие, имеющее двойственную оценку в зависимости от степени проявления качества в поведении субъекта. Важнейшее влияние на формирование данного понятия оказала христианская религия, согласно которой гордость, гордыня – грех. Вероятно, поэтому с древнепольского периода по настоящее время наибольшее выражение в языке получила именно чрезмерная гордость, высокомерие, что выражается большим количеством лексем СР-2: 12 существительных из 22 входят в СР-2. Наряду с этим появление положительной семантики у ядерной лексемы *duma*, увеличение единиц СР-3 ‘предмет гордости’ свидетельствуют и о важности понятия «гордость» как чувства собственного и национального достоинства в современной польской картине мира.

ЛИТЕРАТУРА

Березович 2004 - *Березович Е.Л.* К этнолингвистической интерпретации семантических полей // Вопросы языкознания. 2004. № 6. С. 3–24.

Варбот 1997 - *Варбот Ж.Ж.* К этимологии слов со значением ‘быстрый’. III. Этимология 1994–1996. М.: Наука, 1997. С. 35–46.

Варбот 1995 - *Варбот Ж.Ж.* Морфо-семантическое поле лексемы в этимологическом словаре и возможности его реконструкции // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 54, № 4. М., 1995. С. 60–65.

Варбот 2013 - *Варбот Ж.Ж.* Опыт историко-этимологического исследования лексико-семантических полей в семинаре по русской этимологии // Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии : материалы междунар. науч. конф. (Москва, 26–28 ноября 2013 г.). М., 2013. С. 53–56.

Гак 1998 - *Гак В.Г.* Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.

Дронова 2014 - *Дронова Л.П.* Методика диахронического исследования и когнитивный подход к языку. Статья 2 // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 2 (28). С. 16–24.

Дубина 2011 - *Дубина Л.В.* «Honor» и «гонор»: историческое представление о польском национальном характере в русской языковой картине мира // Преподавание русского и польского языков с использованием технологии диалога культур. Томск: Изд-во ТГПУ, 2011. С. 28–33.

Кузнецова 2010 - *Кузнецова О.А.* Особенности мотивации лексических единиц со значением ‘гордость’ (на материале русских диалектов) // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики: материалы конф. молодых ученых / Под ред. А.А. Казакова. Томск: Том. гос. ун-т, 2010. С. 124–126.

Кузнецова 2013 - *Кузнецова О.А.* Мотивационная структура лексико-семантического поля ‘гордость’ в древнерусском языке // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 375. С. 26–29.

Малахова 2009 - *Малахова С.А.* Личностно-эмоциональные концепты «гордость» и «стыд» в русской и английской лингвокультурах: дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 253 с.

Полонская 2010 - *Полонская О.Ю.* Эмоционально-этические концепты Pride и Humiliation в английском языковом сознании: дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2010. 171 с.

Попова 2007 - *Попова Н.В.* Отражение саморефлексии человека в британской лингвокультуре: на примере концепта «гордость»: дис. … канд. филол. наук. М., 2007. 201 с.

Санников 2006 - *Санников А.В.* Самооценка человека в русской языковой картине мира: дис. … канд. филол. наук. М., 2006. 170 с.

Толстая 2002 - *Толстая С.М.* Мотивационные семантические модели и картина мира // Русский язык в научном освещении. 2002. № 1 (3). С. 112–127.

Толстая 2003 - *Толстая С.М.* Семантическая реконструкция и проблема синонимии в праславянской лексике // Славянское языкознание. 2003. С. 549–563.

Толстик 2004 - *Толстик С.А.* Семантическое поле ‘худой’ в русском языке: эволюция концепта: дис. … канд. филол. наук. Томск, 2004. 230 с.

Трубачёв 2004 - *Трубачев О.Н.* Этимологические исследования и лексическая семантика // О.Н. Трубачёв. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. М., 2004. Т. 1. С. 64–98.

Фасмер 2004 - *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. 2-е изд., стереотип. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. М.: Астрель: ООО «Издательство АСТ», 2004. Т. 1.

ЭССЯ 1974–2014 - Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / Ред. О.Н. Трубачёв. М.: Наука, 1974–2014. Вып. 5.

Berneker 1908 - *Berneker E.* Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908. Lief. 1–9.

Boryś 2011 - *Boryś W.* Najstarsza słowiańska leksyka intekektualna // Linguistica Copernicana. 2011. № 1 (5). S. 33–51.

Brückner 1974 - *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1974. 805 s.

EI - Encyklopedia internetowa, Słowniki online. URL: http://www.edupedia.pl

Jakubowicz 2011 - *Jakubowicz M.* Drogi słów na przestrzeni wieków. Zarys słownika motywacji semantycznych na materiale przymiotników odziedziczonych z prasłowiańszczyzny. Warszawa: Slawistyczny ośrodek wydawniczy, 2011. 384 s.

Krótki 2011/3 - *Krótki Z. Pycha* a *mądrość*. Polskie leksemy z rdzeniem *–mądr-:-mędr-* // Kwartalnik Językoznawczy. 2011. № 3 (7). S. 2–11. URL: http://www.kwartjez.amu.edu.pl

Linde - *Linde S.B.* Słownik języka polskiego. Warszawa: Drukarnia XX, 1807–1814. T. 1–4.

Miklosich 1886 - *Miklosich F.* Etymologisches wörterbuch der slavischen sprachen. Wien: Wilhelm Braumüller, 1886. 289 c.

NKJP - Narodowy Korpus Języka Polskiego. URL: http://www.nkjp.pl

Rygorowicz-Kuźma 2011 - *Rygorowicz-Kuźma A.* Duma – cnota czy grzech? O leksemach *гордость* і *гордыня* w słownikach języka rosyjskiego // Studia wschodniosłowiańskie. Białystok, 2011. T. 11. S. 251–258.

SJP - Słownik języka polskiego. URL: http://sjp.pwn.pl

SJP 2007 - Słownik języka polskiego. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2007. 1357 s.

SP XVI - Słownik polszczyzny XVI wieku. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; PAN, 1956–2012. T. 1–36.

SS - Słownik staropolski. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; PAN, 1953–2002. T. 1–11.

SSyn - Słownik synonimów**.** URL: Slownik synonimow http://synonim.net/synonim

SSP - Słownik synonimów polskich. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2000. 930 s.

Sl XVI–XVIII - Elektroniczny słownik języka polskiego XVII i XVIII wieku; PAN, Instytut języka polskiego**.** URL: http://sxvii.pl

SWB - Słownik wyrazów bliskoznacznych. Warszawa Wydawnictwo: Wiedza Powszechna, 1998. 846 s.

SWO - Słownik wyrazów obcych. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN. 2008. 1068 s.

WSPRRP - Wielki Słownik Polsko-Rosyjski, Rosyisko-Polski / Pod redakcją S. Chwatowa, M. Timoszuka. Warszawa: Wydawnictwo REA, 2008. 1721 s.

WSRP - Wielki Słownik Rosyisko-Polski. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN. 2009. 937 s.

REFERENCES

PWN Publishing House. (2009) *Wielki Słownik Rosyisko-Polski* [The Big Polish-Russian Dictionary]. Warsaw: Wydawnictwo Naukowe PWN.

Berezovich, E.L. (2004) K etnolingvisticheskoy interpretatsii semanticheskikh poley [To ethno-linguistic interpretation of semantic fields]. *Voprosy yazykoznaniya*. 6. pp. 3-24.

Varbot, Zh.Zh. (1997) K etimologii slov so znacheniem 'bystryy' [To the etymology of words with meaning 'quick']. In: Varbot, Zh.Zh. (ed.) *Etimologiya 1994–1996* [Etymology 1994–1996]. Moscow: Nauka. pp. 35-46.

Varbot, Zh.Zh. (1995) Morfo-semanticheskoe pole leksemy v etimologicheskom slovare i vozmozhnosti ego rekonstruktsii [The morpho-semantic field of lexeme in the etymological dictionary and the possibility of its reconstruction]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. 54(4). pp. 60-65.

Varbot, Zh.Zh. (2013) The historical and etymological study experience of lexical-semantic fields in a seminar of Russian etymology. *Slavyanskie yazyki i literatury v sinkhronii i diakhronii* [The Slavic languages and literature in synchrony and diachrony]. Proc. Of the International Research Conference. Moscow. 26th – 28th November. Moscow. pp. 53-56. (In Russian).

Gak, V.G. (1998) *Yazykovye preobrazovaniya* [The language conversions]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

Dronova, L.P. (2014) Technique of diachronic research and cognitive approach to language. Article II. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 2(28). pp. 16-24. (In Russian).

Dubina, L.V. (2011) "Honor" i "gonor": istoricheskoe predstavlenie o pol'skom natsional'nom kharaktere v russkoy yazykovoy kartine mira ["Honor" and "gonor": historical presentation of the Polish national character in the Russian language picture of the world]. In: Nikienko, I.V. & Orlova, O.V. (eds) *Prepodavanie russkogo i pol'skogo yazykov s ispol'zovaniem tekhnologii dialoga kul'tur* [Teaching

Russian and Polish using the technology of the dialogue of cultures]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University. pp. 28-33.

Kuznetsova, O.A. (2010) [The specifics of motivation of lexical units with a meaning of 'pride' (a case study of Russian dialects]. *Aktual'nye problemy literaturovedeniya i lingvistiki* [Topical Issues of Literature and Linguistic Studies]. Proc. of the Youth Research Conference. Tomsk. pp. 124-126. (In Russian).

Kuznetsova, O.A. (2013) Motivational structure of lexical-semantic field "pride" in the Old Russian language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 375. pp. 26-29. (In Russian).

Malakhova, S.A. (2009) *Lichnostno-emotsional'nye kontsepty "gordost'" i "styd" v russkoy i angliyskoy lingvokul'turakh* [The personal-emotional concepts of "pride" and "shame" in the Russian and English linguistic culture]. Abstract of Philology Cand. Diss. Volgograd.

Polonskaya, O.Yu. (2010) *Emotsional'no-eticheskie kontsepty Pride i Humiliation v angliyskom yazykovom soznanii* [The emotional and ethical concepts "Pride" and "Humiliation" in the English linguistic consciousness]. Philology Cand. Diss. Irkutsk.

Popova, N.V. (2007) *Otrazhenie samorefleksii cheloveka v britanskoy lingvokul'ture: na primere kontsepta "gordost'"* [The human self-reflection in the British linguistic culture: a case study of the concept "pride"]. Philology Cand. Diss. Moscow.

Sannikov, A.V. (2006) *Samootsenka cheloveka v russkoy yazykovoy kartine mira* [The self-esteem of man in the Russian language picture of the world]. Philology Cand. Diss. Moscow. .

Tolstaya, S.M. (2002) Motivatsionnye semanticheskie modeli i kartina mira [The motivational semantic models and the picture of the world]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 1(3). pp. 112-127.

Tolstaya, S.M. (2003) Semanticheskaya rekonstruktsiya i problema sinonimii v praslavyanskoy leksike [The semantic reconstruction and the problem of synonyms in Slavonic vocabulary]. In: *Slavyanskoe yazykoznanie* [Slavic linguistics]. Moscow. pp. 549-563.

Tolstik, S.A. (2004) *Semanticheskoe pole 'khudoy' v russkom yazyke: evolyutsiya kontsepta* [The semantic field 'khudoy' in Russian: the evolution of the concept]. Philology Cand. Diss. Tomsk.

Trubachev, O.N. (2004) *Trudy po etimologii. Slovo. Istoriya. Kul'tura* [Works on Etymology. Word. History. Culture]. Vol. 1. Moscow: Litres. pp. 64-98.

Fasmer, M. (2004) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [The Etymological Dictionary of the Russian language]. 2nd. ed. Vol. 1 – 4. Translated from German by O.N. Trubachev. Moscow: Astrel', AST.

Trubachev, O.N. (1974 – 2014). *Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond* [The Etymological Dictionary of Slavic languages: the Proto-Slavic lexical fund]. Moscow: Nauka.

Berneker, E. (1908) *Slavisches etymologisches Wörterbuch* [The Slavonic etymological dictionary]. Vol. 1–9. Heidelberg: C. Winter .

Boryś, W. (2011) Najstarsza słowiańska leksyka intelektualna [The oldest Slavonic intellectual vocabulary]. *Linguistica Copernicana*. 1 (5). pp. 33-51.

Brückner, A. (1974) *Słownik etymologiczny języka polskiego* [The etymological dictionary of the Polish language]. Warsaw: Wiedza Powszechna.

Edupedia.pl. (n.d.) *Encyklopedia internetowa, Słowniki online* [Online Encyclopedia. Dictionaries Online]. [Online] Available from: http://www.edupedia.pl.

Jakubowicz, M. (2011) *Drogi słów na przestrzeni wieków. Zarys słownika motywacji semantycznych na materiale przymiotników odziedziczonych z prasłowiańszczyzny* [The words in the space of centuries ways. Outline dictionary semantic motivation adjectives material inherited from the Proto-Slavic language]. Warsaw: Slawistyczny ośrodek wydawniczy.

Krótki, Z. (2011) *Pycha* a *mądrość*. Polskie leksemy z rdzeniem *–mądr-:-mędr-* [*Pycha* a *mądrość*. Polish lexemes with the core *-mądr -*: *mędr-*]. *Kwartalnik Językoznawczy*. 3(7). pp. 2-11. [Online] Available from: http://www.kwartjez.amu.edu.pl/.

Linde, S.B. (1807–1814) *Słownik języka polskiego* [Polish Language Dictionary]. Vol. 1–4. Warsaw: Drukarnia XX.

Miklosich, F. (1886) *Etymologisches wörterbuch der slavischen sprachen* [The Etymological Dictionary of Slavic languages]. Vienna: Wilhelm Braumüller.

The Polish National Corpus. (n.d.) *Narodowy Korpus Języka Polskiego* [Polish National Corpus]. [Online] Available from: http://www.nkjp.pl.

Rygorowicz-Kuźma, A. (2011) Duma – cnota czy grzech? O leksemach *gordost'* i *gordynja* w słownikach języka rosyjskiego [Pride - virtue or sin? About the words *gordost'* and *gordynja* in dictionaries of Russian language]. *Studia Wschodniosłowiańskie*. 11. pp. 251-258.

PWN-Oxford. (n.d.) *Słownik języka polskiego* [The Polish Language Dictionary]. [Online] Available from: http://sjp.pwn.pl.

PWN-Oxford. (2007) *Słownik języka polskiego* [The Polish Language Dictionary]. Warsaw: PWN.

Mayenowa, M.R. (ed.) *Słownik polszczyzny XVI wieku* [The dictionary of the Polish language of the 16th century]. Vol. 1–36. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; PAN.

The Polish Academy of Sciences. (1953–2002) *Słownik staropolski* [The Old Polish Dictionary]. Vol. 1–11. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, PAN.

Słownik synonimów [The dictionary of synonyms]. [Online] Available from: http://synonim.net/synonim.

Słownik synonimów polskich [The dictionary of Polish synonyms]. Warsaw: Wydawnictwo Naukowe PWN.

Bańko, M. et al. (eds) *Elektroniczny słownik języka polskiego XVII i XVIII w.* [The Electronic Dictionary of the Polish language of the 17th and 18th centuries]. Warsaw: Instytut języka polskiego, PAN.

Ludwiczak, D., Piskadłowa, A. & Tarka-Huczek, E. (eds) (1998) *Słownik wyrazów bliskoznacznych* [The dictionary of synonyms]. Warsaw: Wydawnictwo, Wiedza Powszechna.

Jarosz, M. & Adamski, M. (eds) *Słownik wyrazów obcych* [The dictionary of foreign words]. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.

Chwatow, S. & Timoszuk, M. (eds) (2008) *Wielki Słownik Polsko-Rosyjski, Rosyisko-Polski* [The Great Polish-Russian, Russian-Polish Dictionary]. Warszawa: Wydawnictwo REA.

Толстик Светлана Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Национального исследовательского Томского государственного университета.

Tolstik Svetlana – Ph.D. in Philology, Associate Professor of Department of General, Slavonic-Russian and Classic Linguistics, Federal state autonomic educational institution of high education National Research Tomsk State University.

E-mail: stolstik@mail.ru

УДК 81’37
UDC
DOI: 10.17223/23451734/3/11

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ НОМИНАЦИИ ДЕЙСТВИЯ В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ

Ю.В. Филь
Томский государственный университет
Россия, 634050, Томск, ул. Ленина, 36
E-mail: 2fil@inbox.ru

Авторское резюме

Вопросы номинации человеком окружающей действительности для современного языкознания по-прежнему представляют интерес, при этом остается пристальным исследовательское внимание к славянскому глаголу, его дополнительным номинативным возможностям по сравнению с аналогичными единицами в других европейских языках, которое достигается за счет глагольных префиксов, обладающих способностью модифицировать значение глагола, обогащать его семантику. Несмотря на близкое родство русского и чешского языков, они обнаруживают значительные отличия в грамматическом и лексико-семантическом плане, в том числе в сфере глагола. В работе рассматриваются особенности обозначения действия носителями русского и чешского языка путем исследования глагольных единиц с разным типом номинации. Многоуровневая семантика славянского глагола отражает действие с учетом его различных параметров и в соответствии с разными номинативными моделями, сопоставление русских и чешских глагольных единиц позволяет выявить общее и различное в категоризации действия и принципах его языкового оформления в данных языках.

Ключевые слова: русский глагол, чешский глагол, номинация действия, семантика глагола, модификационные и мутационные значения.

ON THE DENOTATION OF ACTION IN RUSSIAN AND CZECH

Y.V. Fil
Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: 2fil@inbox.ru

Abstract
In the present paper, the issue of how different parts of reality can be designated in language is explored by addressing the Slavic verb. When compared to verb units in other European languages, the Slavic verb shows additional denotational potential, which is due to verbal prefixes that can modify the meaning of the verb and enrich its semantics. While Russian and Czech are closely related languages, they show considerable differences in grammar and lexical semantics, including those of the verb. The paper focuses on the ways an action is denoted by the speakers of Russian and Czech. By studying verbal units with different types of nomination, we discover that multi-level semantics of the Slavic verb denotes an action together with a number of parameters, and follows various nominative models. The comparison of Russian and Czech verb units allows to highlight the common and the specific features in how these languages categorize action. The comparison also helps discover the principles that govern the linguistic rendering of action in the two languages.

Keywords: Russian verb, Czech verb, denotation of action, verb semantics, modificational and mutational meanings.

Уже в XVIII в. была отмечена склонность славянского глагола к особой описательности действия, его способность не просто фиксировать действие, но и отражать в целом ситуацию, связанную с протеканием этого действия, во всех ее пространственных, временных, количественных и других аспектах. Исследовательское «очарование» славянским глаголом, прежде всего категорией вида, начавшееся еще задолго до того периода, когда данная глагольная категория и средства ее выражения были в полной мере осмыслены русскими и европейскими лингвистами (Н. Греч, С. Карцевский, М. Ломоносов, А. Мазон, А. Мейе, Н. Некрасов, Г. Павский, А. Потебня и др.), на современном этапе развития лингвистической науки сменилось пристальным вниманием к неоднозначной семантической природе глагола (Ю.Д. Апресян, А.В. Бондарко, Т.В. Булыгина,

Ю.С. Маслов, В.Г. Гак, М.Я. Гловинская, Е.С. Кубрякова, Е.В. Падучева, Е.В. Петрухина и др.).

Объектом описания в исследованиях по глаголу в разное время становились аспектуальные черты славянского (в большей мере русского) глагола, общие и частные значения видов, лексико-семантические классы глагольных единиц, глагольные словообразовательные формации, грамматические и лексические особенности глагольных префиксов, специфика функционирования глагола и т.д. Не менее значимым представляется изучение вопросов номинации действия, при котором глагол выступает словным маркером целого фрагмента действительности, находящейся в постоянном движении и требующей от носителей языка специальных средств обозначения. В этой связи обращение к сфере глагола дает возможность проследить живую динамику языка, его связь с процессами категоризации, выявить спектр номинативных языковых средств и их возможности.

Понятие номинации базируется на принципах членения человеком окружающей действительности на субстанции с характерными для них признаками и действия с их участниками и обстоятельствами. Для называния действия принципиальным представляется номинативный фокус, исходя из которого человек рассматривает действие, выделяя для себя значимые для его называния параметры: пространственные ориентиры, протяженность во времени, способ совершения / протекания, завершенность / незавершенность, степень достижения результата и т.д. Естественно, что в силу внутренних закономерностей развития в каждом языке действие обозначается по-своему (с учетом значимых для носителя языка указанных номинативных параметров), каждый язык имеет свой набор языковых моделей называния действия. При этом в близкородственных языках и параметры отражения действия, и модели его обозначения могут пересекаться. Так, в области называния действия в русском и чешском языках можно говорить об общей базе принципов номинации и в целом высокой изобразительности глагола и об отличиях на уровне способов номинации действия и их продуктивности в том или ином языке.

Прежде всего, следует отметить наличие в данных языках общего фонда слов, обозначающих первичные физические и физиологические действия, а также характерные для всех славян наименования трудовых процессов. Однако наличие общеславянского лексического ядра еще не говорит о полном тождестве формы и значения

этих единиц, область расхождения глагольной лексики русского и чешского языка крайне значительна, при этом отдельные единицы и даже группы единиц специфичны именно в силу особенностей называния действия в том и ином языке.

Так, например, плетение у славян возникло, прежде всего, в районах рек и озер, где в достатке имелся соответствующий природный материал, наблюдалась потребность в плетеных изделиях (рыболовных снастях, ловушках для зверей и птиц и т.д.). В зависимости от назначения плетения варьировались «состав» действия, его ход, способ, орудия. Для номинации этого простейшего действия оказывались важны не только признак или элемент структуры действия, легшие в основу названия, но и способ его представления носителем языка, определивший впоследствии сферу референции языковых единиц. Реалия плетения представлена в славянских языках глаголами, большинство из которых функционируют с общеславянского периода: *vezati, *viti, *plesti. Их аналогами в русском и чешском языках являются следующие единицы: русский глагол *вязать* / чешский *vázat* (связывать книги), *plést* (вязать чулки); русский глагол *вить* / чешский v*ít*; русский глагол *плести* / чешский *plést*. Далее список глаголов плетения относительно равномерно пополнялся в русском и чешском языках: *штопать / štupovat, štepovat*, *вязать / háčkovat* («вязать крючком»), *paličkovat* («вязать с помощью коклюшек») и т.д.

Однако наличие в рассматриваемых языках общих единиц, отражающих процесс плетения, оборачивается принципиальными различиями в номинативных особенностях перечисленных глаголов. Большинство русских единиц не маркированы по объекту и инструменту действия, их содержание соотносимо с ситуациями оперирования разным объектом, посредством разного инструмента: *плести* (косы, лапти, туеса, кружево) с использованием в качестве инструмента рук либо крючка; *вязать* (шарф, кружево) с использованием спиц либо крючка. В чешском языке аналогичные глаголы различают действия с соответствующим объектом и инструментом: ситуация заплетания косы фиксируется чешским глаголом *zaplétat* cop, vlasy, ситуацию плетения / вязания кружева называет глагол *paličkovat* krajky, для обозначения ситуации вязания спицами используется глагол *plést*, ситуации вязания крючком – глагол *háčkovat*. Таким образом, в чешском языке отмечается более жесткая специализация глагольных единиц на номинации определенного типа действия, «привязанного» к соответствующей единице. Номинативный потенциал русских единиц

с семантикой плетения представляется более широким, в результате чего одной единицей можно обозначить несколько ситуаций.

Отметим и несовпадение номинативного потенциала отдельных глаголов плетения. Так, при сравнении русского глагола *вязать* и чешского *vázat* («связывать, вязать снопы», «переплетать книги», «повязывать галстук») видно, что значения последнего лежат в области семантики соединения объектов, а не вязания как такового, как в русском языке. Аналогичное несовпадение наблюдается у русского глагола *плести* и чешского *plést* («плести», «вязать»): русский глагол не имеет значения «вязать», между русскими единицами *плести* и *вязать* отмечается дифференциация номинативного потенциала.

Заметим, что одной из особенностей глагольной номинации в чешском языке является более продуктивная (по сравнению с русским) модель называния действия по предмету, выступающему инструментом / объектом действия. В качестве иллюстрации данной особенности, помимо рассмотренных выше глаголов *háčkovat* от *hácek* (вязальный крючок), *paličkovat* от *palička* (палочка, коклюшка), могут выступить единицы *kartáčovat* («чистить щеткой») от *kartáč* (щетка); *čmárat* («писать криво, каракулями») от *čmára* (черта), *lyžovat* («ходить на лыжах») от *lyže* (лыжа) и т.д. Такая модель обозначения действия, по всей видимости, менее характерна для русского глагола (исключение составляют русские глаголы покрытия, например, *пудра – пудрить*).

Продолжая сравнение русских и чешских глаголов плетения, отметим различие в их префиксальных производных: русские глаголы *вплести, выплести, заплести, наплести, оплести, отплести(сь), переплести(сь), расплести(сь), сплести(сь)*; чешские единицы *vplést, zaplést, naplést, oplést, proplést (se), přeplést, rosplést (se), splést (se), uplést*. Как видим, в русском и чешском языках полного соответствия в инвентаре глагольных префиксов, участвующих в образовании данных единиц, нет. Кроме того, не всегда наблюдается и семантическое соответствие русских и чешских приставок, несмотря на их генетическое родство; это же относится и к неравномерной деривационной активности префиксов в двух языках. Однако зоной наибольших различий между языками является сфера формирования модификационных и мутационных значений префиксальных единиц.

Не меньшей дискуссионностью, чем определение инвариантного значения совершенного вида и описание его частных значений, отличалось исследование производной глагольной номинации в

славянских языках. Работы Ю.Д. Апресяна, М. Докулила, Л.А. Вараксина, А.В. Исаченко, С. Карцевского, Е.В. Петрухиной, З. Скоумаловой, П.А. Соболевой, М.А. Шелякина и других исследователей представляют богатую историю описания модификационного и мутационного типов номинации действия, поиска критериев разграничения данных значений, в качестве которых предлагались сравнение валентностей исходного и производного глаголов, толкование их значений, сравнение лексико-синтаксической сочетаемости производящего и производного слов и т. д. В результате к модификационному типу были отнесены темпоральные и квантитативные глагольные значения, в то время как локативные значения признаны мутационными. В славянских языках в сфере префиксального глаголообразования наиболее частотными считаются модификации (Петрухина 2000). Однако ряд значений, находящихся на пересечении указанных типов, так и не был однозначно классифицирован исследователями: например, значение глагола *добежать* (до леса) с точки зрения обозначаемой им внутренней законченности действия может быть истолковано как модификационное, а с точки зрения его пространственного ориентира – как мутационное.

Сложная многоуровневая и многоаспектная семантика славянского глагола не всегда поддается однозначной интерпретации ее номинативной (модификационной и мутационной) направленности. Представляется необходимым обращение в этом вопросе к анализу глубинной семантической структуры глагола. В этом случае мутационное и модификационное значения считаются противопоставленными по направленности и степени сложности номинации: мутация, в отличие от модификации, предполагает не корректировку исходного значения глагола, а создание на базе него «сложной номинации, не только называющей новую ситуацию, но и выражающей связь между ней и исходным действием» (Петрухина 2000: 118–119). Такая номинация формируется на базе обозначения двух (и более) ситуаций (Петрухина 1996, Лебедева 1999, Петрухина 2000, Королева 2003), когда на денотативном уровне имеет место совмещение двух и более событийных пропозиций в структуре глагола: *проспать* поезд (одновременно спать и ждать поезд, в итоге не достигнуть результата ожидания), *выплакать* игрушку (одновременно плакать и желать игрушку, целенаправленно добиваясь ее плачем) и т. п. При этом при модификации приставка «отвечает» за обозначение параметров исходного действия (фазовых, количественных и др.), а при мутации

приставка выражает само действие, в то время как исходный глагол уточняет способ его совершения.

Обращаясь к материалу русских и чешских глаголов, естественно предположить, что в каждом из рассматриваемых языков имеется определенный набор моделей номинации действия, которые могут быть сходными или идентичными в этих языках (в силу их генетического общности), а могут быть специфическими для каждого языка. Сходство языков, как правило, проявляется в моделях, по которым образуются модификационные значения (различия между языками будут касаться продуктивности той или иной модели, того или иного префикса-модификатора). В сфере мутации, более редкой для номинации действия, могут отмечаться отдельные единицы или целые группы единиц, созданные по моделям, не характерным для другого языка. Для подтверждения данного утверждения обратимся к анализу русских и чешских глаголов с префиксами OT- и OD-, которые являются деривационно активными в рассматриваемых языках.

Исследователи отмечают, что основным, исходным значением префикса OT- является пространственное значение «отдаление от известной точки», которое реализуется главным образом с глаголами перемещения (Волохина, Попова 1993). Однако при взаимодействии с глагольными основами приставка трансформирует свою семантику и в русском, и в чешском языках, круг значений приставки широк и представляет собой определенную иерархическую систему, представленную как конкретными (начиная от пространственного), так и абстрактными значениями. Представляется возможным, что данный славянский префикс способен выступать и в качестве мутационного.

При сопоставлении рассматриваемых префиксальных глаголов чешского и русского языка выделяются несколько групп соответствий: чешскому глаголу с префиксом OD- соответствует русский глагол с префиксом OT-, чешскому глаголу с префиксом OD- соответствует русский глагол с другим префиксом, чешскому / русскому глаголу соответствует аналитическое образование. Охарактеризуем каждый из случаев.

Условно объединим в первую группу глаголы, в которых значения префиксов OD- / OT- и соответственно глаголов коррелируют друг с другом. Это следующие значения.

1. Удаление, отдаление, отстранение от кого-либо, чего-либо (*odklonit se* / *отклониться*, *odjet* / *отъехать*, *odkládat* / *откладывать* в сторону).

2. Удаление, отделение от предмета его части или же другого предмета, ранее тесно с ним связанного (*odhryznout / отгрызть*, *odervat / оторвать*, *odkousnout / откусить*).

В группе глаголов с данным значением приставки есть блок чешских единиц, образованных по особой номинативной модели от существительного, маркирующего объект действия: *odblanit / очистить* от пленок и жил (мясо) (*blána* – пленка, перепонка); *odhmyzit / очистить* от насекомых (*hmyz* – насекомое); *odplevelit / очистить* от сорняков, *прополоть* (*plevel* – сорняк). В результате подобной номинации происходит семантическая трансформация имени в глагол при сохранении общей семантики глагольного префикса; производная единица может быть отнесена к мутационному типу деривации. Как указывалось выше, в отличие от русского языка, в чешском языке модель номинации действия по предмету крайне продуктивна.

3. Ответное действие (*odepisovat / отвечать на письмо*, *odbrouknout / буркнуть в ответ*). Подобные единицы, по всей видимости, не могут считаться модификационными, так как в их семантической структуре наблюдаем указание на скрытую ситуацию первоначального действия, потребовавшего ответного, а также несовпадение логических / семантических валентностей глагола и целевой перспективы исходного и производного действий: Субъект № 1 написал письмо + Субъект № 2 ответил на него. Глаголы с этим значением находятся ближе к зоне мутационных значений.

4. Завершение и прекращение действия (*odkvest / отцвести*, *odehrat / окончить играть, отыграть*, *odeznit / отзвучать*).

5. Избавление от чего-либо, устранение чего-либо (*odnaučit / отучить*, *odeprát / отстирать*). В этой группе глаголов отмечаются единицы с аналогичным значением приставки, но не имеющие в русском языке эквивалентов с префиксом ОТ-. В русском языке им соответствуют русские глаголы с префиксом ОБЕЗ-: *odbarvit / обесцветить*, *odkrvit / обескровить*, *odmastit / обезжирить*.

Завершают данную группу глаголы совершенного вида с оттенком интенсивности действия или с оттенком тщательности выполнения (*odfiltrovat / отфильтровать*, *odbubnout / пробарабанить*, *odkapat / стечь каплями*).

Как показывает анализ, большинство параллельных форм с префиксами ОТ- и OD- в русском и чешском языках квалифицируются как модификационные (прежде всего, указанные значения 1, 2, 4, частично 5), т. е. корректирующие действие при его назывании и ха-

рактеризующиеся как временные, количественные, результативные вариации исходного действия, при которых целевая перспектива исходного и производного действий, их логические и семантические валентности совпадают, скрытых дополнительных пропозиций в семантической структуре единицы не выделяется. Мутационные модели в данной группе являются единичными (чешские глаголы типа *odplevelit*; русские и чешские единицы типа *odepisovat / отвечать на письмо*).

Ко второй группе соответствий следует отнести глаголы, в которых чешский префикс OD- устойчиво выступает в значении, аналогичном значению русского префикса РАЗ- (или его заимствованного синонима ДЕ-). Это значение – «уничтожение результата ранее произведенного действия, обратного действия»: *odličit / разгримировать*, *odmrazit / разморозить*, *odmontovat / демонтировать*, *odmořit / дегазировать*. С учетом целевой перспективы исходного и производного глагола, которая меняется на противоположную, эти единицы следует квалифицировать как относящиеся к мутационному типу номинации. В русском языке глаголы с приставкой ОТ- в подобном значении отсутствуют.

Третью группу единиц составляют глаголы, не имеющие параллельных соответствий в сопоставляемых языках. Так, русские глаголы с префиксом ОТ- (и постфиксом -СЯ) со значением «уклонения от чего-либо» имеют следующие эквиваленты в чешском языке: *отговориться / vymluvit se; отписаться/* –, но *отписка / formální odpověď; открещиваться* от чего-либо / *všemožně se branit, bránit se zuby; открещиваться от кого-либо / zříkat se; отмалчиваться / zachovat mlčení*. Мутационность данной модели подтверждает изменение целевой перспективы префиксальных глаголов: производящие глаголы (в отличие от производных) *молчать, писать, говорить* не имеют своей целью уклониться от чего-либо. Приведенные примеры показывают, что чешскому языку не свойственна данная модель номинации, так как в качестве аналогов русских глаголов выступают разнородные единицы, в большинстве своем несловные образования.

Также необходимо отметить, что русский и чешский языки отличаются наличием в чешском языке значительного количества аналитических единиц, большей продуктивностью подобной модели номинации действия в данном языке (прежде всего, это глаголы качественного и эмоционального состояния – *zůstávat stát* («стать застывшим») / *замирать, mít starost* («иметь опасение») / *беспокоиться* и др.). Степень

идиоматичности подобных единиц, их формально-семантическая структура и продуктивность моделей, по которым они образуются, значительно варьируются (с одной стороны, *mít rád / любить, mít starost / беспокоить(ся), být nemocen / болеть,* с другой стороны, *stávat se veselým / веселеть, přestat milovat / разлюбить*). Активное использование подобных аналитических моделей обозначения действия в чешском языке поддерживается использованием глагольной связки в формах настоящего и прошедшего времени, морфологически выраженной категорией результативного состояния (*Mám uklízeno. У меня убрано*), что не характерно для русского языка. Отметим, что в русском языке аналитическим формам соответствуют однословные глаголы, при наличии подобной аналитической русской единицы она рассматривается как описательная, имеющая иную стилистическую маркированность и не единственная в обозначении соответствующего действия (для сравнения: *беспокоиться – иметь опасение*).

Далее обратимся к другой мутационной модели, представленной группой рассматриваемых русских глаголов с префиксом ОТ- в значении «доведение продолжительным / интенсивным действием до потери чувствительности»: *отсидеть, отлежать* (ногу). В чешском языке им соответствуют глаголы с префиксом PŘE- *přesedět si, přeležet si* (nohu). Как в русском, так и в чешском языке наблюдается мутация исходного значения глагола, но происходит она на принципиально разных основаниях, указывающих на разное представление данного действия носителями этих языков. В русском языке акцентируется значение приставки ОТ- «отделение части от целого» и на первый план выводится результат действия: «ноги, которую отсидели / отделили от туловища, как будто нет». В чешском языке в коммуникативном фокусе оказывается процесс, приведший к данному результату, и акцент делается на приставке PŘE- со значением чрезмерности, излишней интенсивности действия: слишком долгое сидение на ноге приводит к ее онемению: «ногу как будто пересидели». Данные единицы показывают, как определенное смысловое содержание осмысляется и передается по-разному даже в близкородственных языках. Кроме того, на примере указанных глаголов демонстрируется особая функция префикса (соответственно ОТ- и PŘE-) в трансформации глагольной семантики в обоих языках.

Таким образом, проведенный сопоставительный анализ семантики русских и чешских глаголов дает возможность сделать следующие выводы.

В целом общая направленность русской и чешской номинации действия представляется совпадающей, однако генетическое родство языков не делает модели номинации, их продуктивность и единицы, образованные по этим моделям, абсолютно идентичными в рассматриваемых языках. В русской и чешской глагольной номинации можно отметить существенные формальные и содержательные различия, которые касаются, прежде всего, формальной выраженности того или иного значения: глаголом с аналогичным славянским префиксом, глаголом с иным префиксом в синонимичном значении, аналитическим образованием. При этом аналитические конструкции при назывании действия в чешском языке значительно преобладают по сравнению с русским языком. Даже при формальном совпадении русских и чешских глаголов наблюдаются их различия в номинативном потенциале, обусловленные тем, что чешский глагол в сравнении с русским характеризуется более выраженной маркированностью объекта и орудия действия в семантической структуре.

Сходство рассматриваемых русских и чешских глаголов (как и глагольных систем в целом) заключается в наличии общей тенденции к преобладающему количеству единиц модификационного типа номинации, как правило, идентичных в рассматриваемых языках. Русские и чешские глагольные приставки могут использоваться в мутационных моделях, которые чаще, чем модификационные, оказываются специфическими для каждого языка.

ЛИТЕРАТУРА

Волохина, Попова 1993 - *Волохина Г.А., Попова З.Д.* Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1993. 196 с.

Королева 2003 - *Королева Ю.В.* Полипрефиксальные глаголы в русском языке: дис. … канд. филол. наук. Томск, 2003. 262 с.

Лебедева 1999 - *Лебедева Н.Б.* Полиситуативность глагольной семантики (на материале русских префиксальных глаголов). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 262 с.

Петрухина 1996 - *Петрухина Е.В.* Производная глагольная номинация: модификация и мутация (на материале русского и западнославянских языков) // Вестник МГУ. Филология. 1996. № 6. С. 42–55.

Петрухина 2000 - *Петрухина Е.В.* Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М.: Изд-во МГУ, 2000. 256 с.

REFERENCES

Volohina, G.A. & Popova, Z.D. (1993) *Russkie glagol'nye pristavki: semanticheskoe ustroystvo, sistemnye otnosheniya* [Russian verbal prefixes: semantics, system relations]. Voronezh: VSU.

Koroleva, Ju.V. (2003) *Poliprefiksal'nye glagoly v russkom yazyke* [Poliprefiksalnye verbs in the Russian language]. Philology Cand. Diss. Tomsk.

Lebedeva, N.B. (1999) *Polisituativnost' glagol'noy semantiki (na materiale russkikh prefiksal'nykh glagolov)* [Polisituation of verbal semantics (based on the Russian prefixed verbs)]. Tomsk: Tomsk State University.

Petrukhina, E.V. (1996) Proizvodnaya glagol'naya nominatsiya: modifikatsiya i mutatsiya (na materiale russkogo i zapadnoslavyanskikh yazykov) [The derived verbal nominations: modification mutation (based on Russian and West Slavic languages)]. *Vestnik MGU. Filologiya – Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*. 6. pp.42-55.

Petrukhina, E.V. (2000) *Aspektual'nye kategorii glagola v russkom yazyke v sopostavlenii s cheshskim, slovatskim, pol'skim i bolgarskim yazykami* [Aspect categories of the verb in Russian in comparison with Czech, Slovak, Polish and Bulgarian languages]. Moscow: Moscow State University.

Филь Юлия Вадимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета.

Fil Yulia – Ph.D. of Philology, Associate Professor of the General, Slavonic-Russian Linguistics and Classical Philology Department of National Research Tomsk State University.

E-mail: 2fil@inbox.ru

УДК 81’23 : 81
UDC
DOI: 10.17223/23451734/3/12

ВОСПРИЯТИЕ РУССКОГО КИНОТЕКСТА РУССКИМ И ИНОКУЛЬТУРНЫМ РЕЦИПИЕНТАМИ

Т.А. Винникова
Омский государственный технический университет
Россия, 644050, г. Омск, пр. Мира 11
E-mail: vitalexa@rambler.ru
SPIN-code: 9230-0604
ORCID ID: 0000-0001-5865-1023
Researcher ID: D-4587-2015

Авторское резюме

В статье исследуется детерминированность смыслопорождающих механизмов понимания кинотекста культурными кодами сознания реципиента. В силу того, что реализуемые кинотекстом коды могут быть расшифрованы получателем кинематографического сообщения максимально приближено к замыслу отправителя при условии включенности всех участников коммуникации (продуцент – текст – реципиент) в единый культурный контекст, то при восприятии инокультурного кинотекста возможна нулевая рецепция кинематографических кодов или замена их кодами своей культуры, поскольку возникает необходимость адаптации образов другого национального сознания. Лингвокультурная принадлежность является важной смыслопорождающей категорией, определяющей формирование ментальной репрезентации содержания кинотекста.

Ключевые слова: кинотекст; понимание текста; лингвокультура; реципиент.

THE PERCEPTION OF RUSSIAN CINEMATEXT BY RUSSIAN AND NON-RUSSIAN RECIPIENTS

T. A. Vinnikova
Omsk State Technical University
11 Mira Avenue, Omsk 644050, Russia
E-mail: vitalexa@rambler.ru

Abstract
The paper studies the dependance of cinematext understanding mechanisms on the recipient cultural codes. Due to the fact that the cinematic codes can be decrypted by the cinematic message recipient as close as possible to the sender intention if all communication members (the producer – the text – the recipient) are included into one cultural context, then zero cinematic codes perception is possible for other culture recipient or replacing different culture codes into his own culture codes, as there is a need to adapt the patterns of another national consciousness. Linguoculture belonging is an important meaning-category for the formation of the cinematext content mental representation.

Keywords: cinematext; text understanding; linguoculture; recipient.

Восприятие и понимание текста во многом определяются предшествующим знанием и осуществляются с опорой на концептуальную систему реципиента, которая воспринимает и структурирует поток информации. Понимание зависит от включенного в контекст индивидуального и социального опыта реципиента, поскольку он непосредственно связан с концептуальной системой индивида и определяет ее специфику. В силу того, что понимание представляется как процесс, строящийся на взаимодействии концептуальных систем индивидов (продуцента и реципиента), в психолингвистике признается, что, чем больше общность последних, тем адекватнее понимание (Пищальникова 2002: 145).

В случае принадлежности автора текста и воспринимающего индивида к одной лингвокультуре, можно ожидать меньшего расхождения в ментальных репрезентациях текста продуцента и реципиента в отличие от ситуации понимания инокультурного текста. В последнем случае автор и воспринимающий индивид оказываются носителями

разных культур, в связи с чем возникает необходимость адаптации образов другого национального сознания на базе имеющихся знаний и представлений, сформировавшихся в родной культуре. Задача по осмыслению текста усложняется, поскольку требует от иноязычных реципиентов не только сформированных лингвистической, лингвокультурологической и коммуникативной компетенции, но и приобщения к иному национальному сознанию (Тер-Минасова 2000: 101). Из этого следует, что «необходимо, чтобы в когнитивной системе индивида были выстроены вторичные когнитивные конструкции — значения, соотносимые со знаниями о мире представителей другой лингвокультурной сообщности» (Гальскова: 2007: 24).

Предполагается, что одной из форм выражения национального сознания и частью национальной культуры являются кинематограф и продуцируемые им кинотексты, поскольку кино как вид искусства отражает специфические черты менталитета народа, его национальные ценности и модели поведения.

В ходе данного исследования были рассмотрены особенности формирования ментальной репрезентации содержания художественного кинотекста представителями разных лингвокультур. На основе сопоставительного анализа, исследующего культурную детерминированность ментальной репрезентации кинотекста, ставилась цель определить зависимость понимания и интерпретации кинематографического произведения от принадлежности / непринадлежности зрителя к той культуре, в которой текст был порожден. Таким образом, для поставленной цели было необходимо решить ряд задач:

1) описать ментальную репрезентацию содержания кинотекста, формирующуюся в сознании представителей разных культур в результате восприятия «своего» и «чужого» текста;

2) установить совпадения и несовпадения образов сознания реципиентов, т. е. общее и культурно-обусловленное в текстовой рецепции;

3) определить степень зависимости понимания от лингвокультурной принадлежности кинозрителя.

Для того чтобы определить, чем именно отличается понимание и последующая интерпретация кинофильма реципиентом «родной» и «чужой» тексту культуры, были проанализированы интерпретации кинотекста британских и русских зрителей, сформированные в результате просмотра исторической драмы «Агония». Выбор фильма был обусловлен тем, что главные персонажи данных фильмов

репрезентируют реальных людей (Николай II, его супруга, цесаревич, Распутин и т. д.) Таким образом, у зрителей, особенно у отечественных, как носителей той же лингвокультуры, что и кинотекст, еще до просмотра есть сложившиеся образы данных людей и характер их взаимоотношений.

Для сопоставительного анализа всего было получено 46 русских и 40 английских отзывов-реакций на фильм «Агония» средним объемом 20 предложений. После анализа всех полученных отзывов была предложена структура интерпретации кинотекста, состоящая из следующих компонентов:

– оценочное отношение к кинотексту, куда входит общая оценка фильма, оценка его создателей (режиссера) и актеров;

– анализ тематической интерпретации кинотекста.

Общая оценка исторического фильма «Агония» русским зрителем в основном выражается достаточно экспрессивными положительными высказываниями (61% от всех зрительских реакций): *«Фильм, безусловно, гениален»*. Отрицательные оценки единичны: *«Глупый фильм» (4%)*.

Высокая оценка также характерна для большинства отзывов британских реципиентов (37% от всех британских отзывов): *«The film is in anyway a masterpiece» – «В любом случае этот фильм – шедевр»*. Однако из некоторых зрительских реакций следует, что кинотекст вызвал непонимание и неприятие (17%): *«An hysterical and overly melodramatic biopic» – «Истеричный и чересчур мелодраматичный биографический фильм». «But it's not entertaining!» – «Но он совсем неувлекательный!»*. Подобное неприятие можно объяснить неверной установкой на фильм инокультурного зрителя, например ожиданием текста развлекательного характера *(«But it's not entertaining!»)* или раскрывающего определенные исторические вопросы: *«Why is this such a dull movie? I still await the film that will give me some understanding of the phenomenon of Rasputin» – «Для чего этот скучный фильм? Я все еще жду такой фильм, который разъяснит мне феномен Распутина»*. Возникшее в результате просмотра чувство обманутого ожидания может являться причиной более низкой оценки кинофильма инокультурным реципиентом.

В категории оценки был выделен отдельный компонент, который можно обозначить как оценку силы эстетического воздействия, произведенного на реципиента. Русский зритель связывает подобное воздействие с высокой художественной ценностью кинотекста

(28% зрительских реакций): *«Один из самых лучших фильмов, которые меня впечатлили и запомнились на всю жизнь», «Фильм вызывает сложные и противоречивые чувства»*. У британского зрителя сила произведенного впечатления скорее связана с необычностью фильма, его непонятной атмосферой и непривычными манерами изображения (22%): *«This film is so odd and bizarre movie that I was totally immersed in it» – «Этот фильм насколько необычный и странный, так что я полностью в него погрузился»*.

Оценка авторов кинофильма оказывается высокой у представителей обеих культур (35% от всех русских отзывов, 20% – британских): *«Работа Климова – это все гениально. Ворона, мечущаяся по снегу, и царь с безумным взором,* стреляющий *в нее, Распутин, бегущий по Невскому льду, Распутин, валяющийся в грязи, перед тем как прийти к царской семье, Распутин, бьющийся в припадке», «The direction is wonderful. It shows Rasputin's madness, as scenes shift from color to black and white, than back again» – «Режиссура замечательная. Она показывает сумасшествие Распутина, переходя от цветных кадров к черно-белым и обратно»*.

Сходным образом и русский, и британский реципиент высоко оценили актеров и их профессионализм с той лишь разницей, что отечественный зритель (22%) отмечает всех актеров *(«Игра актеров в фильме потрясающая», «Великолепная игра актеров, особенно Петренко – это что-то просто выдающееся»), а британский (13%) – только главного героя в роли Распутина («He is not just playing the mad monk, but channeling and becoming him» – «Он не просто играет безумного монаха, но вживается в роль и становится им самим»)*.

Следующим компонентом проекции кинотекста является личностная интерпретация тематического содержания фильма. В кинофильме «Агония» отечественный зритель выделил:

1) *тему судьбы России на переломе эпох (42%):* «Это фильм о России на переломе эпохи, об Агонии старой страны и попытках рождения нового», «Смысловое ядро атмосфера России, перед Революцией»;

2) *тему судьбы нынешней России, т. е. восприятие фильма как пророческого (25%):* «А фильм о том, что трагичность нашей страны не в ее "плохих" и "хороших" правителях, а в специфике русского народа, его специфика – вечное мытарство между тем, что следует, и тем, что хочется».

Для британского зрителя данный кинофильм об исторической фигуре Григория Распутина и его роли в падении Российской Империи

(30%): *«It tells the final days of Rasputin and the Romanov monarchy. It shows the tremendous power the Siberian born peasant wielded in the court of Nicolas II after treating his son and gaining favor with Czarin» – «Он (фильм) рассказывает о последних днях жизни Распутина и монархии Романовых. Он показывает огромную власть сибирского крестьянина, царящего при дворе Николая II после исцеления его сына и получившего благосклонность царицы».* Инокультурный зритель воспринимает фильм не как пророческий, он скорее ждет от него объяснения «феномена Распутина», сравнивая его с аналогичными личностями мировой истории: *«It is hard to imagine a major world power under the influence of a mad monk, is it? But Hitler and Stalin were mad too, in their own ways» – «Сложно вообразить крупнейшую мировую власть под влиянием сумасшедшего монаха, верно? Но и Гитлер, и Сталин тоже были по-своему сумасшедшими».* Примечательно, что инокультурный зритель называет Распутина монахом, ошибочно воспринимая персонаж как представителя официальной церкви.

Анализ зрительской реакции показал, что общеоценочное отношение к кинотексту, понимание его содержания находятся в непосредственной зависимости от национально обусловленных когнитивных структур. Максимальное совпадение содержания кинотекста отмечается относительно оценки авторов фильма и киноактеров, меньшее – в оценке фильма в целом и его художественного воздействия на зрителя. Большее расхождение отмечено в восприятии тематического содержания.

Таким образом, в целом положительно оценивая фильм, зрители разных лингвокультур видят в нем каждый свою проблематику и воспринимают киногероев через призму собственных культурных представлений о соответствующих исторических личностях. Инокультурный зритель, воспринимая чужой его культуре текст, может не понять ряд значимых кинематографических кодов, что приводит к их нулевой рецепции или замене кодами своей культуры. Примером может служить отмеченные русским зрителем музыкальное сопровождение фильма «Агония» *(«Гениальная музыка Шнитке»),* удачный подбор документальных кадров *(«Верно и точно подобранные документальные кадры»)* и отсутствие подобной интерпретации у инокультурного реципиента.

Таким образом, несходная когнитивная база реципиентов, хранящая культурно-детерминированное знание, опыт, ценностные установки и стереотипы, оказывает влияние на формирование

ментальной репрезентации содержания кинотекста, так что можно говорить о лингвокультурной принадлежности как об одном из решающих факторов в рецепции кинотекста. «Коды кино опираются на определенные культурные коды и могут быть расшифрованы получателем кинематографического сообщения максимально приближено к замыслу, при условии включенности всех участников коммуникации в единый культурный контекст» (Винникова 2015: 61).

При рецепции русского текста у британцев возникает необходимость адаптации образов другого национального сознания в силу того, что британский зритель, воспринимая чужой его культуре текст, не способен понять ряд значимых кинематографических кодов. Включенность всех участников коммуникации (продуцент – кинотекст – реципиент) в единый культурный контекст является важным условием для понимания кинематографического сообщения. Следовательно, реализуемый в кинотексте культурный код, общий для реципиентов одного лингвокультурного сообщества, является важной смыслопорождающей категорией, определяющей формирование ментальной репрезентации содержания кинотекста.

ЛИТЕРАТУРА

Винникова 2015 - *Винникова Т.А.* Особенности исследования кинотекста в различных научных парадигмах // Омский научный вестник. 2015. № 2 (136). С. 58–61.

Гальскова 2007 - *Гальскова Н.Д., Гез Н.И.* Теория обучения иностранным языками. Лингводидактика и методика. М.: Академия, 2007. 336 с.

Пищальникова 2002 - *Пищальникова В.А.* Диалог культур как программа исследования когнитивных процессов в межкультурной коммуникации // Межкультурная коммуникация и перевод: материалы межвуз. науч. конф. / Сост.: Е.Ф. Тарасов и др. М.: МОСУ, 2002. С. 145–152.

Тер-Минасова 2000 - *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. М.: Слово/Slovo, 2000. 624 с.

REFERENCES

Vinnikova, T.A. (2015) Osobennosti issledovaniya kinoteksta v razlichnykh nauchnykh paradigmakh [Cinematext study features in various scientific paradigms]. *Omskiy nauchnyy vestnik – Omsk Scientific Bulletin*. 2(136). pp. 58-61.

Gal'skova, N.D. & Gez, N.I. (2007) *Teoriya obucheniya inostrannym yazykami. Lingvodidaktika i metodika* [The theory of foreign languages learning. Didactics and methodology]. Moscow: Akademiya.

Pishchal'nikova, V.A. (2002) [Dialogue of Cultures as a research program in cognitive processes in intercultural communication]. *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya i perevod* [Intercultural communication and translation]. Proc. of the Interuniversity Research Conference. Moscow: MOSU. pp. 145-152.

Ter-Minasova, S.G. (2000) *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Language and Intercultural Communication]. Moscow: Slovo/Slovo.

Винникова Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки» Омского государственного технического университета.

Vinnikova Tatiana – Ph.D. in Philology, Associate Professor of Foreign Languages department, Omsk State Technical University.

E-mail: vitalexa@rambler.ru

УДК 811.161.1’28
UDC
DOI: 10.17223/23451734/3/13

ТРАНСЛЯЦИЯ ТРАДИЦИИ В ДИАЛЕКТНОМ ДИСКУРСЕ

Г.В. Калиткина

Томский государственный университет
Россия, 634029, г. Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: dasty2@yandex.ru

Авторское резюме

Статья посвящена специфическим текстам диалектного дискурса, которые в настоящее время считаются одной из разновидностей классических мемуаров (воспоминаний и автобиографических рассказов) с их дискурсообразующим статусом. В статье обосновано положение о том, что данные тексты являются речевым коррелятом социокультурной практики актуального конструирования и передачи традиции. Предлагается выделить соответствующий устный речевой жанр нефольклорного характера. Он представляет собой воплощение «наивной» рефлексии рядового носителя традиционной культуры, чей «жизненный мир» еще не подвергся окончательной фрагментации. В результате понимание смыслов и ценностей этого мира доступно не только специалистам и экспертам, но любому члену культурного сообщества («мы-группы»). Проанализирован жанрообразующий мотив искажения идеального состояния мира. Вскрыта жанровая специфика концептуализации времени, которая отличает подобные нарративы от мемуаров и фольклорных текстов. Она связана с обязательным удвоением темпоральных планов и пассеизмом моделируемой идеальной картины мира.

Ключевые слова: традиционная культура, традиция, диалектный дискурс, речевой жанр, жанрообразующий мотив.

TRANSLATION OF THE TRADITION IN THE DIALECT DISCOURSE

G.V. Kalitkina
Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634029, Russia
E-mail: dasty2@yandex.ru

Abstract

The article analyzes specific dialect discourse texts that are now considered a form of classical memoirs and autobiographical stories with their discourse-formative status.

The article substantiates the idea that these texts are verbal correlates of the socio-cultural practice of the contemporary design and translation of tradition. It is proposed to identify an appropriate oral speech genre of non-folklore nature. Such a genre is the embodiment of the «naive» reflection of the ordinary bearer of traditional culture, whose «life-world» has not yet undergone final fragmentation. As a result, the understanding of the meanings and values of the world is available not only to specialists and experts, but also to any member of the cultural community («we-group»).

The genre-forming motive of the distortion of the ideal state of the world is analyzed. The genre specificity of time conceptualization that distinguishes these narratives from memoirs, autobiographical stories and folklore texts has been discussed. The specificity is associated with a mandatory doubling of the temporal plans and passéism of the modeled ideal picture of the world.

Keywords: traditional culture, tradition, dialectal discourse, speech genre, genre-forming motive

Ядерной коммуникативной сферой традиционной культуры является диалектный дискурс. Хотя последний термин уже устоялся в российской научной периодике, обозначаемый им феномен оказывается неоднозначным.

Дело заключается в том, что диалект обслуживает не только опыт и рационализм повседневной жизни, но также моральный и нормативный контекст эстетической и ритуальной (в смысле нецерковной обрядности) сферы, т. е. «жизненный мир» носителей традиционной культуры, который, по Ю. Хабермасу, еще не подвергся окончательной безжалостной фрагментации. Из трактовки диалекта, воспринятой

современными лингвистами от А.И. Соболевского, А.А. Шахматова, Н.Н. Дурново, Ф.П. Филина, Р.И. Аванесова, однозначно вытекает лишь устный модус диалектной дискурсивной практики, но на вопрос о ее персональном или институциональном характере однозначного ответа нет. «Чистые» признаки того или иного воплощения диалектного дискурса неуловимы, поскольку «бытовые» зоны сосуществуют в нем с зонами, смыкающимися с фольклором.

Закономерно поэтому предполагать, что и жанровые рамки спонтанной диалектной речи, с ее конкретными адресатами, имеют свою специфику. Однако задача их описания была поставлена в российской генристике относительно недавно, и количество, состав и структура, а также идентификация жанров диалектного дискурса, кроме ключевых, пока являются довольно туманной областью.

Вместе с тем, сравнивая сделанные в последнее время заявления фольклористов и диалектологов о предназначении соответствующих дискурсивных формаций, можно обнаружить, так сказать, «зону схождения». Например, Ю.А. Эмер (Эмер 2011) полагает прерогативой фольклорного дискурса сохранение национальных культурных или же субкультурных традиций посредством моделирования идеального мира. В свою очередь, С.В. Волошина и Т.А. Демешкина (Волошина, Демешкина 2012) настаивают, что одной из важнейших функций диалекта как устной коммуникации является межпоколенная передача культурно значимой информации через моделирование идеального мира прошлого.

Вполне очевидно, что подобные утверждения вызваны текущим переопределением границ исследовательского поля – процессом, совершенно неизбежным в условиях, когда частные гуманитарные науки обращаются к очень сложным объектам, каким является и дискурс. В результате на его пограничные области, функции, свойства внимание направлено под разными углами.

Однако и традиция не может транслироваться узко направленно и реализоваться единственным способом. Культура предпочитает делать это сразу в нескольких направлениях, чтобы снизить уровень шума, сопутствующего передаваемой информации. Подобно тому, как любая культура использует разные коды (языки) для выражения своих смыслов, так она стремится и к жанровому многообразию своих текстов.

В качестве пролегоменов к дальнейшему анализу укажем идеи М.К. Петрова (Петров 1991). Еще 1970-е гг. (монография в силу разных причин была опубликована много позже) он описал тип общества,

возникший вместе с земледельческими цивилизациями. В практической жизни ему свойственны такие формы человеческого поведения, как «коммуникация» и «трансляция». Объем данных терминов (в авторском тексте нет кавычек, они поставлены, чтобы снять терминологическую омонимию. – *Г.К.*) довольно близок к современному пониманию дискурсивных стратегий. Поводом для «коммуникации» становится рассогласование наличного и надлежащего состояния традиции. Стабилизируя нормы и правила сообщества, «коммуникация» требует высокой степени подобия общающихся сторон. «Трансляция» же направлена на уподобление старшим вновь входящих в жизнь поколений средствами соответствующих институтов и механизмов, и степень подобия сторон при таком общении объективно мала.

Один из главных результатов дискурсивной деятельности – текст. Почти все доступные сегодня для анализа индивидуальные тексты носителей традиционной культуры представляют собой записи бесед[1], шедших по схеме «лингвист (фольклорист) ◄► информант». Первый, даже будучи ровесником своего собеседника или оказавшись старше, не является для второго членом «мы-группы», и степень подобия коммуникантов не может быть высокой. Именно в этих обстоятельствах – а для информанта они все же выходят за рамки рутинных – продуцируются тексты, функциональное назначение которых оказывается смежным и с «коммуникацией», и с «трансляцией».

Характерны ли подобные условия для повседневного речевого поведения людей, составляющих социальную базу русской (восточнославянской) традиционной культуры? Главная задача обыденной жизни – поддержание телесности человека, но не его инкультурация. И все же «жизненный мир» всех традиционных культур «конституирован в форме глобального знания, интерсубъектно разделенного между членами общества», – настаивает Ю. Хабермас (Хабермас 1993 (1985): 135). Эпоха модерна, а затем и постмодернизм подвергают все более резкой фрагментации некогда целостный универсум «жизненного мира». Бесповоротно обособленные сферы науки, морали и искусства, разрабатываемые отныне специалистами и оцениваемые экспертами, оказываются отделенными от самобытно развивающегося в процессе повседневной деятельности потока традиций.

И хотя повседневность определяет неинституциональное объединение участников дискурса, в условиях диалога с «чужаком» рядовой носитель традиции выступает и носителем группового самосознания. А подобная социокультурная практика, по-видимому, оказывается не

такой уж редкой. Репрезентанты ключевых семиотических оппозитов «свой / чужой», конечно же, – переменные величины, но сама оппозиция – константа любого сознания. Иначе говоря, расстояние между «мы» и «они» не задано жестко, оно может меняться, но не исчезает.

Встав на точку зрения, что именно фактор адресата является в дискурсе приоритетным и во многом определяет коммуникативные цели, следует принять вывод, что адресат-«чужак» порождает у носителя традиции на фоне прочих целей и цель **самоидентификации** или, точнее, **подтверждения групповой идентичности,** так как традиция не может быть собственной, индивидуальной. Это – прерогатива привычки, традицию же разделяют с «мы-группой».

Итак, в рамках диалектного дискурса регулярно продуцируются тексты, которые исследователи в настоящее время чаще всего квалифицируют как реализацию жанров воспоминания и автобиографического рассказа. На содержательно-тематическом уровне их характерным признаком становится рефлексия автора над самыми разными проявлениями быта и бытия (набор тем подробно освещен в работах российских диалектологов за последние три десятилетия). Иными словами, в коммуникативном фокусе говорящего оказывается осмысление «жизненного мира», форм внешней действительности, в которой бытийствует человек[2].

Вместе с тем, помимо осознания своего окружения, индивид способен к **самосознанию** – к постижению, истолкованию и оценке собственного существования и поведения. С.Е. Никитина (Никитина 1993) подчеркнула: подобная **саморефлексия** рядовых людей отличается избирательностью и спектр ее объектов еще предстоит выявить. Задача, которая возникла перед представителями гуманитарного знания («Поставим следующие вопросы: о чем говорит народ, что говорит, какими средствами для этого пользуется» (Никитина 1993: 20)), вероятно, может быть решена только в рамках «народоведения», которое приветствуют Н.И. и С.М. Толстые.

Собственно же языкознание (в том числе диалектологию) обычно интересуют образцы метаязыковых размышлений. Эта проблематика оказывается центральной, например, для мотивологической школы О.И. Блиновой, которая во главу угла ставит понимание говорящими внутренней формы слова. Более широкий горизонт исследований включает также «наивную» метакоммуникативную рефлексию носителей языка (см. работы В.Е. Гольдина, О.Ю. Крючковой, Н.В. Большаковой и др.), охватывающую уже обстоятельства общения и речевое

поведение в целом. Определяемое подобным образом речевое поведение, видимо, простирается вплоть до соблюдения или несоблюдения правил выбора имени в этноконфессиональной практике имянаречения (Никитина 1993, Калиткина 2014). Можно считать, что осмыслению в таких случаях подвергается более специфическая часть неисчерпаемого «жизненного мира» традиционной культуры – аспекты самой традиции. Именно поэтому С.Е. Никитина, касаясь областей самосознания национальной или же конфессиональной культуры, субъектами которого являются отнюдь не теоретики или эксперты, а дилетанты, иными словами, «люди с улицы», «простые люди», с 1990-х гг. говорит о **«народной герменевтике», «народной филологии», «народном музыкознании», «народной эстетике».**

Если вывести за скобки тех ученых, которые ставят знак равенства между традицией и культурой как таковой[3], то в последние десятилетия в литературе по социологии, антропологии, философии, истории, литературоведению, фольклористике этот термин покрывает феномены самой разной онтологии – от мифологии и базовых нарративов до узко местных обычаев и практик. Однако аксиоматично, что во всех случаях традиция не принадлежит индивиду и не создана им, а передана ему кем-то.

Трансляция традиции тоже отлита в устойчивые, иначе говоря, «традиционные» способы, чья природа осмыслялась поэтапно. Так, еще один из основателей «Анналов», М. Блок, постулировал, что в бесписьменных или же преимущественно устных культурах наработанные каналы связи не позволяют передавать традицию «скачкообразно» – через поколение. Затем антропологи согласились, что традиция здесь не может апеллировать к единому канонического образцу – тексту, законсервированному письменностью, – в силу чего гибко варьирует во времени и пространстве. Последний шаг сделали теоретики постмодернизма: традиция вообще не наличествует в мире как некая «уже созданная» сущность, она все время конструируется заново, адаптируясь к условиям текущего дня. «Любое описание традиции, которое делают ее носители, – это ее интерпретация или “переписывание” на языке современности» (Шандыбин 1998: 25). И поскольку процесс конструирования – это **состояние культуры,** то любой ее элемент, даже являясь частью наследия, может изменить свое значение в рамках сегодняшней конфигурации прочих его элементов. Таковы современные теоретические посылы, т. е. профессиональная рефлексия.

Однако «народная рефлексия» над традицией и описание традиции не касаются ее сути, оснований, признаков, функций и семантики форм (элементов) и т.д., которые точными методами могут моделировать теоретики. В отличие от них, рядовой носитель традиции отмечает ее постоянное умаление, исчезновение в наличном сегодня, говоря бунинскими строками, *в мире круга земного, настоящего дня*.

Сферу значений и смыслов этого самого «настоящего дня» чаще всего представляет собой повседневность («верховная реальность», по А. Шютцу). И хотя пересечь границу настоящего невозможно, все же оно постоянно отчуждается, становясь прошлым. Человек вынужден противостоять этой антиномии для обеспечения своей самотождественности, непрерывности своего «Я». Такой скрепой «жизненного мира» в сознании «рядового человека» становится традиция: она существовала в присвоенном прошлом и должна оставаться в перманентно изменяющемся настоящем как можно дольше.

Учитывая рассмотренные положения, обратимся к тексту из фондов Среднеобского диалектного архива Томского госуниверситета. Он записан в 1986 г. в с. Шегарка Шегарского района Томской области. Вопрос диалектолога и информация поясняющего характера даны в квадратных скобках. При переводе аудиозаписи в письменный текст отражены собственно диалектные и диалектно-просторечные явления фонетического (включая акцентуацию) и грамматического уровня, общерусские черты переданы в соответствии с нормами орфографии и пунктуации литературной подсистемы. Текст для удобства его описания разбит на условные тематические фрагменты – участки, где сохраняется единство темы.

Вот. В [деревне] Саргате родилась. Она недалёко, этого райв<u>о</u>ну, так, в Саргате. В [райцентре] Шегарке я живу здесь уже двадцать лет. Но а это вот всё р<u>а</u>нешное, это я всё помню, как старики рассказывали, как что было, от.	1-й тем. фрагмент
А у нас в праздники гуляли не так, как счас гуляют. Раньше гармошка была у нас в деревне. Значит, гармошка, <u>е</u>слиф посидели за столом, попели, выпили там, повеселиться вышли, поплясали. А <u>е</u>слиф песни попеть, то собир<u>а</u>лися, одев<u>а</u>лися, гурьбой, с гармошкой, всей компанией ходили, пели по улицам. Пели, ну не так, как счас поют, раньше пели хорошо. От. У нас вообще бабы в деревне, девки, женщины, были голос<u>и</u>сты. От. Хорошо пели.	2-й тем. фрагмент
Ой, счас не поют, вот это, я в субботу была у золовки в Т<u>о</u>мским, у моёго покойного мужа [сестры]. Так сказали, кот<u>о</u>ра поёт сеч<u>а</u>с песни-то «По Дону гуляет казак молодой», сама играет, гитару…	3-й тем. фрагмент

[– Жанна Бичевская?] Во-во-во! Бичевская эта, Жанна. Так она ско̲ко песен исказила! Я как послушала-а-а! И зна̲те, [когда] я сидела, от у е̲той золовки муж приехал с командировки, я говорю: «Ах! Взять её повесить бы!». Зачем она так исказила песню, а? Искажёны они совсем. Вот эту она сильно сказ̲ила, «По Дону гуляет казак молодой». Сильно скажёна, вот. Потом она ешщо̲ пела, я ещ̲о̲ осталась, собиралась идти, а золовка говорит: «Ну, чё ты, Зоя, ну, посиди ешо, счас ещ̲о̲ она как̲у̲-то песню будет должна петь». Говорит, [что] тоже, видать, сказ̲ила. А я говорю: «Ну, подожди, посижу ешщо̲», – и вот дождалась. И вот эту, «Спомр̲у̲, спохор̲о̲нют…» [запела]. Она же ведь так и называлась раньше: «А я, мальчик, на чужбинке…».

Ну, мотив тоже маленько и выходит у ей и на старый, но большинство она, у ней весь склон песен, я поняла, на эту, как начинает петь «По Дону гуляет казак молодой». Вот на е̲тот склон весь. Я говорю, а чё ж она поёт на одн̲ух-то склон, мотив-то?

А я грю, и в песне-то много слов выкинуто. Много она повыкинула. И вот она пропела: «А я, мальчик, на чужбине спозабы̲т, спозабр̲о̲шен с малых, с юных лет. Я не видел ни счастья, ни доли, я по белому свету я много скитался, много горя я принял». Вот этого нету в песне, уже выкинуто, вот. Потом у неё выкинуто… гм… гм… «Спомр̲у̲, спохор̲о̲нют, не заплачет нихт̲о̲… Только ранней весною соловей пропоёт, пропоёт-просвистит и вновь уплывёт… У моих у родных, у моих у родных, у подруг, у друзей, у всех цветы и венки, а у меня, у бедняжки, лишь голые кусты…» А она тут пропела: «А у меня, у бедняги, только стоит скромная могила». Где ж она, скромная, стоит?! Ясно, голые кусты, вот. Ни памятника, ни крестика, ну а тут-то вы сами подумайте: «У моих у родных, у друзей, у подруг, у всех цветы и венки…» Ну, конечно, у которых-то у друзей родные есь, ухаживают за могилками. Вы сами от так подумайте, от, может, код̲а̲ ходите на кладбище, [к] которым родственники или друзья х̲о̲дют, обязательно мог̲и̲лочка скр̲о̲мненька, аккур̲а̲тненька, крас̲и̲венька стоит. Цветы кладутся к̲а̲жный год, подсаживают. А у него кто положит, что положит? Он-то, конечно, «спозабы̲т, спозабр̲о̲шен, с малых, с юных лет на чужбине живу, где-то по дворам скитался, под забором валялся». 4-й тем. фрагмент

Ну, от т̲у̲та я так послушала. Я грю, гадина она, больше нихт̲о̲, да давай матом материть. Ей космы повыдрать, – зачем она сказ̲ила? От сильно она исказила эту песню. От. А е̲тот, Ефим, золовкин муж, говорит: «Зоя, возьми ей по лбу тресни». – «Да ты чё, сбесился? Была бы рядом, стукнула бы. А то вишь, где она сидит. Я, грю, телевизор сломаю тод̲а̲». И засмеялись ешщо̲. 5-й (3-й) тем. фрагмент

От, хв̲а̲лют, кот̲о̲ры не знают песни. Вот это «При долине, при лужке ходит конь буланый». Ей тоже сказ̲или совсем. А вот, я код̲а̲ в больнице лежала, в Т̲о̲мским, там пела медсестре женщина, ну, старушка она, старая. Е̲слиф… ой, волос д̲ы̲бором становится. Вот как̲а̲ задуш̲е̲вна песня. А е̲то теперь чёрте чё соберут, смелют. Как раньше говорили, не умеешь петь, так от, говорят, запела нескла 6-й тем. фрагмент

душки-неладушки. Ну, счас от не слыхать, [а ещё] поют «Сронила колечко со правой руки». Тоже она искажёна, раньше её пели, хорша она была песня. Много поисказили теперь. Всё на свой лад. Теперь и не поют так, как раньше.
Счас, я который раз с Леной сладим, сидим, вот это «По Дону гуляет казак молодой» запоём. И «Во кузнице кузнецы, молодые молодцы», от. Она-то тоже протяжно поётся. Очень хорошо поётся. А Лена у меня и говорит: «О, запела, как молитву». Я говорю: «Да Лена, чё вы понимаете, вы теперь всё наоборот поисказили, чёрте чё делаете. Ну, как сказку сказываете».

Данный текст обладает яркими признаками метауровневости, поскольку фактуальная информация в нем соседствует с ее трактовкой, сопровождаясь сильной субъективной эмоционально-оценочной составляющей. Идеальная модель мира (точнее, ее фрагмент) встает за коннотациями и имликациями языковых единиц.

Жанрообразующим мотивом, который определяет логику смыслового развертывания текста, становится сегодняшнее[4] искажение элементов традиционной культуры. На 524 знаменательных слова автор 11 раз актуализует оценочный предикат ***исказить*** ‘изменить, переиначить, извратить’ и его дериваты, мотив поддерживают также лексемы ***нету, выкинула, выкинуто***, которые передают семантику отсутствия (небытия) и инаковости. Указанные смыслы вводит и идиома ***на свой лад***, из которой извлекается импликация ‘не так, как мы’. Более того, лексема *свой* в лексико-семантической системе языка, соответственно, и в языковом сознании говорящих по-русски связана с глаголом *присвоить*, который обозначает действия, направленные на то, чтобы кто-либо перестал иметь что-либо, входя в ряд *отнять, отобрать, лишить; изъять, реквизировать, конфисковать; завладеть, заграбастать; захватить, украсть, своровать, похитить* (НОССРЯ 1999–2003).

Стержневым концептом, формирующим содержательно-тематическое ядро данного текста, оказывается ПЕСНЯ. Эта ментальная единица репрезентирует древнейший и один из первостепенных жанров народного, т. е. «непрофессионального», искусства. Онтологическая связь с вербальным языком – «кодом кодов» – позволяет данному концепту символизировать культуру как таковую, а с учетом звукового кода он располагает двумя инструментами для идентификации оппозитов «свой / чужой». Напомним хрестоматийное: *Что-то чудится родное в долгих песнях ямщика…* Вместе с тем в предложенном тексте, как и в любом другом, реализуется только «версия»,

«вариант» концепта ПЕСНЯ, и его «семантическая нагруженность» (в терминах С.Е. Никитиной) обусловлена типом дискурса и жанра.

Итак, народная песня концептуализируется как символ идеального – в смысле «правильного», «образцового» – «жизненного мира», полнота которого не подвергается сомнению, а истинность удостоверяется знатоками (***как старики рассказывали***). Тезис автора, заявленный во 2-м тематическом фрагменте (***пели хорошо; бабы, девки, женщины были голосистые***) и вновь повторяемый в последнем, 6-м (***задушевная песня; хорошая она была песня; очень хорошо поётся***), – это уже собственное свидетельство бывшей в наличии и утраченной сегодня гармонии мира. Песня воспринимается носителем традиционной культуры как совершенство эстетическое и содержательное: у каждой песни есть особый ***склон***, а ее ***слова*** обеспечивают верную интерпретацию мира. ***Исказить*** или ***выкинуть*** их – значит лишить мир полноты смысла и силы очищающих переживаний[5]. Задача самого информанта – передать знание, понимание (*От, хвалют, которы* ***не знают*** *песни; Я говорю: «Да Лена,* ***чё вы понимаете***) смыслов и ценностей этого мира.

Оппозитом песни, воплощающей идеальный мир, являются ***нескладушки-неладушки***, которые исходят от людей, ***не умеющих петь*** и ***собирающих, мелющих черте чё, делающих чёрте чё***. Эти суррогаты, лишенные ***склада*** и ***лада***, о чем свидетельствует внутренняя форма слова, – репрезентант бесформенной и бессмысленной, вследствие искажения, традиции и расчеловеченного мира, в котором всё ***наоборот***. Контекст актуализации лексемы ***наоборот*** вводит импликатуру перевернутого, превратного, неправильного, ошибочного – обманных состояний и свойств, ложных впечатлений (НОССРЯ 1999–2003).

Интересно, что в перечисленных автором случаях искажаемыми и, как следствие, обновляемыми и отчуждаемыми культурными формами выступают народные (безавторские) песни – часть узко понимаемого фольклора. Парадокс в том, что на каждом синхронном срезе они не только бытуют в нескольких версиях, но согласно постулатам современной фольклористики среди этих версий даже нет «образцовой», «канонической». Однако для носителя традиции привычный вариант не требует верификации. Традиция и есть его правомочность.

М.М. Бахтин, Т.А. ван Дейк, Т.В. Шмелёва и другие исследователи полагают, что участники дискурса всегда владеют вполне сформировавшимися жанрами и знают структуру текстов, их воплощающих. В.В. Красных (Красных 2015) еще более категорично настаивает на том, что «речежанровая» компетенция формируется одновременно с

речевой и культурной. Данные утверждения вполне подтверждаются анализируемой записью.

Как видим, автор начинает построение своего нарратива с отсылки в 1-м фрагменте к авторитету этического концепта традиционной культуры СТАРЫЕ ЛЮДИ (СТАРИКИ) (подробнее см. Калиткина 2010). Он становится репрезентантом прошлого. Соблюдая закон жанра, который призван передавать традицию, но не творить ее, говорящий не претендует на роль носителя истины, а выступает только носителем памяти (***это я всё помню***). Во 2-м тематическом фрагменте трижды и почти подряд актуализуется наиболее частотный маркер «мы-группы» ***у нас***, сопровождаемый генерализованными конструкциями ***гуляли не так, посидели, поплясали, пели*** с опущенными субъектами действия. И только в 5-м и 6-м фрагментах встречаются единичные конструкции с названным агенсом ***я говорю (грю)***, однако заданный коммуникативный фокус и здесь актуализует значение типичного члена «мы-группы». В заключительном, 6-м, тематическом фрагменте говорящий возвращается к теме стариков как представителей полного (идеального) «жизненного мира», который в прошлом наделил их совершенными умениями и навыками в качестве своих атрибутов. В результате, когда, не искажая традиции, ***пела старушка старая***, автор достигает полноты катарсических переживаний, вербализуя этот опыт при помощи диалектной идиомы ***волос дыбором становится***[6].

Одним из признаков, дифференцирующих разножанровые нарративы, является темпоральная перспектива диктума (Шмелёва 1997, Шмелёва, Шмелёв 2002). В диалектных текстах, которые реализуют близкие по духу и хорошо описанные на сегодня жанры воспоминания и автобиографического рассказа, все же доминирует перфектная перспектива диктумного содержания. А в анализируемой записи бросается в глаза принципиальное удвоение темпоральных планов, которое настойчиво эксплицируется 18 лексическими маркерами времени (от них свободен только срединный тематический фрагмент, полностью посвященный интерпретации песни «А я, мальчик, на чужбинке…»). В целом подобное удвоение не требует обязательной актуализации сразу двух оппозитов (Калиткина 2010). В данном тексте любой из темпоральных маркеров настоящего ***сейчас, счас, теперь*** (за исключением конструкции *счас ешо она каку-то песню будет должна петь*) или прошлого ***раньше, ранешное*** (косвенно к ним относится и темпоральное определение в конструкции ***старый мотив***, где $ЛСВ_5$ прилагательного имеет значение ‘тот, который был

раньше; бывший, прежний') вводит импликатуру противопоставленного временного плана.

Подчеркнем, что прошлое при этом концептуализируется не в качестве преддверия к настоящему, ступени к нему (или, если покинуть поле пространственных метафор, – увертюры, зародыша, проекта, предвестия), а как его альтернатива, жесткий антагонист. Здесь уместно вспомнить остроумное замечание Т.В. Цивьян о том, что для традиционной культуры оппозитами являются, «так сказать, Dichtung und Wahrheit» (Цивьян 2005: 22). Поскольку в картинах мира, создаваемых любой культурой, инструментами упорядочивания и трактовки смыслов и ценностей выступают когнитивные доминанты пространства и времени, то приведенный тезис можно перефразировать: тривиальная «правда» с координатами ***здесь*** и ***сейчас*** как ипостась мира противопоставлена смыслопорождающей «поэзии» ***не́где*** и ***не́когда***. С некоторой долей условности можно считать, что нормативная картина мира «правды» противопоставлена идеальной картине мира «поэзии». Норма приземлена, она реалистична и жизнеспособна, идеал – всегда превышение нормы, позиция над сущим, сверх привычного, бытийствующего.

Специфика «разножанровых» идеальных картин мира проявляется в том числе в разной концептуализации времени. Идеальный мир, созданный фольклорными текстами, **атемпорален**, не локализован на оси времени. Мораль, репрезентируемая фольклором, будучи исторически обусловленной, всегда подает себя как вечную истину. Однако вечность не имеет потенций, она вся действительна, статична и равна самой себе. Идеальный мир, репрезентированный в текстах, которые описывают традицию, **пассеистичен**: смыслообразующий центр находится в сакральном времени первотворения, в начале начал[7]. Именно пассеистическим восприятием и осознанием времени традиционная культуры резко отличается от победившего в эпоху модерна и не сдающего позиций в постмодернистском проекте **презентизма**, ставящего сиюминутное, т. е. сущее в настоящий момент, выше отдаленного во времени. И хотя Ф. Анкерсмит (Анкерсмит 2003 (1983)) и Ф. Артог (Артог 2004 (2002)) квалифицируют презентизм прежде всего как форму профессионального исторического мышления, с последней трети XX в. эта темпоральная стратегия становится формой мироощущения массовой культуры.

Конститутивной чертой рассматриваемого жанра становится постоянное сопоставление профанной действительности «вечного

сегодня», экзистенции, которая никогда не сможет удовлетворить человека, и прошлого, которое получает весь аксиологический потенциал недоступного.

Поскольку любой речевой жанр – это всего лишь искусственная модель, которую мы строим для анализа речевой эмпирии, то, как всякая модель, она огрубляет и формализует реальность. В диалектном дискурсе четких границ между континуитетом разнотипных высказываний, которые теоретическое сознание трактует как воплощение того или иного жанра, не только нет, но и прямо не может быть.

Анализируемый текст дает возможность говорить об одновременной реализации более частного жанра – обвинения. Таким образом, речевой жанр передачи традиции предстает как некая структура, нередко (или же всегда?) носящая одну из «масок» субструктуры – обвинения, осуждения, жалобы или же меморатов, автобиографии. Это наслоение признаков маргинализирует жанровую сущность подобных текстов.

Следует ли отсюда вывод, что передача традиции – это периферия жанровой системы диалектного дискурса? Что только изменение фокуса внимания позволяет обосновать тезис о том, что такого рода тексты обладают признаками самостоятельного речевого жанра – не только особыми установками и задачами, но также специфическими предметом и способом изображения и своеобразной дискурсивной реализацией (условиями порождения и существования). Представляется, что на подобные вопросы возможен положительный ответ.

Подчеркнем, что выделяемый жанр оказывается устойчивым в силу именно дискурсивных факторов. Такие тексты выступают языковым коррелятом совершенно недвусмысленной социокультурной практики передачи традиции, и этот процесс не может обеспечиваться всего лишь включением каждого нового поколения в непосредственную предметно-практическую деятельность. Идеи, ценности, концепты – иными словами, дух – материализует только язык, это – «урожай» дискурсивной «нивы».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Строго говоря, данные беседы представляют собой глубинные, структурированные, полуструктурированные, лейтмотивные, фокусированные или нарративные интервью, независимо от того, насколько высока квалификация исследователя и отдает ли он себе отчет в применяемом методе качественного исследования.

2. На Западе интерес к подобным меморатам с 1930-х гг. формировала «устная история» (oral history), а с конца 1960-х гг. – «история повседневности» (Alltagsgeschichte).

3. Приведем определение Лесли А. Уайта: «Экстрасоматическая традиция, которую мы называем культурой» (Уайт 2000: 210).

4. На момент записи.

5. Не будучи знакомой с теоретическими основами эстетики и поэтики, информант описывает достигаемое посредством искусства экстатическое состояние, приближаясь к концепции Аристотеля.

6. В среднеобском диалектном архиве есть контекст, где при описании сходных переживаний от пения использована еще одна соматическая метафора: *Это двадцать шесть человек просвяшщ<u>е</u>нников, свяшщ<u>е</u>нников. И просвящ<u>е</u>нных в Новосиб<u>и</u>рскем [в церкви] пели эту [молитву] «Верую» – о-ой, <u>и</u>жно шкуру продирало!*

7. В каком-то смысле на этой позиции стоял Ф. Анкерсмит, развивая в начале 1980-х гг. гипотезу о первичности ретроспективного рассказа (исторического нарратива) для всех повествовательных жанров: «Только после того как люди научились говорить о своем личном или коллективном прошлом, стали возможны миф, поэзия и художественная литература. Наше прошлое является наиболее удобной матрицей для овладения способностью упорядочивать высказывания о реальности определенным образом» (Анкерсмит 2003 (1983): 22).

ЛИТЕРАТУРА

Анкерсмит 2003 (1983) - *Анкерсмит Ф.* Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М., 2003 (1983). 360 с.

Артог 2004 (2002) - *Артог Ф.* Типы исторического мышления: презентизм и формы восприятия времени // Отечественные записки. 2004 (2002). № 5. С. 214–225.

Волошина, Демешкина 2012 - *Волошина С.В., Демешкина Т.А.* Миромоделирующий потенциал речевого жанра (на материале диалектной речи) // Вестник Томского университета. Филология. 2012. № 3 (19). С. 14–20.

Калиткина 2010 - *Калиткина Г.В.* Объективация традиционной темпоральности в диалектном языке. Томск, 2010. 296 с.

Калиткина 2014 - *Калиткина Г.В.* Диалектная концептуализация традиции // Картины русского мира: метафорические образы традиционной культуры. М., 2014. С. 15–63.

Красных 2015 - *Красных В.В.* Жанры речи сквозь призму многомерности бытия *человека говорящего* // Жанры речи. 2015. № 1. С. 9–14.

Никитина 1993 - *Никитина С.Е.* Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993. 189 с.

НОССРЯ 1999–2003 - Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М., 1999–2003. Вып. 1–3.

Петров 1991 – *Петров М.К.* Язык, знак, культура. М., 1991. 328 с.

Хабермас 1993 (1985) - *Хабермас Ю.* Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // Thesis: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. М., 1993. Вып. 2. С. 123–136.

Цивьян 2005 - *Цивьян Т.В.* Модель мира и ее лингвистические основы. М., 2005. 280 с.

Шандыбин 1998 - *Шандыбин С.А.* Постмодернистская антропология и сфера применимости ее культурной модели // Этнографическое обозрение. 1998. № 1. С. 14–27.

Шмелёва 1997 - *Шмелёва Т.В.* Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 88–99.

Шмелёва, Шмелёв 2002 - *Шмелёва Е.Я., Шмелёв А.Д.* Русский анекдот как текст и как речевой жанр // Русский язык в научной освещении. 2002. № 2 (4). С. 194–210.

Уайт 2000 - *Уайт Л.А.* Понятие культуры и культурология // Культурология. Хрестоматия для высшей школы. М., 2000. С. 204–217.

Эмер 2011 - *Эмер Ю.А.* Современный песенный фольклор: когниции и дискурсы. Томск, 2011. 266 с.

REFERENCE

Ankersmit, F. (2003) *Narrativnaya logika. Semanticheskiy analiz yazyka istorikov* [Narrative logic. A semantic analysis of the historian's language]. Translated from English by O. Gavrishina. Moscow: Ideya-Press.

Hartog, F. (2004) Tipy istoricheskogo myshleniya: prezentizm i formy vospriyatiya vremeni [Types of historical thinking: presenteeism and forms of time perception]. *Otechestvennye zapiski*. 5. pp. 214-225.

Voloshina, S.V. & Demeshkina, T.A. (2012) World modelling potential of speech genre in the dialect speech. *Vestnik Tomskogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3(19). pp. 14-20. (In Russian).

Kalitkina, G.V. (2010) *Ob"ektivatsiya traditsionnoy temporal'nosti v dialektnom yazyke* [The objectification of the traditional temporality in the dialect language]. Tomsk: Tomsk State University.

Kalitkina, G.V. (2014) Dialektnaya kontseptualizatsiya traditsii [Dialect conceptualization of tradition]. In: Rezanova, Z. et al. *Kartiny russkogo mira:*

metaforicheskie obrazy traditsionnoy kul'tury [The pictures of the Russian world: metaphorical images of traditional culture]. Moscow: Lenand. pp. 15-63.

Krasnykh, V.V. (2015) Speech Genres through the Prism of the Multidimensionality of Homo Loquens. *Zhanry rechi – Speech Genres*. 1. pp. 9-14. (In Russian).

Nikitina, S.E. (1993) *Ustnaya narodnaya kul'tura i yazykovoe soznanie* [The oral folk culture and linguistic consciousness]. Moscow: Nauka.

Apresyan, Yu.D. (ed.) (1999–2003) *Novyy ob"yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New Explanatory Dictionary of Synonyms of the Russian language]. Issues 1–3. Moscow.

Petrov, M.K. (1991) *Yazyk, znak, kul'tura* [Language. Sigh. Culture]. Moscow: Nauka.

Habermas, J. (1993) Otnosheniya mezhdu sistemoy i zhiznennym mirom v usloviyakh pozdnego kapitalizma [The relationship between system and life-world in the conditions of late capitalism]. In: *Thesis: Teoriya i istoriya ekonomicheskikh i sotsial'nykh institutov i sistem* [Thesis: Theory and history of economic and social institutions and systems]. Issue 3. Moscow: Nachala-Press. pp. 123-136.

Tsiv'yan, T.V. (2005) *Model' mira i ee lingvisticheskie osnovy* [A model of the world and its linguistic basis]. Moscow: URSS.

Shandybin, S.A. (1998) Postmodernistskaya antropologiya i sfera primenimosti ee kul'turnoy modeli [Postmodern anthropology and the scope of applicability of its cultural model]. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 1. pp. 14-27.

Shmeleva, T.V. (1997) Model' rechevogo zhanra [The model of speech genre]. In: Goldin, V.E. (ed.) *Zhanry rechi* [Speech Genres]. Saratov: Kolledzh. pp. 88-99.

Shmeleva, E.Ya. & Shmelev, A.D. (2002) Russkiy anekdot kak tekst i kak rechevoy zhanr [The Russian anecdote as text and as a speech genre]. *Russkiy yazyk v nauchnoy osveshchenii*. 2(4). pp. 194-210.

White, L.A. (2000) Ponyatie kul'tury i kul'turologiya [The concept of culture and cultural studies]. In: Kravchenko, A.I. (ed.) *Kul'turologiya. Khrestomatiya dlya vysshey shkoly* [Culture Studies. A Reader for Higher Education]. Moscow: Akademicheskiy Proekt. pp. 204-217.

Emer, Yu.A. (2011) *Sovremennyy pesennyy fol'klor: kognitsii i diskursy* [Modern folk song: cognitions and discourses]. Tomsk: Tomsk State University.

Калиткина Галина Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Томского государственного университета.

Kalitkina Galina Tomsk State University (Russia)

E-mail: dasty2@yandex.ru

УДК 81’27
UDC
DOI: 10.17223/23451734/3/14

РУССКАЯ ПАРЕМИОЛОГИЯ В АСПЕКТЕ ОТРАЖЕНИЯ ОБЫДЕННОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ*

Е.В. Кишина

Кемеровский государственный университет,
Россия, 650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6
E-mail: kishina@mail.ru

Авторское резюме

В статье анализируются особенности отражения паремий русского языка в обыденном языковом сознании. Обыденное языковое сознание, под которым в работе понимаются механизмы языковой деятельности, отражающие практически-чувственный опыт рядовых носителей языка, исследуется в качестве репрезентанта комплекса традиционных и современных представлений. Данное направление работы позволяет определить специфические черты обыденного сознания как отдельных индивидов, так и целого этноса, способствует реконструированию доминирующих представлений, знаний и установок, отражающих особенности русского национального мировидения. В качестве основного источника материала выступает «Словарь обыденных толкований русских слов», фиксирующий результаты наивного лексикографирования. Анализ приведенных в словаре реакций-идиом позволяет выявить, какие смысловые составляющие паремий актуальны для сознания рядового носителя языка, какие дифференциальные признаки значения представляются для него доминирующими, какая информация, представляющая несомненную важность для информантов, остается за рамками словарного толкования. В результате исследования было установлено, что обыденное языковое сознание, отраженное в паремиологическом корпусе русского языка, является сложным образованием, включающим противоположные характеристики. Оно отличается традиционностью и новизной, стереотипностью и индивидуальностью, речетворчеством и заданностью, отражает чувственное бытовое содержание, фиксируемое в сознании в форме образов, представлений, ассоциаций. Языковая деятельность рядового носителя языка направлена не столько на воспроизведение готовых речевых формул, сколько на их осмысление и оценивание. Подобная особенность отражается в преобладании блока трансформированных паремий, что свидетель-

ствует о высокой продуктивности языкового механизма преобразования для обыденного языкового сознания.

Ключевые слова: обыденное языковое сознание, наивная лингвистика, паремии русского языка, этнос, национальная картина мира.

RUSSIAN PAROEMIOLOGY IN TERMS OF ORDINARY LANGUAGE CONSCIOUSNESS

E.V. Kishina

Kemerovo state university
6, Krasnaya St., Kemerovo, 650043, Russia
E-mail: kishina@mail.ru

Abstract

The article deals with the peculiarities of reflecting the Russian language paroemiae (proverbs) in ordinary language consciousness. Ordinary language consciousness implying mechanisms of language activity which reflect practical and sensual experience of Russian native speakers is studied as a representant of the complex of traditional and modern views. This work allows us to define specific features of ordinary consciousness of individuals as well as the whole ethnic group and corresponds to the reconstruction of dominating views, knowledge and special mental states leading to some activities which reflect peculiarities of the Russian national world vision. The main source of the materials is "The Dictionary of Russian words ordinary interpretations", fixing the results of naïve lexicographie. The analysis of dictionary reactions-idioms allows us to identify: which semantic components are relevant for the ordinary Russian speaker, which differential signs of meaning seem dominating, what information which is important for the informants remains beyond the scope of dictionary interpretation. The research showed that ordinary language consciousness reflected in the paroemiological body of the Russian language is a complex formation including contradictory characteristics. It has the tradition and novelty, stereotypes and individual character, speech creation and predetermination. It reflects sensual everyday content, fixed in the form of images, ideas, associations. The ordinary speaker language activity is aimed at understanding and appreciation of these speech formulas rather than simple reproduction. This feature is reflected in dominating transformed paroemiae which shows high productivity of transformation language mechanism for ordinary language consciousness.

Keywords: ordinary language consciousness, naïve linguistics, paroemiae of the Russian language, ethnic group, national world view.

Проблематика исследования. Объект исследования в данной статье – паремии русского языка в аспекте отражения обыденного языкового сознания. Методологической базой являются работы в области обыденной / наивной лингвистики (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Н.Д. Голев, Е.Н. Гуц, В.Б. Кашкин, З.И. Резанова, А.Н. Ростова, М.Р. Шумарина и многие другие).

Онтологический вопрос, который пытается решить наивная лингвистика, – соотнесение научного и обыденного знания. Обобщая определения и подходы разных лингвистов, можно констатировать, что *обыденное языковое сознание* – это сознание, которое включает механизмы языковой деятельности, отражающие практически-чувственный опыт рядовых носителей языка, повседневно воспроизводящееся в условиях их жизненных ситуаций и обладающее несистемным характером. Обыденное языковое сознание фиксирует обыденную семантику, сформированную в повседневном коммуникативном и гносеологическом опыте «усредненного» носителя современного русского языка.

Несмотря на то что наивная лингвистика прочно вошла в систему лингвистических парадигм, до сих не стихают научные споры по поводу разграничения собственно языкового и обыденного сознания. Как отмечает Н.Б. Мечковская, «по сути, разграничение языкового сознания и обыденного сознания – это вопрос о границах языка. Для разграничения языкового и обыденного сознания важно различать значения, принадлежащие собственно языку (т. е. языковым единицам), и значения, выраженные с помощью языка, но выходящие за пределы языковой семантики и принадлежащие другим картинам мира» (Мечковская 2008: 229).

Особенности обыденного языкового сознания рассматриваются лингвистами на разнообразном материале (художественных текстах, устной речи, интернет-коммуникации и т.д.). Один из возможных подходов системного научного осмысления выделенного феномена связан с изучением русских паремий в аспекте отражения особенностей обыденного языкового сознания носителей русского языка.

Рассмотрение русского паремиологического фонда как репрезентанта обыденного языкового сознания – явление новое. Вопреки повышенному интересу к фразеологической системе языка в целом,

изучение паремий русского языка через призму особенностей обыденного языкового сознания, насколько нам известно, практически не подвергалось научной рефлексии. В современной лингвистической литературе можно встретить лишь отдельные высказывания, актуализирующие возможность подобного лингвистического подхода. Так, Н.А. Козько отмечает, что «одним из наиболее ярких проявлений обыденного сознания в речи отдельного индивида являются паремии» (Козько 2006: 34). В свою очередь Д.Ю. Полиниченко актуализирует антропоцентрический и лингвокультурологический характер изучения паремиологического фонда языка, в котором хранятся специфические черты обыденного сознания как отдельных индивидов, так и целых этносов. Знание, отраженное в паремиях, опирается на повседневный опыт людей как членов конкретных этнокультурных общностей, на традиции, обычаи и верования народов (Полиниченко 2004: 83–90).

Интерпретация паремиологического корпуса на уровне обыденного восприятия и коммуникативного функционирования акцентуирует представления, знания и установки, доминирующие в русскоязычном обществе, способствует отражению особенностей русского национального мировидения. Обыденное языковое сознание рядового носителя русского языка репрезентирует комплекс традиционных и современных идиоматичных представлений, отражает как существующие тысячелетиями стереотипы, так и уникальные единичные образования.

Материалы и источники анализа. Одной из форм репрезентации обыденного осмысления русским человеком устойчивых сочетаний являются лексикографические источники неакадемического, описательного типа. Уникальным и новейшим словарем, обобщающим результаты массового эксперимента с языковым сознанием рядовых носителей русского языка, может быть признан «Словарь обыденных толкований русских слов» (СОТРС 2012), который является непосредственным источником настоящего исследования.

«Словарь обыденных толкований русских слов» отвечает на вопрос, какую информацию несет в себе русское слово, какое содержание ассоциируется со словом у рядовых носителей русского языка. Данный словарь позволяет проникнуть в коммуникативную память и получить ответ на вопрос о реальном индивидуальном и коллективном психологическом значении слова, которое противопоставлено его нормативному значению» (Словарь обыденных тол-

кований русских слов 2012: 3). Целевые установки авторов словаря позволяют говорить о лингвокогнитивной направленности данного лексикографического источника, фиксирующего языковое сознание современного носителя русского языка во всем его разнообразии[1].

Особенностью организации данного словаря является его комплексный характер. Словари подобного устройства охарактеризовал в одной из своих работ В.В. Морковкин, отметив, что «полиаспектный словарь сообщает пользователю такое количество сведений, которое позволяет ему составить вполне достоверное представление как о самих семантизируемых единицах, так и об информационном бульоне, служащим средой их речевого бытования» (Богачёва, Морковкин 2011: 351).

Многоаспектность СОТРС определяется системой вопросов: шесть типов вопросов, ориентированных на дефиниционную, ассоциативную, ассоциативно-номинативную форму репрезентации, и два разных типа значения слова (лексическое, мотивационное). Один из поставленных перед информантами вопросов был направлен на выявление функционирования идиом в современной языковой практике. Информантам необходимо было назвать первые пришедшие на ум устойчивые фразы на слово-стимул.

Анализируемый словарь включает 478 лексем-стимулов, представляющих лексику природы русского языка, из которых для настоящего исследования было отобрано 40 словарных статей, содержащих 665 устойчивых выражений. Реакции информантов в виде устойчивых фраз составляют фактологическую базу работы.

Анализ материала. Анализ отраженных в «Словаре обыденных толкований русских слов» реакций реципиентов позволяет выявить, на каких аспектах значения акцентирует внимание рядовой носитель языка, какой признак предмета является для него наиболее актуальным, какая информация, представляющая несомненную важность для информантов, остается за рамками словарного толкования, какими средствами обеспечивается понимание того или иного предмета, явления. Данные наблюдения констатируют сложный по своему семантическому содержанию и особенностям функционирования комплекс особенностей обыденного языкового сознания. Остановимся на характеристике доминирующих признаков.

Обыденное языковое сознание рядового носителя русского языка характеризуется такими признаками, как *интерпретационность* и *креативность*. Языковая деятельность рядового носителя языка на-

правлена не столько на воспроизведение готовых речевых формул, сколько на их осмысление и оценивание. Подобная особенность отражается в преобладании блока трансформированных паремий (409 единиц из выделенных 665 паремий), что свидетельствует о высокой продуктивности механизма преобразования для обыденного языкового сознания: **Жасмин** – *аромат жасмина – здоровья первопричина*; *чай с жасмином – поддержка мужчинам*.

Трансформации паремий представляют собой сложный когнитивный процесс, обусловленный разными языковыми и внеязыковыми факторами. Так, к внутрисистемным причинам преобразований можно отнести действие законов аналогии, речевой экономии, асимметричность языкового знака и др. Видоизменение устойчивых образований иллюстрирует механизмы языкового сознания рядового носителя языка по переработке готовых речевых формул, репрезентирует ментальные установки языковой личности, направленные на соотнесение двух предметов мысли, раскрывает ценностно-значимые представления говорящего, его отношение к миру.

По структурно-семантическим особенностям трансформированные паремии могут быть распределены по следующим группам:

1. Варианты узуальных паремий, под которыми мы понимаем такие преобразования, которые не приводят к нарушению семантического тождества паремии. Такое употребление мы называем *вариантным,* потому что эти видоизменения паремии отличают ее от узуального употребления, но осуществляются они в рамках потенциально возможных преобразований формы и содержания устойчивой единицы, например: **Абрикос** – *Я абрикос на юге рос; абрикос – на юге рос; на юге рос; я абрикос, на солнце рос; на солнце рос; абрикос на ветке рос; на ветке рос*.

2. Паремии-трансформы, под которыми мы понимаем такие преобразования, которые созданы по структурным моделям узуальных устойчивых выражений, например: **Бизон** – *бизон коту не товарищ; бизон с коровами не дружит; не имей сто рублей, а имей сто бизонов*.

Преобразования, в результате которых возникают трансформированные паремии, носят достаточно частотный характер. Так, в анализируемых словарных статьях было выделено 307 трансформированных единиц, образованных из элементов существующих устойчивых фраз. Из элементов имеющегося готового языкового материала говорящий создает оригинальную, колоритную, неповторимую «упаковку», которая отражает его видение мира. В подобных

единицах ярко проявляется *словотворческий характер* обыденного языкового сознания. Информанты активно создают собственные паремии, при этом большинство из них построено по принципу *языковой игры, о*снованной на созвучии, замене компонентного состава, образном переосмыслении и т.д., например: **Верба** – *муж – в Тверь, жена – за вербой*. **Единорог** – *лучше лошадь в стойле, чем единорог в мечтах*. **Ёрш** – *ершись, ершись, да только не дерись*.

Словотворческий характер обыденного языкового сознания во многом пересекается с такой, на первый взгляд, противоположной чертой, как его *заданность*. Данная особенность во многом обусловлена условиями лингвистического эксперимента. Информанты, которым следовало назвать *«первые пришедшие на ум фразы, в составе которых есть следующие слова»*, были во многом поставлены в ситуацию создания устойчивого оборота. При отсутствии в сознании конкретной фразы, включающей слово-стимул, респонденты в большинстве случаев не просто их не приводят, а пытаются создать по имеющимся когнитивным образцам подобие устойчивых оборотов. Характер поставленного задания обусловливает действие языкового механизма по созданию новых устойчивых выражений по существующим языковым моделям либо включению слова-стимула в готовые устойчивые обороты, например: **Боровик** – *без боровика не вытащишь рыбку из пруда*. **Брюква** – *кто к нам за брюквой придёт – тот от брюквы и погибнет*.

Подобная закономерность иллюстрирует *структурированность* обыденного языкового сознания, оперирующего определёнными готовыми схемами. Так, например, большой блок паремий-трансформов представляют собой фразы, образованные по аналогии с существующими пословичными формами, например: **Буйвол** – *не тот счастлив, у кого много добра, а тот, у кого жена не буйвол*. **Дупель** – *дупель с возу-кобыле легче*. **Дятел** – *любишь кататься, люби и дятлов*. Подобным же образом образуются и фразы, имеющие рекламную направленность. При этом в данном случае, как правило, информанты не трансформируют уже существующие рекламные слоганы, а по структурным особенностям подобных фраз создают собственные выражения рекламной направленности, например: **Женьшень** – *если встать с кровати лень, принимай скорей женьшень; женьшень – все болезни тень; женьшень. Почувствуй на себе старые традиции; помогает нам всегда настойка женьшеНЯ; съешь женьшень, будешь бодрым на весь день*.

Образование таких единиц, с одной стороны, отражает креативность, игровой характер языкового сознания говорящих, с другой стороны, подчеркивает определённую искусственность устойчивых единиц, целенаправленно созданных в связи с поставленной перед информантами задачей, например: **Бурак** – *бурак бурака видит издалека; на дворе барак во дворе бурак; когда бурак на горе свистнет; тянут-потянут, а вытянуть бурак не могут; не будь бураком; не будь дурак, съешь бурак; не квартира, а бурак.*

Таким образом, несмотря на оригинальность, неповторимость паремий-трансформов и креативный характер при объединении слов, образование таких единиц очень часто подчинено общим механизмам, отражающим структуру устойчивых образований.

Приведем примеры выявленных ядерных моделей трансформации паремий.

Паремии-трансформы, созданные по структурным моделям пословиц и поговорок. Как уже было отмечено выше, образование пословичных трансформов носит самый частотный характер. Говорить о том, почему информанты выбирают ту или иную структурную модель, мы с точностью не можем, потому что это вопрос, относящийся скорее к психологии, а не к лингвистике. Мы можем лишь предположить, что выбранные для образования пословичных трансформов схемы являются наиболее частотными в области образования и функционирования устойчивых единиц и поэтому легко извлекаются обыденным сознанием.

Как представляется, в данном случае можно говорить об *окказиональном моделировании паремий*, т.е. создании авторских вариантов и трансформов на основе модели узуальной устойчивой единицы при сохранении и актуализации ее деривационных связей. Информанты выбирают именно высокочастотные модели образования пословиц, что репрезентирует, во-первых, сам когнитивный процесс хранения информации в свернутом виде, а во-вторых, подчеркивает определенную *традиционность* обыденного языкового сознания.

Рассмотрим выделенные в процессе анализа ядерные модели, по которым образуются пословичные трансформы на уровне обыденного языкового сознания:

✓ **Рыбак рыбака видит издалека**: *бобр бобра видит издалека; бык быка видит издалека; грибник грибника видит издалека; бурак бурака видит издалека; буйвол буйвола видит издалека; бык быка видит издалека* и др.

✓ **Гусь свинье не товарищ:** *бизон коту не товарищ; единорог свинье не товарищ; человек свинье не товарищ; дятел леснику не товарищ; грач кукушке не товарищ; буйволица лошади не товарищ* и др.

✓ **Лучше синица в руке, чем журавль в небе:** *лучше синица в руке, чем беркут в небе; лучше лошадь в стойле, чем единорог в мечтах; лучше каштан в руке, чем роза в соседнем саду; лучше единорог в книге, чем медведь на улице* и др.

✓ **Как волка ни корми, он всё в лес смотрит (глядит):** *сколько волка не корми, всё равно всё съест; сколько вола не корми, всё равно будет работать; сколько ёлку не расти, всё равно срубят* и др.

✓ **Любишь кататься, люби и саночки возить:** *любишь бузину, люби и мёд; любишь медок, люби и виноград; любишь ежа, люби и ежат* и др.

Паремии-трансформы, созданные по структурным моделям рекламных текстов. При создании устойчивых выражений, имеющих признаки рекламного текста, сознание информанта направлено либо на трансформацию существующих рекламных слоганов, либо на образование собственно окказионализмов по общим структурным моделям рекламных фраз: **Ёрш** – *всё почистит ёршик без труда, засверкает вся плита*; **Зверобой** – *если вдруг у вас запой – вам поможет зверобой;* **Брюква** – *эта брюква – просто класс для здоровья и для глаз;* **Гриб** – *гриб – лучшие продукты дяди Вани;* **Инжир** – *инжир – худеем вместе.* Следует отметить, что при построении устойчивых выражений по структурным моделям рекламных текстов, выделяется целая группа паремий-трансформов, образованная по схеме приведенного в задании примера из рекламы *(«Газпром. Мечты сбываются»)*: *грибок – мечты сбываются; дурман – мечты сбываются; жираф – мечты сбываются* и т.д.

Паремии-трансформы, созданные по структурным моделям песенных текстов. При трансформации песенных текстов, как правило, происходит замена компонентного состава исходной фразы. При этом, как представляется, для информанта в данном случае также существенным оказывается именно процесс создания фразы по имеющимся в сознании готовым шаблонам, нежели ее содержательная часть. В таких случаях семантика образованной фразы во многом носит абсурдный либо просто комичный характер: **Агава** – *«шумит Агава над рекою…»* (ср.: *Липа вековая над рекой шумит, / Песня удалая вдалеке звучит);* **Ананас** – *«я знаю пароль, я вижу ананас, я верю, что еноты придут спасать нас»* (ср.: *«Я знаю пароль, я вижу ориентир, я верю только в это… Любовь спасёт мир»*).

Помимо речевых вариантов выражений, сохраняющих семантическое тождество узуальной устойчивой единицы, и речевых трансформаций, образованных по структурно-грамматическим моделям языковых оборотов, анализируемый материал позволяет выделить группу ***собственно окказиональных паремий.*** Такие словесные комплексы не являются вариантами, трансформациями и не образуются по моделям готовых воспроизводимых оборотов. Главным критерием разграничения окказиональных паремий от паремий-трансформов, которые по своей природе тоже являются индивидуально-авторскими, является характер их образования. Паремии-окказионализмы не переосмысляются, а создаются говорящими по разным моделям, являются абсолютно одноразовыми и не соотносятся по семантической структуре с узуальными образованиями.

Количество окказиональных словесных комплексов (175 единиц из выделенных 665 паремий) свидетельствует о высокой продуктивности данного языкового механизма для обыденного языкового сознания. Между тем, насколько нам известно, как в традиционных, так и в современных паремиологических исследованиях не описывается как самостоятельная разновидность выделенная нами группа. Как правило, классификация паремий по принципу «трансформированность / нетрансформированность» включает две разновидности: узуальные и окказиональные (индивидуально-авторские) паремии, под которыми понимаются преобразования устойчивых оборотов по определенным трансформационным моделям (изменение компонентного состава, семантическая контаминация, актуализация и т.д.) (Мелерович, Мокиенко 2005).

Наличие в «Словаре обыденных толкований русских слов» достаточно большого количества единиц, не являющихся в традиционном представлении паремиологическими вариантами или трансформами, позволило нам выделить данную группу в самостоятельную разновидность. При отсутствии в сознании готовых двусловных знаковых образований со словом-стимулом информанты начинают сами активно создавать такие единицы. Как уже было отмечено выше, попадая в определенную ситуацию, связанную с метаязыковой деятельностью, в обыденном языковом сознании информантов активизируется процесс образования устойчивых словесных комплексов. При этом для рядового носителя языка несущественным представляется кодифицированный, языковой характер таких единиц. Главное – создать фразу с интерпретируемым словом, несмотря на то, что такой оборот

будет использован только один раз и не встречался говорящим в процессе коммуникации.

По структурно-семантическим особенностям окказиональные паремии могут быть разделены на две группы:

1. Собственно индивидуально-авторские паремии, представляющие группу окказиональных образований, приравниваемых по структуре к предложению или словосочетанию. Окказиональный характер таких единиц проявляется как на уровне объединения лексических единиц, так и структуры выражений. Механизмы языковой деятельности рядового носителя языка в данном случае базируются на моделях создания словесных формул, ядерными из которых являются:

✓ образование окказиональных рифмующихся фраз со словом-стимулом: **Бобрёнок** – *бобра ребенок; бобренок – грязный чертёнок; бобрёнок-шерстёнок;* **Индейка** – *индейка – кривая шейка; всевластная канарейка;* **Ёлка** – *ёлочка – зелёная иголочка; у ёлочки колючие иголочки*;

✓ образование сравнительных оборотов со словом-стимулом: **Бабочка** – *порхает, как бабочка; лёгкая, как бабочка; летает, как бабочка; парить, как бабочка; порхаю, словно бабочка;* **Беркут** – *быстрый, как беркут; стремительный, как беркут;* **Водоросль** – *скользкий, как водоросль*; *спокойный, как водоросль*;

✓ образование словосочетаний-эпитетов со словом-стимулом: **Волк** – *серый волк; дикий волк; морской волк; волчий взгляд; одинокий морской волк; старый страшный волк;* **Гиена** – *голодная гиена; подлая гиена;* **Гад** – *гады морские; змея подколодная; редкостный гад; скользкий гад*;

✓ образование свободных словосочетаний со словом-стимулом: **Абрикос** – *абрикосовое масло;* **Змеевик** – *батарея отопления; батарея в ванной; змеевик в ванной;* **Водоросль** – *водоросли Красного моря; маска с морскими водорослями*.

Индивидуально-авторские паремии во многом отражают *интенциональную направленность* обыденного языкового сознания на образование устойчивых словесных комплексов. Именно информант, конкретный говорящий актуализирует содержание и выбирает форму паремии, организует миниконтекст, в котором реализуется окказионализм.

Как представляется, при создании таких единиц рядовой носитель языка исходит как из формы, так и из содержания образуемых

выражений. Так, по структурным признакам окказионализмы приравниваются к словосочетаниям или предложениям, по семантическому наполнению отражают характер либо сопоставления, либо определения, либо уподобления. При этом большая часть созданных паремий имеет коннотативный характер.

Особенности семантики и структуры созданных паремий фиксируют такие признаки обыденного языкового сознания, как *индивидуальность, экспрессивность, эмоциональность* и *ироническая направленность*. В процессе их образования не только создается окказиональная единица, но и отрицаются и обыгрываются сложившиеся в обществе и языке стереотипы, происходит ироническая репрезентация новых жизненных принципов.

2. «Ложные» паремии, под которыми мы понимаем не являющиеся устойчивыми с позиции традиционного представления однословные образования, но отнесенные к ним с позиции рядового носителя языка отдельные лексемы, связанные либо ассоциативно, либо по созвучию, например: **Аист** – *ребёнок, дети, акушер, мамочка*; **Абрикос** – *фруктоз; варикоз*.

Рядовые носители языка на вопрос об имеющихся в русском языке устойчивых выражениях, в состав которых входит определенная лексема, довольно часто называли лексемы со свободным значением, что, как представляется, может являться причиной либо лингвистического незнания особенностей структуры устойчивых выражений, либо незнанием воспроизводимых сочетаний со словом-стимулом, либо языковой игрой. Несмотря на то что по структурно-семантическим признакам данные единицы не относятся к устойчивым фразам, они также иллюстрируют особенности обыденного языкового сознания, для которого при метаязыковой деятельности существенными оказываются *ассоциативные, дефиниционные признаки* и *сходство внешней формы*.

По ядерным моделям образования «ложные» паремии могут быть разделены на три группы:

✓ паремии-ассоциации: **Аист** – *ребёнок; дети; акушер; мамочка*; **Вирус** – *жизнь; СПИД; бактерия; болезнь;* **Водоросль** – *капуста; Китай; море; морепродукты; скользкий;* **Кенгуру** – *Австралия; большой; карман; джекпот;* **Многолетник** – *дед; жизнь; ипотека; старик; сыр*;

✓ паремии-созвучия: **Абрикос** – *фруктоз; варикоз;* **Азалия** – *розалия;* **Кашка** – *малашка*; *кудряшка;* **Малина** – *калина;* **Многоножка** – *сороконожка;* **Молодь** – *жёлудь; голодь*;

✓ паремии – дефиниции: **Абрикос** – *фрукт;* **Аист** – *птица;* **Беляк** – *заяц;* **Зебра** – *животное;* **Земляника** – *ягода;* **Злак** – *растение.*

Частотность представления «ложных» паремий по данным образцам свидетельствует о том, что сам процесс окказионального моделирования по выявленным типам носит неслучайный характер. Обыденное языковое сознание *ассоциативно направлено* и *ориентировано на внешнюю форму интерпретируемого слова.*

В целом проведенный анализ трансформированных выражений свидетельствует о том, что существующие в языке модели, хранящиеся в сознании информантов, являются структурной базой для создания собственных устойчивых выражений. В большинстве случаев релевантным для говорящего является не содержание, а именно форма устойчивой фразы.

Безусловно, обыденное языковое сознание направлено не только на образование и модификацию идиоматичных единиц, но и ориентировано на фиксацию воспроизводимых фраз в их узуальном представлении. При этом, как показывают результаты исследования, для рядового носителя языка данный механизм является менее частотным. Количественная представленность нетрансформированных выражений – 256 единиц из выделенных 665 паремий – позволяет констатировать относительно невысокую продуктивность когнитивного процесса репрезентации узуальных паремий.

По структурно-семантическим особенностям выделенные единицы могут быть распределены по следующим группам:

1. Фразы из песен. Представленная тематическая классификация иллюстрирует высокочастотный характер прежде всего современных прецедентных текстов. В большинстве случаев информанты приводят контексты из современных песен, что может быть отчасти объяснено и возрастными особенностями: большую часть респондентов «Словаря обыденных толкований русских слов» составили студенты, для которых данные модели являются более актуальными: **Бацилла** – *«…диско-малярия. Что за новая бацилла?..»* (Серёга, «Дискомалярия»); **Берёза** – *«отчего так в России березы шумят»* (группа «Любэ», «Берёзы»); *«плакала береза желтыми листами»* (группа «Корни», «Берёза»); **Вика** – *«и на каждой открытке я с любовью пишу: «С Днем рождения, Вика»* (группа «Корни», «Вика»); *«Вива ла дива, вива Виктория, Афродита, вива ла дива, вива Виктория, Клеопатра»* (Филипп Киркоров, «Вива»).

Продуктивность воспроизведения хранящихся в сознании фраз из песен подчеркивает также тот факт, что в качестве иллюстрации функционирования фразеологизмов песенные фразы приводятся информантами даже в тех случаях, когда в них не входит слово-стимул, например: **Альбатрос** – *«а когда на море качка… и бушует ураган; а когда на море качка… и бушует ураган»* или **Малина** – *«далеко-далеко на лугу пасутся ко …»*. Подобные примеры подчёркивают *ассоциативность* языкового сознания говорящих, устанавливающих связи между лексической единицей и фразой из популярной песни.

2. Фразы из рекламы. В метаязыковой ситуации воспроизведения устойчивых единиц рекламные слоганы и фразы из рекламных роликов активно приводятся в качестве иллюстрации паремий рядовыми носителями языка: **Арахис** – *арахис, нуга, густая карамель и тонкий слой темного шоколада;* **Бактерия** – *бактерии под ободком унитаза;* **Баран** – *о Петровых начистоту;* **Апельсин** – *«я апельсин, солнца сын»; «а я сочный апельсин», «я – апельсин, солнышка весёлый сын»;* **Арбуз** – *«вкусно, как Орбит "Сочный арбуз"»*.

Самую представленную в количественном отношении часть рекламных фраз составляют номинации рекламируемых товаров и марок производителей: **Абрикос** – *сок «Моя семья»;* **Апельсин** – *рыжий Ап; сок «Добрый»;* **Брусника –** «Актимель» северные ягоды с брусникой; **Верблюд** – *сигарета CAMEL;* **Зверобой** – *продукция компании «Эвалар»*. По содержательной организации и структурным особенностям (отсутствие образности, номинативная функция, образование из слов со свободным значением или однословное функционирование) данные единицы при традиционном понимании не могут быть отнесены к фразеологическому уровню языка. Между тем в языковом сознании информантов данные единицы соотносятся со словом-стимулом именно как устойчивые выражения, что, по нашему мнению, основано как на их частотном функционировании, так и на скрытых образах, которые содержат рекламируемые товары. Слово-стимул вызывает в сознании респондентов образ, внедряемый рекламным роликом, и его номинацию.

Подобным же образом организованы комплексные, готовые к употреблению ключевые слова, фразы и логины из рекламных текстов. Их частотное функционирование в рекламных текстах приводит к когнитивному процессу хранения и использования в коммуникативных ситуациях, что подчеркивает определенную *шаблонность*

обыденного языкового сознания, с одной стороны, и его *ассоциативный характер* – с другой.

3. Пословицы и поговорки. Пословицы и поговорки достаточно часто воспроизводятся современными носителями русского языка, что, на наш взгляд, обусловлено как их рифмующейся, легко запоминающейся звуковой формой, так и скрытым в них смыслом. Так, в анализируемых 40 словарных статьях в целом было выделено 146 пословиц и поговорок, 42 из которых носили нетрансформированный характер: **Бабочка** – *лучше синица в руках, чем журавль в небе;* **Баран** – *уставился, как баран на новые ворота;* **Белорыбица** – *на безрыбье и рак рыба;* **Бергамот** – *любишь медок, люби и холодок;* **Берёза** – *берёза не угроза: где стоит, там и шумит*.

Нетрансформированное употребление пословиц и поговорок, которое основывается на знании особенностей их формы и значения, является иллюстрацией *традиционности* обыденного языкового сознания. Носители языка хранят в сознании готовые речевые обороты, существующие на протяжении многих тысячелетий. Между тем, как уже было отмечено выше, более продуктивными в современном употреблении являются именно трансформированные варианты пословиц и поговорок. Обыденное языковое сознание направлено на создание разных вариантов традиционных выражений, что иллюстрирует его *креативный характер*. Пословицы заново обрабатываются, переосмысляются и употребляются в современной речи в трансформированном виде.

4. Прецедентные фразы. Для языкового сознания рядового носителя русского языка значимым является и представление устойчивых выражений в виде фраз, имеющих сверхличностный характер, т. е. известных широкому кругу людей. Воспроизведение лингвокультурологических текстов отражает некий фонд фоновых знаний реципиентов, является маркером *культурно обусловленной* особенности обыденного языкового сознания: **Берёза** – *«белая берёза под моим окном…»* (С.А. Есенин, «Берёза»); *«есть на севере берёза, что стоит среди камней. Побелели от мороза ветви черные на ней»* (Н. Рубцов, «Берёза»); **Буревестник** – *«гордо реет Буревестник»* (М. Горький, «Песня о Буревестнике»); *«белеет парус одинокий»* (М.Ю. Лермонтов, «Парус»); **Бабочка** – *крылышками помахала, пламя потушила* (К.И. Чуковский, «Путаница»); *«лето красное пропела, оглянуться не успела…»* (И.А. Крылов, «Стрекоза и муравей») и т. д.

В целом анализ нетрансформированных устойчивых выражений позволяет сделать вывод о том, что в обыденном языковом сознании носителей русского языка отражаются как паремии, обладающие традиционным характером, имеющие многовековую историю (пословицы, поговорки), так и актуальные в настоящее время единицы (фразы из песен, рекламы, мультипликационных и кинематографических фильмов). Бóльшая часть названных информантами единиц не отражается в существующих академических словарях, так как в них фиксируется реальное функционирование паремий в современной коммуникации. Подобная закономерность подчеркивает направленность рядового носителя языка на речевую фиксацию актуальных устойчивых оборотов.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы. В большинстве исследований, посвящённых описанию комплекса устойчивых выражений русского языка, отмечается, что ядерную зону паремиологической системы составляют узуальные паремии и варианты узуальных паремий (Мокиенко 2001). Между тем проведенный анализ доказывает, что на уровне обыденного языкового употребления ядерными являются именно трансформированные и окказиональные паремии, которые в количественном отношении преобладают над нетрансформированными единицами.

Далеко не полный перечень выделенных признаков позволяет утверждать, что обыденное языковое сознание, отраженное в паремиологическом комплексе русского языка, является сложным образованием, включающим порой противоположные характеристики. Оно отличается традиционностью и новизной, стереотипностью и индивидуальностью, речетворчеством и заданностью. Паремии отражают иронию говорящего, создающего окказиональные фразы, и знание существующих веками воспроизводимых словесных комплексов. В таких единицах фиксируются ценностная составляющая, бытовые представления и ассоциативные связи рядового носителя языка. В обыденных паремиях репрезентируется не столько понятийное содержание, сколько содержание чувственное, фиксируемое в сознании в форме образов, представлений, ассоциаций, не столько профессиональное, сколько бытовое.

Дальнейший анализ и сопоставление выявленных паремий представляют обширный материал для изучения взаимодействия двух важнейших форм сознания – культуры и языка. Обыденные паремии раскрывают особенности метаязыкового сознания

носителей русского языка, играют особую роль в отражении самосознания народа. В образном содержании этих единиц воплощено культурно-национальное мировидение.

*Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект № 15-04-00311, «Лингвокогнитивный анализ конфликтов в сфере обыденной политической коммуникации»

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Об особенностях концепции, проекта и опыта реализации «Словаря обыденных толкований русских слов» см. гл. 3 «Лексикографические аспекты изучения обыденного метаязыкового сознания» коллективной монографии «Обыденное метаязыковое сознание: онтологический и гносеологический аспекты» (Кемерово, 2010).

ЛИТЕРАТУРА

Богачёва, Морковкин 2011 - *Богачёва Г.Ф., Морковкин В.В.* О всеохватном лексикографическом представлении лексического ядра русского языка // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 3. С. 6–12.

Козько 2006 - *Козько Н.А.* Отражение стереотипности национального сознания в пословицах и поговорках // Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. Магнитогорск: МаГУ, 2006. С. 40–44.

Мечковская 2008 - *Мечковская Н.Б.* Два взгляда на правду и ложь, или О различиях между языковой картиной мира и обыденным сознанием // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2008. С. 456–470.

Мелерович, Мокиенко 2005 - *Мелерович А.М., Мокиенко В.М.* Фразеологизмы в русской речи. М.: Русские словари, Астрель, АСТ, Харвест, 2005. 860 с.

Мокиенко 2001 - *Мокиенко В.М.* Фразеологизмы в русской речи. Словарь. 2-е изд., стереотип. М.: Русские словари, Астрель, 2001. 855 с.

Обыденное метаязыковое сознание 2010 - Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 3 / Отв. ред. Н.Д. Голев. Кемерово: Кемеров. гос. ун-т, 2010. С. 205–347.

Полиниченко 2004 - *Полиниченко Д.Ю.* Концепт «язык» в английской паремиологии // Язык, сознание, коммуникация. М.: МАКС-Пресс, 2004. Вып. 26. С. 83–90.

Словарь обыденных толкований русских слов 2012 - Словарь обыденных толкований русских слов. Лексика природы: В 2 т. Т. 1: А–М (Абрикос – муравей) / Сост.: Н.Д. Голев, М.Ю. Басалаева и др. ; Отв. ред. Н.Д. Голев. Кемерово: ОФСЕТ, 2012. 550 с.

REFERENCES

Bogacheva, G.F. & Morkovkin, V.V. (2011) On all-embracing lexicographic presentation of the lexical core of the Russian language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3. pp. 6-12. (In Russian).

Koz'ko, N.A. (2006) Otrazhenie stereotipnosti natsional'nogo soznaniya v poslovitsakh i pogovorkakh [Stereotyped national consciousness reflected in proverbs and sayings]. In: *Aktual'nye problemy lingvistiki i mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Topical problems of linguistics and intercultural communication]. Magnitogorsk: MaSU. pp. 40-44.

Mechkovskaya, N.B. (2008) Dva vzglyada na pravdu i lozh', ili o razlichiyakh mezhdu yazykovoy kartinoy mira i obydennym soznaniem [Two views on truth and lie, or about the differences between the linguistic picture of the world and common consciousness]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskiy analiz yazyka. Mezhdu lozh'yu i fantaziey* [Logical analysis of language. Between lies and fantasy]. Moscow: Indrik. pp. 456-470.

Melerovich, A.M. & Mokienko, V.M. (2005) *Frazeologizmy v russkoy rechi* [Idioms in the Russian language]. Moscow: Russkie slovari, Astrel', AST.

Mokienko, V.M. (2001) *Frazeologizmy v russkoy rechi. Slovar'* [Idioms in the Russian language. A Dictionary]. 2nd ed. Moscow: Russkie slovari, Astrel'.

Golev, N.D. (ed.) (2010) *Obydennoe metayazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty* [The common metalinguistic consciousness: ontological and epistemological aspects]. Kemerovo: Kemerovo State University.

Polinichenko, D.Yu. (2004) Kontsept "yazyk" v angliyskoy paremiologii [The concept of "language" in the English paremiology]. In: Krasnykh, V.V. (ed.) *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication]. Moscow: MAKS-Press. pp. 83-90.

Golev, N.D. (ed.) (2012) *Slovar' obydennykh tolkovaniy russkikh slov. Leksika prirody*. V 2 t. [The Dictionary of ordinary interpretations of Russian words. The vocabulary of nature: In 2 vols]. Vol. 1. Kemerovo: OFSET.

Кишина Елена Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Кемеровского государственного университета.

Kishina Elena – Ph.D. of Philology, Assistant Professor of the Chair of the Russian language of Kemerovo State University.

E-mail: kishina@mail.ru

Rusin Journal Library
Библиотека журнала «Русин»

2015, № 3

Республиканская общественная ассоциация «Ργсь»
(г. Кишинев, Молдавия)

Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

- 201 стр.

Республиканская общественная ассоциация «Ργсь»
MD 2001, Республика Молдова, г. Кишинев,
ул. М. Когэлничану, 24/1.
Телефон / факс: (+373 22) 28-75-59.
E-mail: journalrusyn@rambler.ru

Сайт «Русины Молдавии»: http://www.rusyn.md

**Сайт «Библиотека журнала «Русин»:
http://journals.tsu.ru/rusin_library**

**Международный исторический журнал «Русин»:
http://journals.tsu.ru/rusin**

Подписано к печати 21.12.2015. Формат 60x90 1/16.
Гарнитура PT Sans.
Тираж 80 экз. Заказ 1522.

Отпечатано на оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. (3822) 531-528, 529-849.
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.

Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня.

Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.